М. З. и Г. И.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

КЪ ВОПРОСУ

О РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦІИ

ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

Отчетъ Члена Ученаго Комитета М-ва З. и Г. И. А. А. Кауфмана по командировкѣ лѣтомъ 1903 года.

Дублет
Гос. Публ. Б-ка
Обмен

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.

1903.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
227
30

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе. Сводъ главнѣйшихъ выводовъ I

Введеніе. Сущность данныхъ порученій и общій обзоръ командировки 1

Глава первая. Характерныя черты хозяйственнаго положенія русскихъ поселковъ 5

Русскіе поселки въ Голодной Степи (5—6); причины ихъ плохого состоянія (7—8). Поселки Сыръ-Дарьинской области: типы поселенцевъ (8—10); экономическое положеніе поселковъ (10—15). Общія условія земледѣльческаго хозяйства (15—18); значеніе саранчи (18—20); вопросъ о высыханіи края (20—24). Усвоеніе крестьянами ирригаціонной техники (24—26); отношенія съ туземцами на почвѣ водопользованія (26—29). Общій вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ туземцамъ (29—33); значеніе близкаго сосѣдства 33—34). Характеръ хозяйства русскихъ поселенцевъ (34—36); интенсивныя культуры (36—39). Развитіе арендъ (39—45). „Билетные“ (45—46); самовольные поселки (47—48).

Глава вторая. Земельные и водные запасы края 49

Неудобныя площади (49—51). Общій обзоръ удобныхъ пространствъ (51—54). Болѣе детальныя данныя по Сыръ-Дарьинской области (54—56): горныя мѣстности (56—58); лессовыя степи (58—61): тугайныя земли (62—68). Запасы ирригаціонной воды (68—75). Наиболѣе желательныя для орошенія районы (72—75). Типы ирригаціонныхъ предпріятій: крупныя и мелкія работы (75—79). Значеніе европейской и туземной техники (79—84); необходимость согласованія научной техники съ мѣстною практикой (84). Желательная организація ирригаціоннаго дѣла (84—86). Районы для некрупныхъ оросительныхъ предпріятій: южная часть Сыръ-Дарьинской области (87—92); сѣверная часть (92—96); другія области (96—67). Необходимость ирригаціонныхъ изслѣдованій въ связи съ землеотводными работами (97—98). Вопросъ объ упорядоченіи водопользованія; безпорядочность послѣдняго (98—101); желательность выясненія поливныхъ нормъ (101—103); необходимость опытнаго выясненія вопроса (103—104). Вопросъ о культурѣ безъ искусственнаго орошенія (104—106); количество осадковъ (106—107); литературныя данныя (107—112); указанія мѣстныхъ дѣятелей (112—114); личныя наблюденія (115—117); выводы (117—120). Значеніе вопроса для дѣла русской колонизаціи (120—121); необходимость опытнаго изслѣдованія въ землеотводныхъ цѣляхъ (121—123); организація его (123—125). Условный выдѣлъ земель подъ заселеніе (125—130).

Стр

Глава третья. Обзоръ особенностей быта туркестанскихъ киргизъ въ связи съ соображеніями объ организаціи землеотводныхъ работъ 131

Условія быта сыръ-дарьинскихъ киргизъ по сравненію съ киргизами Степного края (131—133): развитіе земледѣлія у киргизъ (133—136); потребительное его значеніе (136—138); переходъ къ осѣдлости (138—140); первобытность формъ землепользованія и хозяйства (140—141); качественная дифференціація киргизъ (141—147). Характеръ скотоводства и земледѣлія (147—150). Родовое землепользованіе (150—152); значеніе административныхъ границъ (152—154); обособленіе землевладѣній (154—155); пестрота формъ землепользованія (155—160) Соображенія о земельныхъ излишкахъ (160—163); наводящія данныя (163—168). Вѣроятная высота нормъ киргизскаго землепользованія (168—171). Основанія исчисленія излишковъ (171—172) Территоріальный принципъ изслѣдованія (172—173). Вопросъ о сплошномъ или выборочномъ изслѣдованіи (173—179). Общій принципъ организаціи изслѣдованія (179—181); задачи землеотводной партіи (181—183); сбереженіе труда, времени и средствъ (183—184); интересы киргизъ (184—187). Несвоевременность составленія инструкціи (187—192). Необходимость дальнѣйшихъ мѣръ къ упорядоченію лѣсного дѣла въ краѣ (192—197). Значеніе возможныхъ переходовъ кочевниковъ въ осѣдлое состояніе по ст. 279[1] Турк. пол. (197—200). Значеніе дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ (200—205).

Въ видахъ обоснованія имѣющихъ непосредственное отношеніе къ постановкѣ землеотводнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ положеній настоящаго отчета, составителю его пришлось, съ одной стороны, привести нѣкоторыя данныя, касающіяся характера хозяйства русскихъ поселенцевъ края, а съ другой—охарактеризовать въ общихъ чертахъ, насколько это было возможно, условія землепользованія хозяйства кочевого населенія. Кромѣ того, ему казалось необходимымъ привести возможно конкретныя фактическія данныя касательно земельныхъ и водныхъ запасовъ края и вообще—свести, по возможности, тотъ фактическій матеріалъ, на основаніи котораго можно было бы провѣрить его личные выводы и заключенія. Эти выводы и заключенія могутъ быть сведены къ нижеслѣдующимъ положеніямъ.

1. Русскіе поселенцы въ краѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особо неустойчивыхъ и склонныхъ къ бродяжеству элементовъ, вполнѣ успѣшно устраиваются въ Туркестанскомъ краѣ и достигаютъ здѣсь высокаго и, повидимому, устойчиваго благосостоянія; въ частности, они оказываются вполнѣ способными вести поливное земледѣльческое хозяйство. Это послѣднее отличается, однако, отъ хозяйства осѣдлыхъ туземцевъ своею экстенсивностью какъ въ смыслѣ преобладанія залежныхъ и вообще — основанныхъ исключительно на эксплоатаціи естественнаго плодородія земли способовъ полеводства, такъ и въ смыслѣ склонности русскихъ поселенцевъ, по преимуществу, къ зерновымъ культурамъ. То и другое обстоятельство, въ совокупности, значительно повышаетъ потребность русскихъ поселенцевъ въ землѣ и при весьма большихъ, по сравненію съ туземцами, размѣрахъ отведенныхъ имъ надѣловъ, заставляетъ ихъ стремиться къ увеличенію площади своего землепользованія путемъ широко-практикуемаго арендованія киргизскихъ земель.

2. Взаимныя отношенія русскихъ поселенцевъ съ сосѣдними туземцами могутъ быть признаны, въ общемъ, удовлетворительными. Весьма обычными являются, однако. столкновенія на почвѣ потравъ и въ особенности—въ вопросахъ водопользованія, въ виду чего необходимо при устройствѣ въ краѣ новыхъ поселенцевъ стремиться, по возможности, къ отводу имъ участковъ обособленныхъ, въ оросительномъ отношеніи, отъ землепользованія туземцевъ, и подчинить возможно близкому правительственному контролю, въ случаяхъ общности водопользованія, какъ самое распредѣленіе оросительной воды, такъ и отбываніе натуральныхъ и денежныхъ повинностей по поддержанію въ порядкѣ оросительныхъ системъ. Непосредственное сосѣдство русскихъ поселеній съ киргизскими зимними жилищами и культурными угодьями само по себѣ не обусловливаетъ, повидимому, особыхъ осложненій, въ виду чего представляется возможнымъ допустить въ сравнительно густонаселенныхъ туземцами районахъ образованіе русскихъ поселеній даже на небольшихъ площадяхъ излишнихъ земель, вкрапленныхъ среди туземныхъ поселеній и угодій; однако, образуемыя при такихъ условіяхъ русскія селенія должны располагаться одно отъ другого не слишкомъ далеко и не должны быть слишкомъ изолированы среди сплошного туземного населенія.

3. Общее количество въ Туркестанскомъ краѣ земель, которыя могли-бы быть использованы, при условіи искусственнаго орошенія, для сельско-хозяйственной культуры, а слѣдовательно и для колонизаціи, очень велико — значительно больше, нежели тѣ свободные запасы воды, которые могутъ быть использованы для надобностей орошенія. Къ категоріи земель, удобныхъ для поливной культуры, относятся главнымъ образомъ лессовыя степи, широкими полосами окаймляющія всѣ нагорья края и залегающія значительными пространствами также и на ровной степи, а затѣмъ предгорные районы, гдѣ удобныя для культуры земли располагаются по отлогимъ склонамъ горъ, по долинамъ и плато, чередуясь съ малоудобными каменистыми и т. п. склонами. Располагающіяся въ долинахъ болѣе значительныхъ рѣкъ, такъ называемыя тугайныя земли, собственно по почвеннымъ условіямъ и легкости вывода воды,

представляютъ особыя удобства для заселенія, — но послѣднее затрудняется своеобразными условіями орошенія и особенно—опасностью затопленія, въ виду чего заселеніе ихъ потребуетъ тщательнаго выбора мѣстъ и нерѣдко—особыхъ мѣръ къ огражденію отъ наводненій.

4. Рѣшеніе вопроса о запасахъ ирригаціонной воды, могущихъ быть вновь использованными для цѣлей орошенія, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ имѣющаго быть принятымъ направленія ирригаціоннаго дѣла. Наиболѣе цѣлесообразнымъ представлялось бы сосредоточить вниманіе на некрупныхъ, каждое въ отдѣльности, предпріятіяхъ, направленныхъ къ расширенію, развитію и улучшенію существующей въ краѣ ирригаціонной сѣти, къ возобновленію заброшенныхъ туземныхъ оросительныхъ системъ и т. п., а новыя работы предпринимать лишь тамъ, гдѣ таковыя могутъ быть выполнены въ сравнительно короткое время и съ небольшими затратами. При выполненіи ирригаціонныхъ предпріятій необходимо возможно полнѣе использовать тысячелѣтній опытъ туземной ирригаціонной техники, по возможности согласуя выработанные послѣднею пріемы съ указаніями европейской ирригаціонной техники и лишь въ видѣ исключенія, въ предѣлахъ безусловной необходимости, прибѣгая къ возведенію капитальныхъ головныхъ и т. п. сооруженій. Финансово-административную сторону дѣла было бы желательно поставить такъ, чтобы на осуществленіе необходимыхъ, въ колонизаціонныхъ видахъ, ирригаціонныхъ работъ въ распоряженіе Высшей въ краѣ Власти была отпускаема, ежегодно, извѣстная сумма денегъ, и чтобы предположенія объ отдѣльныхъ, въ предѣлахъ этой суммы, ассигнованіяхъ разсматривались на мѣстѣ, въ условіяхъ, гарантирующихъ какъ финансовую, такъ и техническую правильность подлежащихъ разсмотрѣнію предположеній.

5. Относительно мѣстностей, могущихъ быть орошенными безъ особыхъ затрудненій и съ незначительными затратами средствъ, уже въ настоящее время имѣются очень многочисленныя указанія. Ближайшимъ образомъ, однако, вопросъ о возможности предназначить извѣстную мѣстность подъ поливную культуру можетъ быть выясненъ лишь на основаніи мѣстнаго изслѣдованія. Такъ какъ

отъ рѣшенія этого вопроса будетъ зависѣть, въ каждомъ данномъ случаѣ, возможность обращенія извѣстной мѣстности подъ заселеніе, то сказанныя изслѣдованія должны быть поставлены въ тѣснѣйшую связь съ землеотводными работами, для чего необходимо ввести теоретически подготовленныхъ и знающихъ мѣстныя условія спеціалистовъ въ составъ землеотводной партіи.

6. Какъ бы, однако, благопріятно ни разрѣшился вопросъ о количествѣ могущей быть использованною воды и какъ бы широко ни было поставлено ирригаціонное дѣло, во всякомъ случаѣ имѣющіеся запасы воды, при существующихъ нормахъ и порядкахъ полива, позволятъ оросить лишь небольшую долю пригодныхъ для того земель, причемъ нѣкоторая часть могущей быть орошенною площади должна будетъ остаться въ распоряженіи туземнаго населенія и главнымъ образомъ переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ. Въ видахъ расширенія площади ирригаціонной культуры необходимо, поэтому, обратить особое вниманіе на вопросъ объ упорядоченіи водопользованія и въ частности—о болѣе экономномъ пользованіи водою. Имѣющіяся данныя позволяютъ утверждать, что масса воды, проходящей черезъ ирригаціонные каналы, пропадаетъ безъ пользы для ирригаціоннаго дѣла, и что поливъ въ богатыхъ водою мѣстностяхъ производится какъ у туземцевъ, такъ и въ особенности у русскихъ, гораздо интенсивнѣе, нежели дѣйствительно необходимо. Нужно точно выяснить, путемъ соотвѣтственныхъ наблюденій и опытовъ, поставленныхъ въ тѣсную связь съ землеотводными работами, каковъ дѣйствительно необходимый расходъ воды на орошеніе, и въ законодательномъ порядкѣ формулировать право Государства воспользоваться для его цѣлей всѣмъ излишкомъ проходящей черезъ оросительные каналы воды сверхъ количества, дѣйствительно необходимаго для пользующагося водою туземнаго и русскаго населенія. Этимъ способомъ, несомнѣнно, можетъ быть достигнуто значительное расширеніе той площади орошаемыхъ земель, которая можетъ быть использована для колонизаціонныхъ и другихъ государственныхъ цѣлей.

7. Не менѣе важенъ вопросъ о значеніи для мѣстнаго хозяйства, въ настоящемъ и будущемъ, посѣвовъ подъ дождь. По

господствующему взгляду, такіе посѣвы даютъ слишкомъ ненадежные результаты, и потому такъ называемыя богарныя земли разсматриваются лишь какъ придатокъ къ основному надѣлу, состоящему изъ поливныхъ земель. Между тѣмъ, по отношенію къ ряду мѣстностей и въ частности—къ предгорнымъ районамъ Чимкентскаго и Ташкентскаго уѣздовъ, полная благонадежность посѣвовъ подъ дождь безусловно доказана опытомъ существующаго хозяйства русскихъ поселенцевъ и частью киргизъ,—по отношенію же къ другимъ мѣстностямъ возможность ожидать отъ такихъ посѣвовъ хорошихъ и устойчивыхъ результатовъ весьма правдоподобна. Представляется необходимымъ для каждой отдѣльной мѣстности выяснить вопросъ о возможномъ значеніи посѣвовъ подъ дождь, путемъ организованнаго въ связи съ землеотводными работами спеціальнаго изслѣдованія, связаннаго съ устройствомъ опытно-показательныхъ посѣвовъ. Для тѣхъ мѣстностей, гдѣ надежность посѣвовъ подъ дождь будетъ дѣйствительно доказана, окажется возможнымъ если не отводить переселенцамъ одинъ богарныя земли (что, можетъ быть, представило бы извѣстныя неудобства), то во всякомъ случаѣ свести до минимума количество отводимыхъ переселенцамъ орошаемыхъ земель, замѣняя ихъ соотвѣтственно увеличеннымъ количествомъ богарныхъ. Этимъ способомъ будетъ сбережено значительное количество воды для оживленія такихъ пространствъ, которыя безусловно непригодны для культуры безъ искусственнаго орошенія,—переселенцы же не только не потерпятъ отъ такого способа надѣленія землею никакого ущерба, но напротивъ—такой способъ будетъ въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствовать зерновому, по преимуществу, характеру ихъ хозяйства.

8. Изъ изложеннаго въ предыдущихъ (4—7) пунктахъ видно, что какъ возможность, вообще, заселенія могущихъ оказаться въ краѣ свободныхъ земель, такъ и рѣшеніе возникающихъ при образованіи участковъ частныхъ вопросовъ, касающихся состава угодій, нормы надѣленія, конфигураціи участковъ и т. п., будетъ весьма часто зависѣть отъ такихъ условій, которыя осуществятся (ирригаціонныя и дорожныя работы!) или выяснятся (поливныя нормы, надежность посѣвовъ подъ дождь!) лишь по истеченіи извѣстнаго времени съ момента выполненія,

въ данной мѣстности, землеотводныхъ работъ. Въ видахъ возможно планомѣрнаго использованія для колонизаціонныхъ цѣлей, имѣющихся въ краѣ свободныхъ земель, представляется умѣстнымъ выдѣлять условно признанныя излишними земли (см. ниже, пп. 10, 12 и 13) изъ пользованія кочевого населенія, окончательное-же образованіе изъ изъятыхъ земель переселенческихъ участковъ отлагать до того времени, когда будутъ проведены необходимыя дороги или оросительныя каналы, когда будетъ разрѣшенъ для данной мѣстности вопросъ объ излишкахъ воды или о надежности богарныхъ посѣвовъ, и т. д.

9. Условія землепользованія и хозяйства туркестанскихъ и въ частности — сыръ-дарьинскихъ киргизъ во многомъ отличаются отъ условій быта и хозяйства киргизъ сѣверной полосы Акмолинской и Тургайской областей. Отличія эти могутъ быть сведены къ слѣдующимъ главнѣйшимъ пунктамъ: значительное развитіе поливного земледѣлія, связанное съ болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ осѣданіемъ, какъ характерная черта быта бѣдной и средне-состоятельной массы киргизъ, наряду съ сохранившимися крайне первобытными формами кочевого быта и скотоводческаго хозяйства у зажиточнаго меньшинства; въ связи съ этимъ—рѣзкое различіе въ составѣ землепользованія у полуосѣдлой массы и зажиточныхъ кочевниковъ, и крайнее разнообразіе формъ пользованія разнаго рода угодьями, съ преобладаніемъ однако, собственно по отношенію къ пастбищнымъ степямъ, самыхъ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ формъ, свойственныхъ большому земельному простору.

10. Изъ своеобразія условій быта и хозяйства сыръ-дарьинскихъ киргизъ вытекаетъ прежде всего невозможность примѣнить къ Сыръ-Дарьинской области, въ полномъ объемѣ, тѣ инструкціонныя указанія, на основаніи которыхъ ведутся землеотводныя работы въ сѣверныхъ киргизскихъ степяхъ. Имѣющія быть выработанными для Сыръ-Дарьинской области особыя инструкціи, исходя изъ тѣхъ-же основныхъ началъ, которыя дѣйствуютъ въ Степномъ краѣ, должны быть вполнѣ сообразованы со всѣми особенностями мѣстнаго землепользованія и хозяйства. Время для выработки подобнаго рода инструкцій наступитъ лишь по выполненіи частью—детальныхъ мѣстныхъ

изслѣдованій, частью—предварительныхъ рекогносцировокъ, хотя бы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края; притомъ на первое время умѣстно издать лишь временную инструкцію, которая затѣмъ будетъ подлежать переработкѣ соотвѣтственно указаніямъ практики работъ по образованію переселенческихъ участковъ.

11. Во многомъ непримѣнимы и практиковавшіеся въ Степномъ краѣ пріемы вывода нормъ киргизскаго землепользованія; въ частности—не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ пріемъ вычисленія пастбищныхъ нормъ по такъ называемымъ сполна использованнымъ площадямъ. Среднія скотоводческія нормы (количество головъ скота, необходимое для средняго киргиза) для туркестанскихъ киргизъ будутъ, несомнѣнно, ниже нормъ, вычисленныхъ статистическою экспедиціею для киргизъ Степного края; это вытекаетъ изъ сравнительно ограниченныхъ дѣйствительныхъ размѣровъ скотоводства у туркестанскихъ киргизъ и изъ той большой роли, которую въ ихъ хозяйствѣ играетъ земледѣліе. При предстоящемъ опредѣленіи нормъ и въ особенности—при исчисленіи излишковъ въ мѣстностяхъ, представляющихъ интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, безусловно необходимо считаться не только съ общею площадью угодій и со всею массою заинтересованныхъ въ пользованіи данною мѣстностью киргизъ, но и съ *главнѣйшими видами угодій* и съ дѣйствительнымъ пользованіемъ *различныхъ* по состоятельности *группъ* кочевого и полукочевого населенія. При такомъ пріемѣ вычисленіи излишковъ удастся значительно увеличить площадь возможныхъ, безъ ущерба для киргизъ, изъятій въ наиболѣе интересныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи районовъ, оставляя неприкосновенными весьма обширныя, цѣнныя для кочевниковъ, но негодныя для колонизаціи пространства.

12. Общее количество земель, излишнихъ сверхъ дѣйствительныхъ потребностей кочевого населенія, весьма значительно. Это доказывается такими фактами, какъ чрезвычайное развитіе арендъ вездѣ, гдѣ только находятся съемщики на киргизскія земли; какъ нахожденіе обширныхъ площадей пастбищъ въ пользованіи торговцевъ-скотопромышленниковъ, а не того кочевого населенія, которое имѣетъ право на пользованіе госу-

дарственными землями края по ст. 270 Турк. пол.; какъ существованіе возможныхъ лишь при крайнемъ многоземельѣ неопредѣленныхъ формъ землепользованія и экстенсивныхъ типовъ кочевого хозяйства, и т. п. Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что количество излишнихъ земель окажется далеко превышающимъ площадь тѣхъ земель, которыя, по ихъ природнымъ свойствамъ и въ особенности—по условіямъ естественнаго или искусственнаго орошенія, могутъ быть предназначены для колонизаціонныхъ цѣлей.

13. Въ виду огромности пространствъ, безусловно непригодныхъ для осѣдлой колонизаціи и представляющихъ интересъ исключительно для чисто кочевой, зажиточной части киргизскаго населенія,—а также такихъ пространствъ, которыя, главнымъ образомъ по безводью, очень слабо использованы киргизами и въ то-же время, по той же причинѣ, лишь въ ничтожной своей части могутъ быть предназначены подъ русскія поселенія,—производство сплошного хозяйственно-статистическаго изслѣдованія по однообразной подробной программѣ, связанное со сплошными-же инструментальными работами, не оправдывалось бы практическими потребностями землеотводнаго дѣла. Представлялось бы поэтому вполнѣ цѣлесообразнымъ, а въ виду характера землепользованія и хозяйства кочевниковъ—и допустимымъ замѣнить сплошное изслѣдованіе изслѣдованіемъ выборочнымъ, сообразованнымъ по объему и содержанію съ практическою возможностью выдѣла земель, удобныхъ подъ заселеніе. Въ этихъ цѣляхъ необходимо, въ видѣ первой стадіи землеотводныхъ работъ, предпринимать предварительныя рекогносцировки для отысканія мѣстностей, представляющихъ большій или меньшій интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, и выясненія, въ самыхъ грубыхъ чертахъ, степени ихъ использованности мѣстнымъ населеніемъ. Затѣмъ, какъ въ мѣстностяхъ безусловно негодныхъ для колонизаціи, такъ и въ явно малоземельныхъ районахъ, гдѣ о наличности какихъ-либо излишковъ не можетъ быть и рѣчи, не должно быть предпринимаемо никакихъ дальнѣйшихъ работъ. Въ мѣстностяхъ, представляющихъ интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, какъ объемъ, такъ и содержаніе изслѣдованій киргизскаго земле-

пользованія и хозяйства должны быть строго ограничены дѣйствительною практическою потребностью: изслѣдоваться должно землепользованіе и хозяйство только тѣхъ именно киргизъ, которые фактически участвуютъ въ пользованіи площадями, представляющими интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи,— и программа изслѣдованія должна быть, въ каждой данной мѣстности, тѣмъ подробнѣе, чѣмъ больше количество земель, пригодныхъ для колонизаціи, чѣмъ интенсивнѣе использована мѣстность туземнымъ населеніемъ, и чѣмъ сильнѣе обособилось землевладѣніе отдѣльныхъ группъ этого послѣдняго.

14. Изложенные въ предыдущемъ пунктѣ принципы могутъ быть осуществлены на практикѣ лишь въ томъ случаѣ, если производство изслѣдованій землепользованія и хозяйства киргизъ будетъ возложено на то самое учрежденіе, которое будетъ заниматься отысканіемъ площадей, годныхъ для колонизаціи и выдѣломъ ихъ—въ предѣлахъ выясненныхъ изслѣдованіемъ излишковъ—въ переселенческіе участки. Изъ приведенныхъ въ предыдущихъ пунктахъ соображеній вытекаетъ такимъ образомъ необходимость сформированія такой партіи, которая по своей организаціи и личному составу была бы способна вести какъ самыя землеотводныя работы, такъ и необдимыя для правильной ихъ постановки предварительныя изслѣдованія (п. п. 6, 7 и 13).

15. Результаты предстоящихъ въ Туркестанскомъ краѣ и въ частности—въ Сыръ-Дарьинской области землеотводныхъ работъ въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ скорѣйшаго упорядоченія въ краѣ лѣсного дѣла согласно принципамъ, изложеннымъ въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента по командировкѣ его въ Туркестанскій край,—а именно, главнымъ образомъ, отъ пересмотра границъ слишкомъ обширныхъ, въ настоящее время, лѣсныхъ дачъ и отъ смягченія дѣйствующихъ нынѣ запретительныхъ правилъ относительно пастьбы скота въ саксаульныхъ и т. п. насажденіяхъ. Для этого, между прочимъ, необходимо усиленіе силъ и средствъ мѣстнаго лѣсного управленія въ цѣляхъ какъ ускоренія хода таксаціонныхъ работъ, такъ и охраны имѣющихъ дѣйствительное значеніе и цѣнность насажденій.

16. Въ мѣстностяхъ съ осѣдлымъ населеніемъ возможность образованія переселенческихъ участковъ находится въ полной зависимости отъ результатовъ приводимыхъ, согласно закону 10 Іюля 1900 г., дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ. Есть, повидимому, полное основаніе думать, что въ распоряженіи государства, за завершеніемъ этихъ работъ, останется весьма немного земель, пригодныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія и для русской колонизаціи.

Въ виду предстоящаго открытія работъ по заготовленію земель для переселенцевъ въ Туркестанскомъ краѣ, Его Высокопревосходительству, г. Министру Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, угодно было командировать меня истекшимъ лѣтомъ въ названный край для выясненія вопроса объ условіяхъ отвода земель подъ русскія поселенія и о цѣлесообразной организаціи землеотводныхъ работъ. При этомъ, въ виду невозможности разсчитывать въ Туркестанѣ на значительныя пространства земель, годныхъ для крестьянской колонизаціи, мнѣ было вмѣнено въ особую обязанность изыскать такіе пріемы производства работъ, которые позволили-бы, не прибѣгая къ сплошному хозяйственно-статистическому изслѣдованію черезъ особую экспедицію и къ таковымъ-же инструментальнымъ работамъ, образовать переселенческіе участки при полномъ соблюденіи законныхъ интересовъ кочевого инородческаго населенія края.

Прибывъ 11 Августа въ г. Ташкентъ и въ тотъ-же день получивъ отъ Его Высокопревосходительства г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора первоначальныя ближайшія указанія по предмету даннаго мнѣ порученія, я затѣмъ пробылъ въ Ташкентѣ 10 дней; въ теченіе этого времени я принялъ участіе въ рядѣ совѣщаній, имѣвшихъ впрочемъ неоффиціальный характеръ и не сопровождавшихся составленіемъ журналовъ, — каковыя совѣщанія были посвящены частью выясненію, вообще, вопроса объ условіяхъ дальнѣйшей русской колонизаціи края, поскольку таковыя зависятъ отъ земельныхъ и водяныхъ богатствъ этого послѣдняго, частью — обсужденію вопроса объ организаціи предстоящихъ землеотводныхъ работъ, наиболѣе соотвѣтствующей поставленной Его Высокопревосходительствомъ г. Министромъ, какъ выше указано, общей цѣли. Одно такое совѣщаніе, при участіи исключительно чиновъ мѣстнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, имѣло мѣсто у г. Начальника Управленія, д. с. с. Лазаревскаго, — и было посвящено по преимуще-

ству вопросу о тѣхъ водныхъ запасахъ, которые могли бы быть использованы для цѣлей русской колонизаціи края; два совѣщанія, при участіи исключительно чиновъ областной администраціи, состоялись у г. Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области, генералъ-лейтенанта Королькова, причемъ одно изъ нихъ было посвящено главнымъ образомъ обзору районовъ, представляющихъ интересъ съ точки зрѣнія русской колонизаціи. другое—по преимуществу обсужденію будущей организаціи землеотводныхъ работъ и необходимыхъ, какъ ихъ основа, хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій; на совѣщаніи у г. Управляющаго Казенною Палатой П. П. Ивашкевича былъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о значеніи, съ точки зрѣнія интересовъ русской колонизаціи, производимыхъ нынѣ и частью еще предстоящихъ, по преимуществу дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ и возможнаго перехода кочевниковъ-киргизъ въ осѣдлое состояніе. Наконецъ, два совѣщанія состоялись подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Высокопревосходительства г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора; на этихъ совѣщаніяхъ подвергалась обсужденію вся совокупность вопросовъ, прямо или косвенно связанныхъ съ дѣломъ земельнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ переселенцевъ. Затѣмъ, весь остатокъ времени, проведеннаго мною въ Ташкентѣ, былъ посвященъ частью ознакомленію съ нѣкоторыми оффиціальными матеріалами, имѣющими отношеніе къ предмету моей командировки, главнымъ же образомъ—бесѣдамъ съ отдѣльными лицами (которыя впрочемъ, почти всѣ принимали участіе и въ вышеупомянутыхъ совѣщаніяхъ), отъ которыхъ можно было получить существенныя указанія по вопросу либо о возможныхъ колонизаціонныхъ районахъ, либо о правильной и цѣлесообразной постановкѣ землеотводныхъ работъ. Изъ этихъ лицъ я не могу не упомянуть съ особою благодарностью о г. Военномъ Губернаторѣ Сыръ-Дарьинской области, генералъ-лейтенантѣ Н. И. Корольковѣ, который снабдилъ меня массою въ высшей степени цѣнныхъ указаній по всѣмъ сторонамъ возложеннаго на меня порученія; о Начальникѣ Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ д. с. с. В. М. Лазаревскомъ, Начальникѣ работъ по сооруженію южнаго участка Оренбурго-Ташкентской желѣзной дороги, инженерѣ т. с. Вяземскомъ, о г. Помощникѣ Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской обл., д. с. с. Хомутовѣ; о Завѣдывающемъ ирригаціею въ области, инженерѣ В. В. Есаковѣ, о Совѣтникѣ Сыръ-Дарьинскаго

Областного Правленія, И. И. Гейерѣ—одномъ изъ главныхъ дѣятелей и сотрудникѣ бывшаго Военнаго Губернатора, Н. И. Гродекова, по устройству существующихъ въ области русскихъ поселеній; о превосходномъ знатокѣ условій мѣстнаго сельскаго хозяйства О. А. Шкапскомъ, занимающемъ нынѣ должность чиновника по сельскохозяйственной части при Сыръ-Дарьинскомъ Областномъ Правленіи, о бывшихъ уѣздныхъ начальникахъ полковникѣ Киселевѣ и капитанѣ Колосовскомъ, о гидротехникахъ вѣдомства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, гг. Псаревѣ, Рудинскомъ, Петровѣ и Лундингѣ и др. Обмѣнъ мнѣній со всѣми этими лицами и ихъ сообщенія дали мнѣ, несомнѣнно, самую существенную часть того матеріала, на основаніи котораго составленъ настоящій отчетъ о моей командировкѣ.

20 Августа я выѣхалъ въ Голодную Степь, гдѣ принялъ участіе въ осмотрѣ работъ по орошенію 45,000 десятинъ, который былъ произведенъ гг. Военнымъ Губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области и Начальникомъ Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ; при этомъ случаѣ я имѣлъ возможность познакомиться и съ нѣкоторыми изъ возникшихъ въ Голодной Степи русскихъ поселковъ и осмотрѣть существующее съ 1901 г. опытное поле, а вмѣстѣ съ тѣмъ—продолжить бесѣды съ гг. спеціалистами по водной части и значительно пополнить запасы своихъ свѣдѣній собственно по водному вопросу. Вернувшись затѣмъ 22 Августа въ Ташкентъ, я въ тотъ-же день выѣхалъ вмѣстѣ съ г. Шкапскимъ въ небольшую экскурсію по Сыръ-Дарьинской области. Въ теченіе времени съ 22 Августа по 7 Сентября мы проѣхали по почтовому тракту въ Чимкентъ и Ауліеата, при чемъ по дорогѣ останавливались почти во всѣхъ русскихъ поселкахъ, а кромѣ того выѣзжали изъ Чимкента—вверхъ по р. Сайрамъ-су до поселка Петропавловскаго, и изъ Ауліеата—вверхъ по Таласу до меннонитскаго поселка Орловъ. Затѣмъ, изъ Ауліеата мы выѣхали верхами въ степь, въ сѣверо-западномъ, въ общемъ, направленіи, причемъ слѣдовали, по большей части, вдоль рр. Асы и Таласа, въ извѣстномъ, однако, разстояніи отъ этихъ рѣкъ. Недоѣзжая до большого сартовскаго селенія Чулакъ-Курганъ, мы повернули прямо на западъ, пересѣкли Каратаускія горы по перевалу Турланъ и выѣхали въ городъ Туркестанъ. Отсюда, благодаря любезности Управленія по постройкѣ южнаго участка Оренбурго-Ташкентской желѣзной дороги, мы имѣли возможность доѣхать въ вагонѣ до

конечнаго, въ то время, пункта укладки—ст. Яны-Курганъ, затѣмъ, на лошадяхъ, доѣхали до селенія Джулекъ, Перовскаго уѣзда,—изъ Джулека же возвратились прямо въ Ташкентъ. Во время этой экскурсіи я старался прежде всего знакомиться съ общимъ характеромъ тѣхъ различныхъ типовъ мѣстностей, которые лежали вдоль нашего пути, а затѣмъ, насколько было возможно безъ устройства спеціальныхъ сходовъ и безъ организаціи систематическихъ опросовъ, старался знакомиться съ характеромъ хозяйства крестьянъ попутныхъ русскихъ поселковъ и съ указаніями ихъ сельскохозяйственнаго опыта, а также съ особенностями быта мѣстныхъ киргизъ. Само собою разумѣется, что я не упускалъ при этомъ случая бесѣдовать съ представителями мѣстной администраціи, отъ которыхъ старался почерпнуть по преимуществу свѣдѣнія относительно мѣстностей, пригодныхъ для заселенія, относительно могущихъ оказаться свободными водныхъ запасовъ, а также относительно условій жизни киргизъ и существующихъ въ краѣ русскихъ поселеній. Изъ этихъ лицъ назову въ особенности Ауліеатинскаго уѣзднаго начальника подполковника Калмакова, а также бывшаго ранѣе начальникомъ того же уѣзда генералъ-маіора Калаура, устраивавшаго всѣ возникшіе въ уѣздѣ въ началѣ 90-хъ годовъ русскіе поселки, помощника Чимкентскаго уѣзднаго начальника капитана Масича и Туркестанскаго участковаго пристава капитана Лалекина.

Къ сожалѣнію, необходимость къ опредѣленному сроку возвратиться въ С.-Петербургъ не позволила мнѣ сдѣлать какихъ-либо экскурсій по другимъ областямъ Туркестанскаго края,—а потому, вернувшись 7 Сентября въ Ташкентъ, я на другой же день выѣхалъ въ С.-Петербургъ,—при чемъ, однако, въ Красноводскѣ, имѣлъ возможность представиться г. Туркестанскому Генералъ-Губернатору и сдѣлать Его Высокопревосходительству краткій докладъ о сдѣланныхъ во время моей экскурсіи по Сыръ-Дарьинской области наблюденіяхъ и о тѣхъ предварительныхъ выводахъ, къ которымъ я считалъ себя вправѣ прійти на основаніи этихъ наблюденій.

Глава первая.

Характерныя черты хозяйственнаго положенія русскихъ поселковъ.

Въ мою прямую задачу совершенно не входило изученіе состоянія нынѣ существующихъ въ Туркестанскомъ краѣ русскихъ поселеній, и основательное выполненіе подобнаго рода задачи было-бы, конечно, возможно не иначе, какъ на основаніи особаго, систематически-организованнаго изслѣдованія, для котораго въ моемъ распоряженіи не было ни времени, ни средствъ. Тѣмъ не менѣе, посѣтивъ нѣкоторые изъ поселковъ въ Голодной Степи и значительную часть русскихъ селеній предгорнаго района Ташкентскаго, Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, я считаю себя обязаннымъ изложить, хотя-бы въ общихъ чертахъ, тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ изъ посѣщенія этихъ поселковъ,—такъ какъ опытъ существующей колонизаціи края долженъ, конечно, играть весьма важную роль при рѣшеніи вопросовъ, касающихся дальнѣйшаго его заселенія. Чрезмѣрная же бѣглость и недостаточность моихъ личныхъ впечатлѣній до нѣкоторой степени восполняется тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось получить отъ мѣстныхъ дѣятелей или почерпнуть изъ имѣющихся литературныхъ источниковъ.

Русскіе поселки въ Голодной Степи.

Совершенно особое мѣсто, во всей массѣ русскихъ поселеній края, занимаетъ группа поселковъ, образовавшихся въ Голодной Степи, при сооруженномъ на личныя средства и подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя Николая Константиновича оросительномъ каналѣ Императора Николая Перваго. Изъ общаго числа существующихъ здѣсь девяти поселковъ только два—Романовскій и Конногвардейскій, населенные первый — переселенцами-малороссами, второй—сектантами-хлыстами, представляютъ, повидимому, задатки нормальнаго хозяйственнаго развитія. Въ частности, Конногвардейскій поселокъ, который я имѣлъ возможность посѣтить, об-

ладаетъ очень удовлетворительною застройкой, сплошь и очень аккуратно засаженъ древесными насажденіями; площадь разработанной поливной земли достигаетъ 7 десятинъ на вѣнецъ или брачную пару, причемъ для каждой вновь возникающей брачной пары проводится новый арыкъ и отводится новый 7-десятинный участокъ. Въ аренду земля почти не сдается, а разрабатывается самими крестьянами. Крестьяне, прибывъ, по крайней мѣрѣ по ихъ показаніямъ, безъ всякихъ средствъ, въ настоящее время по большей части достигли уже достаточно удовлетворительной степени благосостоянія и, при посѣщеніи поселка ген.-лейт. Корольковымъ и Начальникомъ Управленія Государственныхъ Имуществъ, не заявляли никакихъ жалобъ или претензій. Всѣ остальные поселки производятъ, напротивъ, самое безотрадное впечатлѣніе. Въ поселкѣ Николаевскомъ, напримѣръ, изъ общаго числа слишкомъ 40 дворовъ только три занимаются земледѣліемъ,—и приблизительно такая-же пропорція существуетъ и въ остальныхъ поселкахъ этого района. Въ огромныхъ размѣрахъ развита, за то, сдача земли сосѣднимъ киргизамъ, причемъ, напримѣръ, земля подъ бахчи сдается по 50 и даже до 90 рублей за десятину, а Николаевское общество беретъ съ сосѣднихъ киргизъ, за право выпаса скота въ тугаяхъ, 900 рублей въ годъ; въ поселкѣ Волынскомъ сдается въ аренду вся безъ исключенія поливная земля, и небольшіе посѣвы производятся лишь безъ полива, на «потныхъ» тугайныхъ земляхъ. Въ поселкахъ этихъ либо совершенно нѣтъ, либо очень мало древесныхъ насажденій (что, впрочемъ, по отношенію къ поселку Николаевскому до нѣкоторой степени обусловливаются отсутствіемъ воды на мѣстѣ усадебной осѣдлости); обработка земли, по скольку крестьяне вообще сами ее обрабатываютъ, крайне небрежна, и потому хлѣба даютъ сравнительно плохіе урожаи. Весьма значительные заработки, которые доставляютъ жителямъ поселковъ работы по прорытію магистральнаго оросительнаго канала, желѣзная дорога и т. п., повидимому, въ большей части пропиваются и вообще не идутъ на хозяйственныя цѣли. Сами крестьяне при каждомъ случаѣ выражаютъ крайнее недовольство своимъ положеніемъ и засыпаютъ начальство жалобами самаго разнообразнаго содержанія. Наконецъ, отношенія ихъ съ сосѣдними киргизами весьма неудовлетворительны: крестьяне самымъ жестокимъ образомъ эксплоатируютъ земельную нужду киргизъ, которыхъ зимовочныя угодья изъяты подъ устройство поселковъ, а киргизы при случаѣ платятъ имъ угономъ скота.

Причина ихъ плохого состоянія.

Однако, несомнѣнно неудовлетворительное состояніе поселковъ въ Голодной Степи, сдѣлавшихся, въ нѣкоторомъ родѣ, притчею во языцѣхъ и охотно приводимыхъ какъ примѣръ безнадежности русской колонизаціи Туркестана вообще, коренится отнюдь не въ какихъ-либо особо неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстной природы и хозяйства, а исключительно въ своеобразномъ подборѣ самихъ переселенцевъ. Непосредственно по смежности съ поселкомъ Срѣтенскимъ, гдѣ поля заросли камышомъ, а крестьяне не перестаютъ жаловаться на свою судьбу, расположена сартовская деревня Хасъ, съ великолѣпно разработанными землями и прекрасными урожаями какъ зерновыхъ хлѣбовъ, такъ и высшихъ культуръ; о прекрасныхъ свойствахъ почвы свидѣтельствуютъ превосходные урожаи у окрестныхъ сартовъ и киргизъ, у крестьянъ пос. Конногвардейскаго и Романовскаго и у арендаторовъ казенно-оброчныхъ участковъ, орошаемыхъ водами канала Императора Николая I, а также результаты посѣвовъ на опытномъ полѣ при станціи Голодная Степь. Правда, въ послѣдніе годы Голодная Степь постоянно посѣщается саранчею (объ этомъ см. ниже),—но причиняемыя ею опустошенія отнюдь не столь значительны, какъ принято считать, и во всякомъ случаѣ не мѣшаютъ киргизамъ и сартамъ производить въ данной мѣстности посѣвы и получать отъ нихъ, въ среднемъ выводѣ, достаточно удовлетворительные урожаи. Мало того, есть полное основаніе утверждать, что въ отношеніи естественныхъ условій поселки въ Голодной Степи поставлены скорѣе въ исключительно благопріятныя для даннаго района, нежели въ исключительно неблагопріятныя условія: кромѣ поливныхъ земель, въ надѣлахъ этихъ поселковъ имѣются естественные луга и туги, представляющіе собою превосходный выпасъ для скота и частью используемые даже для посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія. Въ исключительно благопріятныя условія поставлены, наконецъ, эти поселки въ отношеніи заработковъ, благодаря не прекращающимся работамъ по сооруженію ирригаціонныхъ каналовъ, а также сбыта продуктовъ, въ особенности продуктовъ животноводства.

Все дѣло, повторяю, въ подборѣ самихъ переселенцевъ. Главная масса населенія поселковъ въ Голодной Степи — бывшіе рабочіе при постройкѣ канала Императора Николая I, а эти рабочіе, естественно, комплектовались изъ самыхъ нехозяйственныхъ и склонныхъ къ бродяжничеству элементовъ пришлаго русскаго населенія Туркестана. «Бороться съ бродяжничествомъ,—говоритъ чиновникъ

особ. поруч. при Министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ А. А. Половцовъ въ своемъ описаніи переселенческихъ поселковъ Сыръ-Дарьинской области [1]),—было для администраціи тѣмъ болѣе затруднительно, что всѣ недовольные уходили въ районъ оросительныхъ работъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича, гдѣ образовывались неустойчивые поселки, переходившіе съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ возникновенія самихъ работъ въ той или иной части степи». Пребываніе же въ Голодной Степи не только не могло ослабить тѣхъ неблагопріятныхъ для осѣдлой колонизаціи свойствъ, съ которыми являлись сюда эти люди, но лишь способствовало ихъ дальнѣйшему развитію: водворявшіеся въ поселкахъ поселенцы получали отъ Великаго Князя дома и пособія, земля имъ отводилась по ихъ указанію, безъ всякаго вниманія къ интересамъ мѣстнаго кочевого населенія; сравнительно легкіе и выгодные заработки на постройкѣ каналовъ устраняли необходимость и отбивали охоту къ тому кропотливому и сравнительно плохо вознаграждающемуся труду, котораго требуетъ земледѣльческое хозяйство при искусственномъ орошеніи. Не удивительно при такихъ условіяхъ, что обитатели Голодной Степи смотрятъ на себя какъ на временныхъ гостей и вовсе не скрываютъ своего намѣренія разбрестись, лишь только прекратятся заработки на постройкѣ каналовъ или начнутъ требоваться какіе-либо платежи.

Поселки Сыръ-Дарьинской области.

Совершенно другую картину представляютъ собою, говоря вообще, поселки Сыръ-Дарьинской области, расположенные къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Ташкента, по Ауліеатинскому тракту и лишь въ небольшой части—въ сторонѣ отъ этого тракта. И здѣсь, конечно, въ особенности въ виду сложныхъ требованій, которыя предъявляетъ къ крестьянину поливное хозяйство, очень многое зависитъ отъ подбора переселенцевъ. Среди этихъ послѣднихъ мѣстные изслѣдователи различаютъ три главнѣйшихъ типа: «1) бывшіе солдаты, оставшіеся въ области послѣ окончанія службы и получившіе земельные надѣлы; 2) переселенцы, явившіеся въ область послѣ ряда скитаній въ поискахъ вольной жизни, и 3) переселенцы, прибывающіе въ Туркестанъ въ послѣднее время непосредственно изъ Россіи» [2]). Первый типъ, распространенный по преимуществу

Типы поселенцевъ

---

[1]) Отчетъ чин. особ. поруч. при М-рѣ В. Д., А. А Половцова, Спб. 1898 г., стр. 122.

[2]) Гейеръ, «Крест. колонизація въ Сыръ-Дар обл.», въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дар обл., т II, Ташк. 1892, стр. 219.

въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента, съ колонизаціонной точки зрѣнія не имѣетъ, въ сущности, никакого значенія: бывшіе солдаты, если они и причисляются въ поселкахъ, то по большей части сдаютъ землю, сами же со своими семьями живутъ въ Ташкентѣ и ведутъ городской образъ жизни [1]). Второй типъ, составлявшій весьма значительную часть первоначальныхъ колонизаторовъ Сыръ-Дарьинской области, это—частью такъ называемые «кустанайцы», т. е. крестьяне, которые, въ большинствѣ, пожили сначала на арендныхъ земляхъ въ Оренбургскомъ краѣ, въ Башкиріи, Донской области и т. п., затѣмъ перешли на киргизскія земли Тургайской степи, а отсюда подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, неурожая 1891 года двинулись дальше на югъ и большими массами водворились въ Сыръ-Дарьинской области; частью—бывшіе сибирскіе переселенцы, которымъ климатъ и условія Сибири показались слишкомъ суровыми, и которые, въ поискахъ болѣе теплыхъ мѣстъ, уходили на югъ, въ Семирѣчье, и уже отсюда переходили въ Сыръ-Дарьинскіе поселки [2]). Слабая связь переселенцевъ этого типа съ мѣстомъ новаго водворенія отражается уже на самомъ характерѣ ихъ построекъ и вообще усадебъ. «Невзрачныя избы,—говоритъ г. Гейеръ въ своей работѣ «Крестьянская колонизація Сыръ-Дарьинской области» [3]), ограниченность числа дворовыхъ построекъ, отсутствіе ограды вокругъ усадьбы и, наконецъ, почти полное равнодушіе къ благоустройству послѣдней,—вотъ тѣ явленія, которыя прежде всего бросаются въ глаза посѣтителю селеній, образовавшихся изъ крестьянъ этого типа». Но самая важная черта этихъ переселенцевъ,—это то, что прибывъ на мѣсто, они «далеко не сразу прикрѣпляются къ тому или другому селенію и первое время имѣютъ большую склонность по первому слуху о какихъ-нибудь ничтожныхъ преимуществахъ другого села срываться съ мѣста» [4]) и совершать новое, пятое, шестое или седьмое переселеніе. И эта склонность характеризуетъ переселенцевъ этого типа, повидимому, не только «въ первое время»,—она остается навсегда ихъ отличительнымъ свойствомъ и гонитъ ихъ съ одного мѣста на другое до полнаго раззоренія и потери хозяйственной самостоятельности. Бла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 220
[3]) Стр. 223–225.
[2]) Стр. 221.
[4]) Стр. 223

годаря этой именно чертѣ, переселенцы разсматриваемаго типа являются какъ-бы временнымъ, преходящимъ элементомъ населенія Сыръ-Дарьинскихъ поселковъ: они появляются при ихъ первоначальномъ возникновеніи, составляя въ это время иногда главное ядро, иногда приселяются и позже, но затѣмъ мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто другимъ, болѣе устойчивымъ элементамъ, принадлежащимъ, по классификаціи г. Гейера, къ третьему типу переселенцевъ. Эти послѣдніе «идутъ въ Сыръ-Дарьинскую область по проторенной (ихъ родственниками и земляками) дорогѣ, почти навѣрно зная ожидающія ихъ условія. Многіе изъ нихъ идутъ, вызванные письмами родственниковъ, уже обжившихся въ краѣ; другіе же, идущіе на собственный рискъ, по дорогѣ успѣваютъ забрать разныя справки и являются на мѣсто хоть съ какимъ-нибудь запасомъ знаній, облегчающихъ первоначальную оріентировку». А главное—«оторвавшись всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ отъ земли, они не успѣваютъ поддаться растлѣвающему вліянію безцѣльнаго блужданія и стремятся попрочнѣе устроиться на выбранномъ мѣстѣ. Развѣ какая-нибудь особенная неудача заставляетъ ихъ перейти въ другое село».

Съ того времени, къ которому относится характеристика Сыръ-Дарьинскихъ поселковъ, данная г. Гейеромъ, прошло болѣе десяти лѣтъ,—и за этотъ періодъ отборъ переселенцевъ, обусловливаемый указанными только-что особенностями различныхъ типовъ, успѣлъ сдѣлать значительные успѣхи. Въ видѣ примѣра могу привести поселокъ Ключевской, Ауліеатинскаго уѣзда, гдѣ первое время, какъ и въ большинствѣ другихъ, преобладали «кустанайцы»; въ настоящее время переселенцевъ этого типа осталось всего два двора, всѣ же остальные разбрелись, и мѣста ихъ заняты переселенцами, прибывшими прямо изъ Европейской Россіи. То-же явленіе, хотя можетъ быть и не вездѣ въ столь-же рѣзкой формѣ, наблюдается и въ остальныхъ поселкахъ Сыръ-Дарьинской области,. и такимъ образомъ преобладаніе, вначалѣ принадлежавшее переселенцамъ, такъ сказать, бродячаго типа, въ настоящее время перешло къ болѣе устойчивымъ типамъ переселенцевъ, среди которыхъ преобладаютъ главнымъ образомъ выходцы изъ южныхъ и въ особенности малороссійскихъ губерній Европейской Россіи.

Экономическое положеніе поселковъ.

Если не всѣ эти переселенцы, то во всякомъ случаѣ—главная ихъ масса, въ особенности среди прибывшихъ въ голодные 1891—1892 годы, пришла въ край безъ всякихъ средствъ. Въ другой

работѣ г. Гейера «Голодъ и колонизація» [1]) можно найти подробную характеристику тѣхъ бѣдствій, которыя приходилось претерпѣвать Сыръ-Дарьинскимъ переселенцамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, добравшись до Перовска или Казалинска, не имѣли возможности двигаться дальше, такъ что ихъ везли отъ Казалинска на казенный счетъ; чтобы спасти ихъ отъ бѣдствій голода, приходилось прибѣгать къ частной благотворительности въ видѣ сборовъ, устройства спектаклей и т. п. «Во многихъ поселкахъ—по свидѣтельству А. А. Половцова [2]), бѣдность была такъ велика, что помимо нормальнаго бюджета на пособія, по ходатайству Генералъ-Губернатора, Главнымъ Штабомъ былъ ассигнованъ въ іюнѣ 1893 г. экстренный кредитъ въ 15,000 рублей на поддержаніе новоселовъ». Между тѣмъ, уже черезъ немного лѣтъ (г. Половцовъ объѣзжалъ поселки въ 1896—1897 гг.) тотъ-же наблюдатель могъ свидѣтельствовать, что «современное положеніе русскихъ крестьянъ, водворенныхъ въ Сыръ-Дарьинской области, съ матеріальной стороны, въ очень многихъ случаяхъ, прекрасное; значительное число поселковъ воспользовалось благодатнымъ климатомъ и чудесною почвой для созданія цвѣтущаго хозяйства» [3]). Сходными, въ общемъ, чертами обрисовывалъ г. Гейеръ [4]), въ 1891 году, положеніе болѣе раннихъ поселковъ Сыръ-Дарьинской области, имѣвшихъ за собою, къ тому времени, до десяти, нѣкоторые 20 и болѣе лѣтъ жизни. Сравнительно неблагопріятнымъ, благодаря существовавшимъ условіямъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, представлялось въ то время положеніе русскихъ поселковъ Ауліеатинскаго уѣзда: «высокіе урожаи хлѣбовъ въ этомъ уѣздѣ и рядомъ съ этимъ—отсутствіе солиднаго спроса понижаютъ стоимость пшеницы до 20—25 коп. за пудъ, и переселенецъ въ этомъ уѣздѣ, чтобы добыть деньги на разныя потребности, принужденъ прибѣгать къ исканію побочныхъ промысловъ». Напротивъ, поселки Ташкентскаго уѣзда уже въ то время были поставлены въ весьма благопріятныя условія сбыта,—и притомъ здѣсь уже начинала распространяться культура хлопчатника, «имѣющаго громадный спросъ на рынкѣ и наилучшимъ образомъ оплачивающаго трудъ земледѣльца». Совокупность этихъ условій—говоритъ г. Гейеръ [5]), «ставитъ селенія Ташкентскаго уѣзда въ

---

[1]) Матер для статист. Сыръ-Дар. обл, т III

[2]) Отчетъ, стр. 137

[3]) Стр. 184.

[4]) «Крест. колониз.», стр. 234. См. также у г. Н. Дингельштедта «Опытъ орошенія Турк. края», ч. I—II, Спб 1893, стр. 276.

[5]) Стр. 240—241.

весьма благопріятныя экономическія условія. Ни одна изъ 123 избъ селенія Срѣтенскаго не носитъ на себѣ ни малѣйшихъ признаковъ нужды», и напротивъ — «домашняя обстановка хозяйствъ прямо указываетъ, что здѣсь крестьянинъ не нуждается въ денежныхъ средствахъ». Чимкентскій уѣздъ «и по своему географическому положенію, и по экономическимъ условіямъ (возможность высшихъ культуръ, условія сбыта) занимаетъ среднее положеніе между уѣздами Ташкентскимъ и Ауліеатинскимъ». Въ общемъ же выводѣ «крестьяне, поселяясь въ Сыръ-Дарьинской области, очень скоро поправляются. Если они первое время терпятъ нужду въ денежныхъ знакахъ, за то остальныя жизненныя условія немедленно улучшаются и стоятъ неизмѣримо выше тѣхъ, которыя окружали ихъ въ Россіи... Въ самой рѣдкой семьѣ, но успѣвшей уже хоть разъ сдѣлать посѣвъ, наихудшимъ хлѣбомъ считается тотъ, который выпеченъ изъ чистой пшеничной муки, сѣянной на рѣдкое сито, и случаи займа хлѣба почти исключительны. Въ селеніяхъ Николаевкѣ, Мерке, Чалдаварѣ, Машатѣ и пр. встрѣтить крестьянина, имѣющаго въ запасѣ отъ прошлыхъ лѣтъ до 500 пудовъ хлѣба — явленіе почти заурядное. Владѣющихъ запасами до 1,000 пудовъ меньше, но есть и такіе, у которыхъ наличность амбаровъ, по ихъ собственнымъ словамъ, превышаетъ 3.000 пуд. Это не скупленный по дешевымъ цѣнамъ хлѣбъ — такихъ скупщиковъ среди крестьянъ нѣтъ; это сбереженья, отложенныя въ ожиданіи хорошихъ цѣнъ» [1]).

Въ настоящее время экономическія условія, въ которыхъ стоятъ Сыръ-Дарьинскіе поселки, еще улучшились. Развитіе въ краѣ спеціальныхъ культуръ и связанное съ этимъ сокращеніе общей площади, занятой зерновыми хлѣбами, привело къ общему повышенію цѣнъ на хлѣбъ. Между тѣмъ, хозяйство русскихъ поселенцевъ Сыръ-Дарьинской области осталось по преимуществу зерновымъ, и благодаря упомянутому повышенію хлѣбныхъ цѣнъ это хозяйство, даже въ наиболѣе удаленномъ отъ главныхъ рынковъ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, стало несравненно болѣе выгоднымъ, нежели было десять лѣтъ тому назадъ.

Не удивительно при такихъ условіяхъ, что современное положеніе русскихъ поселковъ Сыръ-Дарьинской области или точнѣе — Ташкентско-Ауліеатинскаго района, насколько я могу судить о немъ по личнымъ впечатлѣніямъ и по сообщеніямъ знающихъ мѣстныхъ

---

[1]) Стр 243 – 244.

людей, приходится признать весьма удовлетворительнымъ, если не сказать блестящимъ [1]). Во всемъ этомъ районѣ имѣется, сколько я знаю, одинъ только небольшой поселокъ—Головачевскій, Ауліеатинскаго уѣзда, положеніе котораго, благодаря плохому качеству отведенной въ надѣлъ земли, приходится признать болѣе или менѣе неудовлетворительнымъ, и въ которомъ извѣстная часть населенія вынуждена обращаться къ стороннимъ заработкамъ. Если затѣмъ говорить о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, то я не обинуясь скажу, что во время моихъ многолѣтнихъ поѣздокъ по самымъ разнообразнымъ колонизаціоннымъ районамъ я нигдѣ не встрѣчалъ среди переселенцевъ такого всеобщаго благосостоянія и такого полнаго довольства своимъ положеніемъ, какъ въ поселкахъ Сыръ-Дарьинской области. Вотъ какими чертами характеризуется положеніе взятыхъ на выборъ нѣсколькихъ поселковъ, по записаннымъ мною отзывамъ самихъ крестьянъ или интеллигентныхъ жителей поселковъ. Пос. Георгіевскій (Чимк. у.): скотомъ хорошо обзавелись—въ поселкѣ, при 120 дворахъ, однихъ рабочихъ быковъ до 1.000 головъ, два табуна прочаго рогатаго скота, у каждаго хозяина по двѣ—три лошади; у всякаго есть полный плугъ — супрягой никто не пашетъ, а есть и по 2—3 плуга; большихъ капиталовъ нѣтъ,—но по 2—3 тысячи рублей имѣютъ многіе. Пос. Высокій (тоже): бѣдныхъ въ поселкѣ вовсе нѣтъ,—а богатыхъ, съ двумя—тремя плугами, много. Пос. Александровскій (Ауліеатинскаго уѣзда)—одинъ изъ сравнительно бѣдныхъ поселковъ: всѣ живутъ порядочно, совсѣмъ бѣдные—только кто отъ отца ни съ чѣмъ отдѣлился и еще не успѣлъ обзавестись; а то у каждаго хоть пара лошадей есть; сначала жили, какъ медвѣди, по землянкамъ,—теперь всѣ обзавелись домами,—и т. д. И справедливость подобнаго рода сообщеній вполнѣ подтверждается прежде всего уже самимъ внѣшнимъ ви-

[1]) Очень характерны отзывы о благосостояніи поселковъ, даваемые бывшимъ Ауліеатинскимъ уѣзднымъ начальникомъ полковникомъ Сусанинымъ въ напечатанной въ изданномъ въ 1901 г. томѣ IX „Матеріаловъ по статистикѣ Сыръ-Дарьинской обл ", „Вѣдомости о состояніи русскихъ селеній Ауліеатинскаго уѣзда". Позволяю себѣ привести здѣсь на выборъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ, причемъ во избѣжаніе произвольности въ выборѣ буду приводить отзывы по каждому четвертому, въ порядкѣ списка, поселку: 1 *Бурное* „Поселокъ устроенъ недавно, но хорошо уже окрѣпъ; сравнительно бѣдныхъ три семьи (изъ 56) Нужды особой ни въ чемъ нѣтъ" 5 Пос. *Шаповаловка*. „Бѣдныхъ нѣтъ, хотя и не всѣ окрѣпли—это потому, что уходили въ Россію и вернулись 3—4 года назадъ". 9 *Орловское* (меннониты) „Зажиточное селеніе". 13. *Грозное*. „Вполнѣ окрѣпшій поселокъ, ни въ чемъ не нуждается" 17. *Каменка*. „Поселокъ окрѣпшій, ни въ чемъ не нуждается" 21 *Карабалты* „Старый богатый поселокъ", и т. д.

домъ Сыръ-Дарьинскихъ поселковъ, съ ихъ прекрасными, почти вездѣ, и притомъ очень ровными древесными насажденіями, съ массою домовъ въ двѣ и болѣе комнатъ, съ обширными и аккуратными хозяйственными постройками и съ почти полнымъ отсутствіемъ тѣхъ полуразвалившихся избъ или вросшихъ въ землю землянокъ, которыхъ такъ много встрѣчается въ другихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ въ переселенческихъ поселкахъ, такъ и въ старожильскихъ селеніяхъ. А еще лучшимъ подтвержденіемъ служитъ тотъ фактъ, что столь многочисленные и даже преобладающіе во многихъ поселкахъ состоятельные дворы, нуждающіеся въ наемныхъ рукахъ для обработки земли и въ особенности—для уборки хлѣба, пользуются для этого почти исключительно киргизскими рабочими, такъ какъ среди жителей русскихъ поселковъ совершенно нѣтъ такихъ элементовъ, которые были бы вынуждены искать земледѣльческихъ заработковъ внѣ своего собственнаго хозяйства.

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи со сказаннымъ находится фактъ значительнаго выселенія изъ Сыръ-Дарьинскихъ поселковъ. Но прежде всего, какъ упоминалось, выселяются почти исключительно «кустанайцы» и вообще—переселенцы бродячаго типа, которые нигдѣ и ничѣмъ не довольствуются и по отзывамъ лицъ, даже наиболѣе склонныхъ идеализировать русскаго переселенца, «имѣютъ большую склонность срываться съ мѣста по первому слуху о какихъ-нибудь ничтожныхъ преимуществахъ другого села», а тѣмъ болѣе—о необыкновенныхъ прелестяхъ какого-нибудь «зеленаго клина» или «китайской щели»; гораздо болѣе рѣдки случаи выселенія представителей другихъ, болѣе надежныхъ и солидныхъ колонизаціонныхъ элементовъ, причемъ такого рода переселенцы уходятъ чаще всего въ самые первые годы по водвореніи, пока не успѣютъ освоиться съ жизнью въ совершенно чуждыхъ условіяхъ природы и хозяйства, среди сплошного инородческаго населенія. Весьма характерны при этомъ отмѣченные мною въ нѣкоторыхъ поселкахъ случаи, когда искатели «хорошихъ и привольныхъ мѣстъ», если они имѣли благоразуміе послать предварительно ходоковъ, затѣмъ отказывались отъ мысли о новомъ переселеніи,—или, если они сразу предпринимали переселеніе, возвращались обратно въ оставленный ими поселокъ. Изъ села Ванновскаго, напримѣръ, по свидѣтельству мѣстнаго священника о. Ѳивейскаго, уходило въ разное время до 20 семей—кто въ Уссурійскій край, кто въ Оренбургскую губернію или «на зеленый

клинъ»,—и всѣ эти двадцать дворовъ черезъ короткое время возвратились въ с. Ванновское. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду еще и тотъ фактъ, что на мѣсто каждаго уходящаго тотчасъ-же являются новые поселенцы, и количество этихъ послѣднихъ во много разъ превышаетъ число лицъ, уходящихъ изъ Сыръ-Дарьинской области на новое переселеніе.

Общія условія земледѣльческаго хозяйства.

Очень характерны затѣмъ отзывы, которые мнѣ нѣсколько разъ пришлось слышать изъ устъ все еще довольно многочисленныхъ въ нѣкоторыхъ поселкахъ «кустанайцевъ», понимая подъ этимъ общимъ выраженіемъ, вообще, переселенцевъ, перекочевавшихъ въ Сыръ-Дарьинскую область изъ поселковъ Тургайской области. Всѣ они жили, до перехода въ Туркестанъ, въ Актюбинскомъ уѣздѣ или въ сѣверо-восточной части Кустанайскаго, т. е. такихъ мѣстностяхъ, которыя можно признать лучшими не только въ Тургайской области, но, пожалуй, и во всемъ вообще обширномъ Степномъ краѣ. И тѣмъ не менѣе всѣ они, на мои разспросы, не обинуясь признавали, что условія жизни и хозяйства въ Сыръ-Дарьинской области несравненно лучше, нежели на ихъ прежнемъ мѣстѣ проживанія: тамъ—черноземныя степи, весьма плодородныя по началу, но весьма скоро выпахивающіяся и тогда дающія ничтожные урожаи; при этомъ — весьма частыя засухи и обусловливаемые ими болѣе или менѣе полные неурожаи. Здѣсь, въ Сыръ-Дарьинской области, урожаи и въ среднемъ гораздо болѣе высоки, и главное—чрезвычайно постоянны, въ особенности на поливныхъ земляхъ, гдѣ искусственное орошеніе почти совершенно устраняетъ зависимость урожая отъ случайно выпавшаго дождя или засухи.

Вотъ какими чертами изображаются общія условія земледѣльческаго хозяйства въ разсматриваемомъ районѣ въ уже цитированномъ трудѣ И. И. Гейера: почва этого района—плодороднѣйшій лессъ, толщина пласта котораго нерѣдко достигаетъ нѣсколькихъ аршинъ, и который только на восточной окраинѣ замѣняется черноземомъ, обладающимъ тѣми-же драгоцѣнными свойствами. «Проявленіе мощной потенціальной силы этихъ почвъ зависитъ исключительно отъ искусственнаго орошенія. Климатическія условія области исключаютъ неблагопріятность метеорологическихъ явленій неизмѣннымъ состояніемъ погоды въ теченіе всего вегетаціоннаго періода. Съ апрѣля по сентябрь на небѣ не видно ни одного облачка, и ростъ посѣяннаго хлѣба находится въ полнѣйшей зависимости отъ воли земледѣльца, то отпирающаго, то замы-

кающаго ирригаціонные каналы, смотря по роду и мѣрѣ являющейся надобности. Почти шестимѣсячный безморозный періодъ обезпечиваетъ успѣхъ труда отъ случайныхъ несчастій (нападеніе саранчи и т. п.) возможностью второго посѣва, а постоянство погоды позволяетъ убрать и перемолотить хлѣбъ при наилучшихъ условіяхъ, какихъ могутъ только требовать объ эти операціи... При наличности всѣхъ этихъ данныхъ, — такъ резюмируетъ г. Гейеръ черезъ нѣсколько страницъ [1]),—благосостояніе занимающихся земледѣліемъ должно представлять собою величину постоянную и въ значительной мѣрѣ высокую, если впрочемъ пахарь успѣлъ уже оріентироваться на новомъ мѣстѣ и болѣе или менѣе близко ознакомиться съ своеобразною природой и своеобразными пріемами воздѣлыванія почвы».

Правильность такой характеристики условій сельскаго хозяйства въ южной части Сыръ-Дарьинской области (которая, конечно, еще съ большимъ правомъ можетъ быть распространена на культурную полосу южнѣе лежащихъ областей: Самаркандской и Ферганской [2]), вполнѣ подтверждается опытомъ существующихъ въ краѣ русскихъ поселеній. Сравнительно менѣе благопріятными почвенными условіями отличается, повидимому, только такъ называемый Горный участокъ Ауліеатинскаго уѣзда (верхнее теченіе р. Таласа); здѣсь требуется болѣе сильный поливъ, нежели въ другихъ мѣстностяхъ, а главное — почвы замѣтнѣе истощаются отъ культуры, вслѣдствіе чего въ меннонитскихъ поселкахъ уже довольно давно вошло въ обычай унаваживаніе пахатныхъ земель подъ посѣвы люцерны, послѣ которой поля нѣсколько лѣтъ засѣваются зерновыми хлѣбами; вопросъ объ унаваживаніи началъ, повидимому, назрѣвать и въ русскихъ поселкахъ этого района,—и въ поселкѣ Ключевскомъ въ 1903 году часть земли, ближайшая къ усадьбамъ, была спеціально подѣлена подъ посѣвы люцерны съ навознымъ удобреніемъ. Въ другихъ мѣстностяхъ вопроса объ удобреніи, какъ кажется, еще совершенно не возникало: въ Чимкентскомъ уѣздѣ господствуетъ залежное хозяйство съ кратковременною залежью (2 года отдыха послѣ 4-хъ посѣвовъ или 3 года залежи послѣ 6 посѣвовъ), которая, по опыту крестьянъ, совершенно достаточна для возстановленія плодородія почвы; въ нѣкоторыхъ же поселкахъ

---

[1]) Стр. 209.

[2]) См. у Коржинскаго, «Очерки растительности Туркестана», Спб 1896, стр 35 и 43.

[3]) Мат для стат. Сыръ-Дар. обл., т. II, стр. 204—205

БИБЛІОТЕКА
...МІИ.

того-же уѣзда бо́льшая часть полей обрабатывается безъ всякаго отдыха, и только немногіе наиболѣе зажиточные хозяева забрасываютъ поля въ залежь. Въ Ташкентскомъ же уѣздѣ, гдѣ хозяйство имѣетъ въ гораздо меньшей мѣрѣ зерновой характеръ, нежели въ Чимкентскомъ или Ауліеатинскомъ, и слѣдовательно носитъ въ себѣ зачатки плодосмѣна, крестьяне, по словамъ г. Половцова [1]), «обрабатываютъ свои поля безостановочно, мѣняя только посѣвы; конечно, замѣчаетъ г. Половцовъ, успѣху такого сѣвооборота способствуетъ и то, что поселки расположены въ плодороднѣйшей лессовой степи. охватывающей весь югъ и центръ Туркестана». И несмотря на господство подобнаго рода хозяйственныхъ порядковъ, далеко уступающихъ, въ смыслѣ сохраненія производительной силы почвы, хозяйственнымъ порядкамъ, господствующимъ какъ у осѣдлыхъ туземцевъ, удобряющихъ свои поля, такъ и у кочевниковъ, дающихъ пашнѣ, послѣ одного или двухъ посѣвовъ, продолжительный отдыхъ,—крестьянскіе посѣвы даютъ весьма высокіе урожаи. Точныхъ и полныхъ свѣдѣній по этому вопросу, насколько мнѣ извѣстно, въ литературѣ не имѣется, если не считать сообщенія г. Гейера [2]), что средняя урожайность пшеницы и ячменя считается въ Сыръ-Дарьинской области самъ=7—8, а проса самъ=30—40, и инж. Петрова [3]), принимающаго, на основаніи данныхъ поземельно-податныхъ коммисій, среднюю урожайность пшеницы для Ташкентскаго у. въ 47 пуд., ячменя въ 67 пудовъ съ десятины, и т. п. Я позволю себѣ поэтому привести нѣсколько записанныхъ мною показаній объ урожаяхъ на поливной землѣ, пріобрѣтающихъ особенно большое значеніе въ виду общеизвѣстной склонности крестьянъ преуменьшать урожайность своихъ надѣльныхъ земель и вообще доходность своего хозяйства.

Пос. *Георгіевскій*, Чимк. у. (при залежномъ хозяйствѣ съ 4 посѣвами и двумя годами отдыха). Самый плохой урожай пшеницы не менѣе 50 пудовъ, средній 70—80 пудовъ, хорошій 100—120 пудовъ.

Пос. *Корниловскій* (того-же у.); урожаи все время отличные; въ 1902 году десятина давала до 150 пудовъ; въ 1903 году урожай былъ бы еще лучше, если-бы хлѣбъ не былъ сильно поврежденъ саранчей; въ среднемъ въ 1903 г. все-же собрали пудовъ до 50.

Пос. *Ванновскій*, того-же у. (при залежномъ хозяйствѣ съ 6 посѣвами и 3 годами отдыха). Средній урожай пшеницы не менѣе 70 пудовъ, хорошій

[1]) Отчетъ, стр. 149—172.
[2]) Стр. 208
[3]) «Объ ирригаціи въ Турк. краѣ», Ташк., 1894, стр 34

100 пудовъ, средній урожай овса 100 пудовъ съ десятины; въ предгорьяхъ, верстъ на 15 дальше на юго-востокъ, средній урожаи пшеницы не менѣе 100 пудовъ съ десятины. Неурожаевъ не бывало—самый плохой урожай былъ не ниже 60 пудовъ съ десятины.

Пос. *Высокій*, того-же уѣзда. Урожай 1903 года неважный—хлѣба рѣдки; съ десятины получали не болѣе 80, а то 50 и даже 40 пудовъ. Въ 1902 году десятина пшеницы давала 140—150 пудовъ.

Меннонитскій пос. *Романовка*, Ауліеатинскаго уѣзда. Урожай 1903 г. очень плохой, кругомъ не болѣе 30 пудовъ съ десятины. Средняя урожайность пшеницы на удобряемой землѣ—90—110 пуд., овса 150—200 пуд. съ десятины; на отдохнувшей залежи или послѣ люцерны—отъ 80 до 90 пудовъ, на старой землѣ—пшеницы 50 пуд., овса 70 пуд. съ десятины.

Меннонитскій пос. *Орловъ*, того-же уѣзда. При поливномъ хозяйствѣ неурожая не бываетъ. Наихудшій урожай за все время существованія поселка былъ въ 1903 году: рожь давала 50, овесъ 45 пудовъ съ десятины. Средніе цифры—послѣ люцерны болѣе 100 пуд., въ полѣ—отъ 70—80 пуд. съ десятины.

Значеніе саранчи.

Въ предыдущихъ строкахъ я не касался вліянія одного несомнѣнно серьезнаго бѣдствія, посѣтившаго Туркестанскій край въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ — именно, нашествій саранчи. Главною ареною ея дѣятельности является, какъ кажется, южная часть Туркестанскаго края. Но въ послѣдніе годы она распространила свои опустошенія и на Сыръ-Дарьинскую область, причемъ захватываетъ съ каждымъ годомъ все новые и новые районы. Такъ напримѣръ, въ первомъ за Чимкентомъ русскомъ поселкѣ Бѣловодовскомъ саранча появилась всего три года тому назадъ, нѣсколько дальше, въ пос. Антоновскомъ—только въ 1902 году; въ послѣднемъ поселкѣ передъ Ауліеата, Головачевскомъ, саранча впервые показалась въ 1903 году, но не причинила еще серьезныхъ опустошеній. На восточной окраинѣ Ауліеатинскаго уѣзда саранча свирѣпствуетъ гораздо дольше—въ нѣкоторыхъ поселкахъ уже восемъ лѣтъ подрядъ, въ киргизскихъ степяхъ, лежащихъ къ сѣверо-западу отъ Ауліеата, по Асѣ и нижнему теченію Таласа, саранча уничтожала посѣвы и траву гдѣ три, гдѣ пять лѣтъ подрядъ. Совершенно не достигала она въ послѣдніе годы, какъ кажется, Перовскаго уѣзда, а также мѣстностей, лежащихъ на побережьѣ р. Чу, равно какъ не заходила и не заходитъ въ предгорные районы Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ. Серьезность опустошеній, причиняемыхъ саранчей, не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію. Эти опустошенія довели, напримѣръ, восточные поселки Ауліеатинскаго уѣзда, Луговую, Подгорную и др., до такого положенія, что

въ 1903 году былъ уже возбужденъ вопросъ о продовольственныхъ ссудахъ и о нѣкоторыхъ другихъ экстренныхъ мѣрахъ помощи. Многіе киргизы сократили или даже совершенно прекратили посѣвы,—или же передвинулись со своими запашками въ свободныя, пока, отъ нашествій саранчи мѣстности по р. Чу или въ предгорныхъ районахъ, – и сюда-же, массами, двинулись крестьяне-арендаторы, разсчитывая этимъ способомъ обезпечить себя хоть частью посѣвовъ внѣ опасности отъ опустошеній саранчи.

Однако, едва-ли слѣдуетъ опасаться, чтобы саранча могла создать длящіяся препятствія или затрудненія для русской колонизаціи Туркестанскаго края. Правда, этотъ послѣдній принадлежитъ [1]) къ числу мѣстностей, наиболѣе богатыхъ гнѣздилищами саранчи, а потому и въ наибольшей мѣрѣ страдающихъ отъ причиняемыхъ ею опустошеній. Но и въ Туркестанѣ, какъ и въ другихъ районахъ распространенія саранчи, она появляется въ большихъ массахъ въ извѣстные періоды времени, и затѣмъ, достигнувъ максимума, болѣе или менѣе совершенно исчезаетъ. Оставляя затѣмъ вопросъ о мѣрахъ непосредственной борьбы съ саранчею, которыя, какъ кажется, въ Туркестанѣ не достигли еще надлежащаго развитія и не даютъ достаточно ощутительныхъ результатовъ, нельзя однако не остановиться на другой сторонѣ вопроса,—именно, на томъ, что въ виду особенностей мѣстной природы и хозяйства поврежденія, причиняемыя саранчею, имѣютъ лишь частичный характеръ и могутъ быть сведены до минимума путемъ соотвѣтствующаго приспособленія мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ: саранча пожираетъ посѣвы и иную растительность только въ теченіе поздней весны и самой первой части лѣта. Отъ нея страдаютъ, поэтому, только ранніе яровые хлѣба (пшеница, овесъ и т. п.), а также такія культурныя растенія, которыя занимаютъ поле въ теченіе всего лѣтняго періода,—въ особенности хлопокъ. Но отъ нея вовсе не страдаютъ, прежде всего, весьма распространенные у Туркестанскихъ туземцевъ озимые хлѣба (главнымъ образомъ, пшеница и ячмень), которые, благодаря чрезвычайно ранней веснѣ и быстрому росту, обусловливаемому значительнымъ количествомъ теплоты, успѣваютъ созрѣть до времени достиженія саранчею опаснаго для посѣвовъ возраста; не страдаютъ и поздніе яровые, какъ-то: бахчевыя растенія, просо, машъ (соя), кунжутъ и др., которые сѣются и

[1]) См. Энцикл. Слов. Брокг и Эфр., полут 56, стр 402, статья г Ингеницкаго.

всходятъ уже послѣ того, какъ саранча вышла изъ опаснаго возраста; играющая столь важную роль въ хозяйствѣ туземцевъ и начинающая играть такую-же роль у пришлаго населенія люцерна страдаетъ отъ саранчи только отчасти: изъ тѣхъ трехъ или четырехъ урожаевъ, которые она даетъ ежегодно, саранча уничтожаетъ только одинъ,—остальные же два или три остаются совершенно нетронутыми. Въ соотвѣтствующемъ направленіи уже и начинаетъ приспособляться мѣстное полевое хозяйство: какъ крестьяне (напр. въ пос. Конногвардейскомъ), такъ и киргизы (напримѣръ въ мѣстности, расположенной къ сѣверо-западу отъ Ауліеата, въ направленіи къ перевалу Турланъ и пос. Чулакъ-кургану) мѣстами перестали сѣять ранніе яровые и замѣнили ихъ озимою пшеницею и ячменемъ,—послѣ же спада саранчи сѣютъ машъ, кунжутъ, просо, бахчевыя растенія и т. п. При приспособленномъ подобнымъ образомъ сѣвооборотѣ вредъ, приносимый саранчею, какъ признавали, напримѣръ, крестьяне въ поселкѣ Конногвардейскомъ, не особенно великъ,—и саранча гораздо болѣе дѣйствуетъ на психику населенія [1]) («облѣпитъ всѣ дома, шумитъ, шипитъ,—не знаешь, какъ съ нею быть», говорили мнѣ конногвардейскіе крестьяне), нежели причиняетъ ему дѣйствительный матеріальный вредъ. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но въ дѣйствительности едва-ли не болѣе серьезнымъ вредителемъ посѣвовъ—по крайней мѣрѣ въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ Сыръ-Дарьинской области—являются воробьи; насколько серьезное значеніе имѣютъ причиняемыя ими поврежденія, видно хотя бы изъ того, что въ нѣкоторыхъ поселкахъ крестьяне уничтожили имѣвшіяся среди полей насажденія плодовыхъ деревьевъ, такъ какъ эти насажденія служили гнѣздилищами воробьевъ.

Вопросъ о высыханіи края.

Я считаю себя обязаннымъ затѣмъ остановиться еще на крайне важномъ для всей будущности какъ вообще Туркестантскаго края, такъ и въ частности—русской его колонизаціи, вопросѣ о постепенномъ высыханіи этого края. До весьма недавняго времени это постепенное обсыханіе принималось за несомнѣнный фактъ. «Въ Туранскомъ бассейнѣ, говоритъ покойный проф. И. В. Мушкетовъ [2]), и особенно въ Кызылъ-Кумахъ, при высокой средней годовой температурѣ, господствуютъ сухіе N и NO вѣтры, дующіе бо̀льшую

[1]) Тамъ же, стр. 403.

[2]) «Туркестанъ», т. 1, Спб. 1886, стр 711, см. также стр 706. См. у Н. А Дингельштедта, назв. соч., стр 8—9.

часть года и наиболѣе развитые въ самое жаркое, сухое время, лѣтомъ и осенью, когда температура возвышается до 40—42°. Эти вѣтры, почти не производя атмосферныхъ осадковъ, вмѣстѣ съ высокою температурой обусловливаютъ громадную силу испаренія, которая въ нѣсколько десятковъ разъ превышаетъ осадки, а въ сухое время года — и въ нѣсколько сотъ разъ. Очевидно, что всѣ эти процессы способствуютъ съ одной стороны *весьма быстрому общему осушенію страны*, т. е. уничтоженію бывшихъ озеръ, обмелѣнію рѣкъ и уменьшенію Аральскаго моря или, что̀ все равно,— его отступанію». Туранскій бассейнъ — говоритъ Мушкетовъ въ другомъ мѣстѣ—«постепенно, медленно, но непрерывно осушается, становится бѣднѣе влагой. По мѣрѣ-же того, какъ поверхность его освобождается отъ воды, она становится достояніемъ вѣтра, который производитъ на ней дальнѣйшія измѣненія; онъ накопляетъ массы летучаго песка и превращаетъ ее въ пустыню» [1]). Понятно, какое первостепенно-важное значеніе для всей будущности Туркестана имѣетъ подобное обсыханіе. Не говоря уже объ образованіи и расширеніи летучихъ песковъ, такое обсыханіе, по словамъ того же Мушкетова, выражается «общимъ выравниваніемъ пустынь, и почти полнымъ вымираніемъ жизни»; въ частности, постепенное сокращеніе количества осадковъ должно еще болѣе, нежели въ настоящее время, сократить предѣлы возможности культуры безъ искусственнаго орошенія (такъ называемые богарные или кайрачные посѣвы), и въ то-же время, сопровождаясь постепенною убылью воды въ тѣхъ водоемахъ края, которые питаютъ его оросительныя системы, оно должно привести за собой и сокращеніе площади поливной культуры. Какъ я уже упоминалъ, такое постепенное высыханіе края почти до нашихъ дней признавалось за несомнѣнный и положительный фактъ. «Преобладаніе испаренія надъ осадками— говоритъ, напримѣръ, авторъ статьи о Туркестанѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона, кн. В. М., весьма хорошо знакомый съ литературой края и условіями его сельскаго хозяйства [2]), т. е. расхода воды надъ ея приходомъ, являясь одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ климата Туркестана,—обусловливаетъ въ то-же время глубокія измѣненія въ его природѣ и вызываетъ медленное и постепенное высыханіе всего Туркестанскаго бассейна. Подъ вліяніемъ ничѣмъ не пополняемой потери воды изсякаютъ

[1]) Стр. 700—701; см стр. 550—690.
[2]) Полут. у 67, стр. 182—179.

источники, мелѣютъ рѣки, уменьшаются ледники,—словомъ происходитъ непрерывное, хотя и медленное осушеніе страны, поверхность которой, освобождаясь отъ воды, становится достояніемъ вѣтра, производящаго на ней накопленіе летучихъ песковъ и превращеніе ея въ пустыню». Въ подтвержденіе факта обсыханія Туркестана и здѣсь приводятся такія явленія, какъ уменьшеніе площади Аральскаго моря и Балхаша,—а также и тотъ фактъ, что многіе значительные притоки, ранѣе питавшіе Аму и Сыръ-Дарью, въ настоящее время не доходятъ до нихъ и теряются въ пескахъ. Однако, въ самое послѣднее время достовѣрность теоріи постепеннаго обсыханія Туркестана, повидимому, значительно поколеблена. Тотъ-же авторъ, кн. В. М. [1]), упоминаетъ объ интересномъ фактѣ, что «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туркестана замѣчается въ послѣднее время увеличеніе количества осадковъ. Такъ, въ Ташкентѣ годовое количество осадковъ за 1877—1882 гг. равнялось 322 мм., за 1887—1892 гг. 332 мм., а за 1892—1897 гг. 393 мм.; то-же примѣрно замѣчается и въ Петроалександровскѣ». Въ самые послѣдніе годы подобнаго рода фактовъ накопилось еще значительно больше, и въ частности — выяснилось, что обмелѣніе и обсыханіе Аральскаго моря, считавшееся однимъ изъ главныхъ доказательствъ обсыханія края, имѣло только временный храктеръ. «Съ 1896 года, именно, стало наблюдаться обратное явленіе: обнажившіеся берега стали вновь покрываться водою, что совпадало съ увеличеніемъ расхода воды въ весенніе и лѣтніе разливы впадающихъ въ него рѣкъ: съ 1899 года сталъ замѣтно уменьшаться островъ Косъ-Аралъ, а заливы, лежащіе лѣвѣе устья Сыръ-Дарьи и уже почти отшнурованные косами въ замкнутыя озера, вновь превратились въ морскія бухты, такъ что современное очертаніе береговъ Аральскаго моря стало близко подходить къ составленной въ 50 годахъ картѣ Бутакова» [2]). Въ 1898—1900 гг. Туркестанскій отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго общества снарядилъ экспедицію для изученія Аральскаго моря, во главѣ которой былъ поставленъ натуралистъ Л. С. Бергъ. Отчетъ этой экспедиціи еще не опубликованъ. Но въ Извѣстіяхъ Туркестантскаго отдѣла за 1900 годъ [4]) напечатано предварительное сообщеніе г. Берга, изъ котораго оказывается,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 181, см. также у Н А. Петрова, назв. соч, стр 25

[2]) И И Гейеръ, «Путеводитель по Туркестану», Ташк 1901 г. стр 177.

[3]) Стр 48

[4]) Т II, вып. II, стр 49—50.

что 1900 годъ далъ прибыль воды въ Аральскомъ морѣ даже по сравненію съ предшествовавшимъ 1899 годомъ. По мнѣнію докладчика, «уровень воды въ Аралѣ достигъ въ настоящее время максимума, и дальнѣйшаго прибыванія воды едва-ли можно ожидать; вѣроятно, вода скоро опять пойдетъ на убыль. Въ настоящее же время море имѣетъ приблизительно тѣ-же глубины и то-же береговое очертаніе, какъ и при Бутаковѣ, т. е. 50 лѣтъ тому назадъ, а можетъ быть даже немного больше, такъ какъ нѣкоторые островки, показанные на картѣ Бутакова, теперь не существуютъ». Такимъ образомъ, вмѣсто явленія, свидѣтельствующаго о постепенномъ окончательномъ высыханіи всей Туркестантской котловины, на лицо оказывается «случай лишь періодическаго колебанія уровня воды, находящійся въ зависимости отъ метеорологическихъ явленій въ верховьяхъ Сыра и Аму» [1]),—случай, повидимому, вполнѣ аналогичный съ періодическими колебаніями воды въ озерныхъ бассейнахъ степной полосы Западной Сибири и Степного генералъ-губернаторства. Весьма правдоподобно, что подобныя періодическія колебанія зависятъ не отъ какихъ-либо мѣстныхъ метеорологическихъ явленій въ верховьяхъ питающихъ Аральское море рѣкъ, какъ думаетъ авторъ приведенной цитаты, а отъ явленій, до сихъ поръ не изученныхъ, гораздо болѣе общаго характера, охватывающихъ всю Сыръ-Дарьинскую низменность и, можетъ быть, общихъ съ тѣми періодическими-же колебаніями количества осадковъ, которыя, повидимому, имѣютъ мѣсто въ западно-сибирской и сѣверной киргизской степи. По крайней мѣрѣ во время нашей экскурсіи по Сыръ-Дарьинской области г. Шкапскій и я, на наши распросы, вездѣ получали отъ крестьянъ и отъ киргизъ одинъ отвѣтъ: что вода въ озерахъ и въ рѣкахъ въ послѣдніе годы значительно прибыла, благодаря чему возобновился у киргизъ поливъ довольно многихъ площадей пахатныхъ земель, которыя въ предшествовавшіе годы были заброшены вслѣдствіе недостатка воды; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминалось также о замѣтномъ увеличеніи количества дождей. Очень характерное, въ этомъ отношеніи, показаніе записано мною въ поселкѣ Высокомъ. «Первые годы по прибытіи, разсказывали намъ крестьяне, въ горахъ, бывало, дождь идетъ, а у насъ ничего нѣтъ. А теперь — какъ въ горахъ дождь, такъ и у насъ туманъ заклубится, а потомъ и дождь пойдетъ». Крестьяне выска-

[1]) Гейеръ, Путевод по Турк, стр 278

зывали догадку, что такое измѣненіе въ условіяхъ климата — результатъ большихъ крестьянскихъ древесныхъ посадокъ, которыя «притяженіе дѣлаютъ» дождю. Но такъ какъ подобное же увеличеніе количества дождей замѣчено болѣе или менѣе повсемѣстно, то, конечно, его надо объяснить какими-либо болѣе общими причинами.

Какъ бы то ни было, — но принимавшееся ранѣе за фактъ постепенное обсыханіе Туркестана, если имѣть въ виду болѣе или менѣе близкое будущее, едва-ли угрожаетъ какою либо опасностью самому Туркестану и русской его колонизаціи. Окончательное обсыханіе если и происходитъ, то лишь съ чрезвычайною медленностью, и результаты его сдѣлаются замѣтными черезъ столь значительный промежутокъ времени, на какой вовсе не могутъ распространяться наши разсчеты. Въ предѣлахъ же возможнаго предвидѣнія приходится, повидимому, считаться не съ *обсыханіемъ*, а только съ *періодическими колебаніями* количества осадковъ и запасовъ воды въ водоемахъ края. И это явленіе, конечно, тоже не лишено значенія для сельскаго хозяйства и для земледѣльческаго населенія края,—но конечно оно не имѣетъ того угрожающаго значенія, какое имѣло бы— если бы оно было фактомъ, быстро идущее постепенное обсыханіе.

Усвоеніе крестьянами ирригаціонной техники.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что условія сельскаго хозяйства въ Туркестанскомъ краѣ обезпечили водворившимся въ немъ крестьянамъ весьма высокое и, повидимому, прочное благосостояніе. Но чтобы достигнуть этого благосостоянія, русскимъ поселенцамъ приходилось усваивать такіе пріемы землевладѣльческаго хозяйства, которые рѣзко отличались отъ практиковавшихся переселенцами на родинѣ, въ Европейской Россіи. «Сыръ-Дарьинская область, говоритъ г. Гейеръ [1]), по естественнымъ условіямъ всего ближе подходила къ складу натуры и привычкамъ южно-русскаго земледѣльца, но за то въ корнѣ ломала его отцами завѣщанный способъ культуры растеній, принуждая переселенца по первому же абдугу приняться за искусственное орошеніе... Первому переселенцу приходилось самостоятельно изучать сложное дѣло ирригаціи. Единственными учителями могли быть туземцы, но, къ сожалѣнію, обоюдное незнаніе языка и не успѣвшая еще въ то время улечься національная вражда мѣшала этому, и переселенецъ былъ предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ устройства своей жизни». Сказанное справед-

[1]) «Крест. колониз.», стр 226.

ливо лишь съ извѣстными оговорками, но зато далеко не исключительно по отношенію къ *первымъ* поселенцамъ Сыръ-Дарьинской области: въ возникшемъ всего два года тому назадъ поселкѣ Петропавловскомъ (Чимкентскаго уѣзда), земли котораго непосредственно прилегаютъ къ надѣлу уже вполнѣ обосновавшагося и обжившагося пос. Георгіевскаго, поля въ первый годъ, тѣмъ не менѣе, остались почти неполитыми, такъ какъ крестьяне совершенно не знали, какъ взяться за дѣло. «А кто польетъ—разсказывали мнѣ крестьяне—стоитъ и глядитъ, а вода на 20 десятинъ разольется. Стали киргизъ нанимать поливать; а то слышимъ, киргизъ свои поля полпваетъ,—бѣжимъ смотрѣть, какъ онъ за дѣло берется». Какъ извѣстно, крестьяне вездѣ получили надѣлы съ уже готовыми оросительными системами. Но даже пользованіе этими готовыми системами арыковъ—распредѣленіе воды по отдѣльнымъ полосамъ и т. п. представляло для совершенно не знакомыхъ съ дѣломъ крестьянъ такія трудности, что они въ первое время никакъ не могли обойтись безъ помощи киргизъ, которыхъ и нанимали производить поливъ полей. Къ ихъ-же услугамъ они обращались въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда оказывалась необходимость въ расширеніи существовавшей сѣти; такъ, общество поселянъ—нѣмцевъ пос. Константиновскаго, задумавъ оросить кусокъ земли въ предѣлахъ своего надѣла, сдало эту работу сосѣднимъ киргизамъ, предоставивъ имъ за это сдѣлать на вновь орошенной землѣ два посѣва проса.

Однако, во всѣхъ поселкахъ крестьяне очень скоро усвоили несложную, въ сущности, мѣстную технику полива полей; «теперь уже воды не упустимъ», говорили намъ въ нѣкоторыхъ поселкахъ. Въ настоящее время они повсемѣстно сами производятъ какъ самый поливъ, подъ руководствомъ выбранныхъ изъ своей среды мирабовъ, повидимому вполнѣ удовлетворительно справляющихся со своею задачей,—такъ и прочистку оросительныхъ канавъ, которая исполняется натуральною повинностью, путемъ наряда рабочихъ, въ потребномъ количествѣ, отъ каждаго двора, или отъ пахатнаго пая, или съ «десятка». Если нужно, они сами производятъ и небольшія работы по орошенію новыхъ участковъ надѣльныхъ земель,—причемъ однако въ этихъ случаяхъ, если есть удобный случай, охотно пользуются совѣтами сосѣдей-сартовъ или киргизъ. Болѣе состоятельные и теперь охотно нанимаютъ киргизъ на всякаго рода ирригаціонныя работы, но такого рода наемъ имѣетъ лишь то-же

значеніе, какъ наемъ на всякія другія сельскохозяйственныя работы, и нанятый киргизъ является теперь уже не учителемъ, а только рабочею силою, и работаетъ подъ непосредственнымъ руководствомъ и и наблюденіемъ нанимателя.

Конечно, ирригаціонная техника у крестьянъ и сейчасъ весьма далека отъ совершенства. Учителями ихъ были, какъ упомянуто, киргизы и частью сарты, которые въ этой части Туркестанскаго края сами гораздо хуже владѣютъ техникой ирригаціи, нежели въ южныхъ областяхъ: главною отличительною чертою ирригаціонной техники Сыръ-Дарьинскихъ туземцевъ, обусловливаемою сравнительнымъ изобиліемъ водныхъ источниковъ и новизною ирригаціоннаго дѣла, является чрезмѣрно расточительное пользованіе оросительною водою, и въ этомъ отношеніи русскіе поселенцы далеко превзошли своихъ учителей. Ниже я долженъ буду подробнѣе остановиться на вопросѣ о расходованіи воды въ существующихъ оросительныхъ системахъ и о желательности мѣръ къ урегулированію этой стороны дѣла. Въ данную-же минуту для меня важно только установить тотъ фактъ, что крестьяне, каковы бы ни были желательныя и возможныя въ этомъ отношеніи улучшенія, во всякомъ случаѣ совершенно доказали свою способность, а слѣдовательно и вообще способность русскаго переселенца, обосновать свое благосостояніе на хозяйствѣ съ искусственнымъ орошеніемъ.

Отношенія съ туземцами на почвѣ водопользованія.

Менѣе удовлетворительно обстоитъ другая сторона дѣла, именно отношенія съ туземцами, возникающія на почвѣ пользованія оросительною водою. Я не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности достаточно близко вникнуть на мѣстѣ въ эту весьма важную сторону дѣла. Но долженъ упомянуть, что постоянныя столкновенія и недоразумѣнія на этой почвѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянскія селенія пользуются водою изъ однихъ съ туземцами оросительныхъ каналовъ, по единодушному свидѣтельству мѣстныхъ людей является правиломъ, почти не знающимъ исключеній. Столкновенія эти возникаютъ и изъ-за пользованія водою, и изъ-за работъ, необходимыхъ для поддержанія въ порядкѣ обслуживающихъ крестьянъ и туземцевъ оросительныхъ каналовъ. «Немногіе изъ арыковъ, говоритъ А. А. Половцовъ въ своемъ отчетѣ [1]), находятся цѣликомъ на крестьянской землѣ, обыкновенно же голова арыка лежитъ за границей надѣла и ремонтъ долженъ производиться соединенными силами всѣхъ со-

[1]) Стр. 26.

сѣдей, пользующихся изъ этого арыка водой. Конечно, такая совмѣстная работа не можетъ не вызывать пререканій и недоразумѣній, такъ же, какъ вызываетъ ихъ совмѣстное пользованіе однимъ и тѣмъ же арыкомъ, дающее поводъ жаловаться, что сосѣди засоряютъ канавы. Крестьяне—продолжаетъ г. Половцовъ—часто жалуются, что работать на починкѣ арыковъ приходится больше имъ, чѣмъ киргизамъ, между тѣмъ какъ воды они получаютъ меньше; такія жалобы содержатъ извѣстную долю правды, такъ какъ киргизы относятся къ хозяйственнымъ вопросамъ довольно безпечно; между тѣмъ изъ многихъ арыковъ главнымъ образомъ должны пользоваться киргизы, болѣе многочисленные, чѣмъ русскіе». Нѣсколько иначе и—думается мнѣ—вѣрнѣе освѣщено разсматриваемое явленіе въ работѣ г. Гейера «Голодъ и колонизація» [1]). «Въ большинствѣ случаевъ, говорится здѣсь, арыки, до начала ихъ полезнаго дѣйствія, протекаютъ одинъ-другой десятокъ верстъ по безлюднымъ, безплоднымъ мѣстностямъ, и при острыхъ отношеніяхъ сосѣдей никто изъ нихъ не считаетъ себя обязаннымъ прочистить русло канала до начала его полезнаго дѣйствія. Ниже сидящіе думаютъ, что это долгъ выше сидящихъ, а послѣдніе разсуждаютъ такъ: будемъ ли мы чистить арыкъ или нѣтъ—вода къ намъ дойдетъ; мы первые, а другіе, если надо, пусть чистятъ сами. Надо отдать справедливость киргизу: онъ, несмотря на присущую ему безпечность, въ такихъ случаяхъ менѣе легкомысленъ, нежели русскій крестьянинъ. Какъ аборигенъ страны, онъ высоко цѣнитъ важное значеніе воды и смотритъ на исправленіе арыковъ, какъ на нравственный долгъ. Но при сплетеніи своихъ интересовъ съ «мужикомъ» онъ подается вліянію принципа laissez faire и также ограничиваетъ свой трудъ очисткой части арыка, проходящей черезъ его землю». Такое освѣщеніе—повторяю—кажется мнѣ гораздо болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и во всякомъ случаѣ оно вполнѣ подтверждается отзывами всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и лицъ, непосредственно причастныхъ къ ирригаціонному дѣлу, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по данному вопросу [2]). Всѣ они сходятся въ томъ, что въ видѣ правила въ столкновеніяхъ изъ-за воды нападающею стороною являются русскіе, вообще очень склонные игнорировать права и интересы

---

[1]) «Матер. для стат. Сыръ-Дар. обл., т III, стр 73

[2]) См Тамъ-же у Дингельштедта, назв. соч., т. II, стр 391.

своихъ сосѣдей туземцевъ. Въ частности русскіе поселенцы весьма мало склонны къ производству какихъ-бы то ни было болѣе крупныхъ ирригаціонныхъ работъ, даже когда они въ нихъ непосредственно заинтересованы, такъ какъ питаютъ убѣжденіе, что вода должна быть отведена имъ вмѣстѣ съ землею. Я не буду приводить здѣсь тѣхъ довольно многочисленныхъ фактовъ, которые сообщались мнѣ въ доказательство подобнаго отношенія крестьянъ къ ирригаціоннымъ работамъ. Сошлюсь только на одинъ весьма характерный фактъ, приводимый въ отчетѣ г. Половцова [1]). Авторъ отчета сообщаетъ о плохомъ состояніи арыка, питающаго оросительныя системы поселковъ Ермоловскаго и Обручевскаго. «Чтобы поправить оросительную систему, говоритъ онъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать крестьянамъ заработокъ, уѣздный начальникъ заставлялъ ихъ работать подъ надзоромъ арыкъ-аксакала надъ укрѣпленіемъ головы *ихъ* главнаго арыка, *съ платою по 40 коп. въ день*; но и это подспорье вызвало только неудовольствіе мужиковъ, такъ какъ, въ виду обязательности работы, они принуждены были всѣ выходить на нее и нанимать поденщиковъ на свой покосъ, платя имъ по 70 к. и теряя такимъ образомъ по 30 к. въ день»....

Практическое значеніе сказаннаго.

Сказанное имѣетъ, мнѣ кажется, не малое практическое значеніе. Прежде всего, столь частыя столкновенія между крестьянами и туземцами изъ-за пользованія водой изъ общихъ для тѣхъ и другихъ оросительныхъ системъ заставляютъ желать, чтобы имѣющіе быть водворенными въ краѣ, въ будущемъ, русскіе переселенцы получали воду изъ отдѣльныхъ, если не главныхъ, то во всякомъ случаѣ—распредѣлительныхъ арыковъ; въ случаѣ же невозможности избѣжать общаго водопользованія крестьянъ съ туземцами, это водопользованіе должно быть поставлено подъ гораздо болѣе близкій и постоянный надзоръ подлежащей правительственной власти, нежели то имѣетъ мѣсто въ настоящее время; равнымъ образомъ, во избѣжаніе засоренія главныхъ арыковъ, порчи головъ и вообще упадка оросительныхъ системъ необходимо организовать дѣло поддержанія и ремонта оросительныхъ системъ такимъ образомъ, чтобы поставить это дѣло внѣ всякой зависимости отъ степени послушанія, добросовѣстности и усердія или напротивъ—строптивости и безпечности отдѣльныхъ участниковъ общаго водопользованія; можетъ быть, для этой цѣли было-бы умѣстно замѣнить натуральную повинность

[1]) Стр. 166.

спеціальнымъ денежнымъ сборамъ, распредѣляемымъ уравнительно между всѣми участниками каждой данной системы,—если же натуральная повинность будетъ сохранена, то необходимо принять мѣры къ тому, чтобы она достаточно равномѣрно распредѣлялась между участниками обшаго водопользованія, какова бы ни была ихъ племенная принадлежность, и *дѣйствительно* всѣми ими *исполнялась*. Съ другой стороны, приведенныя данныя имѣютъ значеніе и въ томъ отношеніи, что заставляютъ сомнѣваться въ возможности привлечь ожидаемыхъ въ край новыхъ русскихъ поселенцевъ въ какой-либо самодѣятельности въ области устройства орошенія. Даже обжившіеся въ краѣ переселенцы проявляютъ къ тому, какъ сказано, весьма мало склонности. Тѣмъ менѣе возможно ожидать въ этомъ отношеніи какой-либо иниціативы со стороны вновь прибывающихъ въ край крестьянъ, которымъ приходится затрачивать все свое время и весь свой трудъ на первоначальное обзаведеніе и на разработку земли и которые, дѣйствительно, не имѣли-бы возможности удѣлить необходимое время или денежныя средства на работы по устройству оросительной сѣти. Поскольку хозяйство переселенцевъ будетъ обосновываться на поливной землѣ (объ этомъ см. ниже), ихъ необходимо не только надѣлять землею и правомъ на выводъ извѣстнаго количества воды изъ того или другого главнаго арыка,—но имъ придется предоставлять и готовые, спеціально ихъ обслуживающіе распредѣлительные каналы, а вѣроятнѣе всего даже и сѣть третьестепенныхъ арыковъ, выводящихъ воду на отдѣльные участки пахатрой земли—и развѣ только самые мелкіе арыки, обслуживающіе отдѣльныя полосы, будутъ выводиться самими переселенцами.

Общій вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ туземцамъ

Я позволю себѣ затѣмъ коснуться въ краткихъ словахъ болѣе общаго вопроса объ отношеніяхъ между крестьянами и аборигенами края—киргизами, поскольку онъ имѣетъ связь съ вопросомъ о водвореніи въ краѣ новыхъ русскихъ переселенцевъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что условія, при которыхъ до сихъ поръ совершалось водвореніе переселенцевъ въ Туркестанскомъ краѣ, не могли способствовать установленію между ними и киргизами такихъ отношеній, которыя были-бы желательны и даже обязательны между подданными одной державы. Ненормальность отношеній въ значительной мѣрѣ коренилась въ самомъ способѣ земельнаго устройства переселенцевъ на полудобровольно, полупринудительно уступавшихся киргизами земляхъ,—способѣ, который, не имѣя основанія въ законѣ, конечно не могъ внушить русскимъ

поселенцамъ особаго уваженія къ правамъ туземнаго населенія [1]). «Въ надѣлы крестьянъ—говоритъ г. Половцовъ [2])—пришлось включить много такихъ земель, которыя въ минуту ихъ перехода къ русскимъ обрабатывались киргизами. Такое отношеніе администраціи къ праву пользованія киргизъ землею *не могло не развить среди крестьянъ довольно пренебрежительнаго отношенія къ кочевникамъ*, которыхъ они своимъ приходомъ сгоняли съ насиженныхъ мѣстъ, и подстрекало ихъ къ самовольнымъ поступкамъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, когда уѣздными властями уже было отведено пришедшимъ переселенцамъ мѣсто подъ усадьбы, они самовольно ушли на другое урочище и заняли участокъ, засаженный старыми деревьями и заключавшій въ себѣ, какъ оказалось, глубоко чтимыя среди мѣстныхъ киргизъ могилы ихъ предковъ. Дѣло, хотя и съ большимъ трудомъ, было улажено, но подобные случаи не могутъ не вносить извѣстнаго обострения въ отношенія между сосѣдями и, мѣшая установленію согласія между ними, содѣйствуютъ увеличенію числа разбоевъ и кражъ»,—въ частности же развитію скотокрадства, которымъ кочевники. по старой традиціи, мстятъ за всякія причиняемыя ими обиды. Такое пренебрежительное отношеніе къ киргизамъ и такая склонность игнорировать ихъ законнѣйшія права и нужды, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ очень распространены между переселенцами, какъ объ этомъ, опять-таки, единодушно свидѣтельствуютъ мѣстные дѣятели и какъ я могъ убѣдиться и лично, во время моей экскурсіи въ Сыръ-Дарьинской области. Не могу не вспомнить по этому поводу характерной бесѣды, которую я имѣлъ съ однимъ крестьяниномъ села Высокаго, Чимкентскаго уѣзда. Зашла рѣчь между прочимъ о спорномъ съ киргизами земельномъ участкѣ, въ которомъ у крестьянъ было особо подѣлено на душу по три десятины пашни; послѣ произведенной соотвѣтствующею властью повѣрки межи, половина спорнаго участка была возвращена киргизамъ,—и такое рѣшеніе дѣла вызывало въ крестьянинѣ, очевидно, самое искреннее недоумѣніе. «Видно они передъ Государемъ заслужили», съ нескрываемою ироніею замѣтилъ крестьянинъ, очевидно рѣшительно непонимавшій, какъ киргизы, «орда» могли оказаться правыми въ спорѣ съ «царскими» переселенцами.

---

[1]) См напр. «Отчетъ Директора Лѣсного Д-та по поѣздкѣ въ Турк. край въ 1900 г.», стр 72—74.

[2]) Отчетъ, стр. 165.

Другимъ, болѣе законнымъ источникомъ всякихъ недоразумѣній и распрей между киргизами и русскими является столкновеніе кочевого киргизскаго быта и связанной съ нимъ неопредѣленности пастбищнаго пользованія съ укоренившимися среди крестьянъ понятіями о значеніи межевыхъ границъ.

«Свободный сынъ степи, киргизъ, говоритъ г. Гейеръ [1]), не можетъ еще усвоить себѣ священнаго значенія межи. Онъ привыкъ, что трава, выростающая въ степи, составляетъ общее достояніе всѣхъ имѣющихъ скотъ... Его мозгъ отказывается понять, какъ можетъ неглубокая ямка стать препятствіемъ для вольной пастьбы скота, и вотъ онъ, игнорируя межевые знаки, вторгается въ черту крестьянскихъ владѣній, беззаботно выбивая если не посѣвы, строго окарауливаемые крестьянами, то ихъ толоки и сѣнокосы». Киргизы, правда не только пускаютъ *свой* скотъ на *крестьянскія* земли—они свободно допускаютъ и скотъ *крестьянъ* на земли, оставшіяся въ *ихъ*, киргизъ, пользованіи, и въ такихъ случаяхъ крестьяне очень охотно забываютъ о существованіи межевыхъ знаковъ; такъ, стада пос. Антоновскаго постоянно пасутся на киргизской, или, какъ ее называютъ крестьяне, — «казенной» землѣ, и киргизы, повидимому, не ставятъ этому никакихъ препятствій. Но совершенно иначе относятся крестьяне къ случаямъ захода киргизскаго скота на ихъ надѣльныя земли. «Возникаютъ споры о потравахъ, продолжаетъ г. Гейеръ, имѣющіе въ своемъ основаніи единственную цѣль — такъ или иначе сорвать нѣсколько копѣекъ съ киргиза, воспользовавшись его безпечностью. Осенью крестьянскіе надѣлы, за исключеніемъ озимей, обращаются въ общее мѣсто пастьбы сельскаго скота. Чѣмъ больше послѣдняго будетъ ходить по полямъ, тѣмъ лучше для будущаго урожая сѣнокосовъ и яровыхъ посѣвовъ. Частые дожди быстро возобновляютъ выжженный лѣтнимъ солнцемъ зеленый коверъ степи. Казалось бы, широкаго раздолья хватитъ для всѣхъ... Но крестьянинъ зорко слѣдитъ за своимъ добромъ, предпочитая безполезную гибель утилизаціи чужимъ человѣкомъ того добра, которое законъ превратилъ въ его собственность. Основываясь на своемъ правѣ, крестьяне селъ съ несплоченнымъ міромъ начинаютъ устраивать ночныя засады съ цѣлью констатировать фактъ нарушенія киргизомъ святого значенія межи, захватить его скотъ и

[1]) «Голодъ и колонизація»; стр. 72—73.

сорвать нѣсколько копѣекъ, а то и рублей за потраву. Киргизъ платитъ, но запоминаетъ обиду и, при случаѣ, старается покрыть расходы кражею крестьянской лошади. Такимъ образомъ создаются невыносимыя условія жизни между сосѣдями и тянутся до тѣхъ поръ, пока окрѣпнетъ и сплотится міръ, а сплотившись—накинетъ узду на своихъ порочныхъ членовъ».

Эта картина, набросанная притомъ лицомъ, въ высшей степени преданнымъ дѣлу русской колонизаціи Сыръ-Дарьинской области, много потрудившимся для этого дѣла и, въ значительной мѣрѣ, склоннымъ идеализировать русскихъ колонизаторовъ края, —совершенно соотвѣтствуетъ, судя по всему, что̀ мнѣ пришлось видѣть и слышать на мѣстѣ, дѣйствительному положенію дѣла. Вѣрна она и въ томъ отношеніи, что невыносимыя, во многихъ случаяхъ, отношенія, устанавливающіяся между киргизами и переселенцами въ первое время по водвореніи послѣднихъ дѣйствительно замѣняются, мало по малу, болѣе мирными и дружественными сосѣдскими отношеніями, основывающимися если не на взаимномъ признаніи *правъ* туземцевъ—этихъ правъ крестьяне продолжаютъ не признавать,—то во всякомъ случаѣ—на извѣстной солидарности и сплетеніи интересовъ. Къ сожалѣнію, мнѣ почти не пришлось соприкасаться съ тѣми киргизами, въ среду которыхъ вкраплены надѣлы многочисленныхъ русскихъ поселковъ Чимкентско-Ауліэатинскаго района. Но я вездѣ разспрашивалъ самихъ крестьянъ объ ихъ отношеніяхъ къ киргизамъ,—и общій тонъ отвѣтовъ на такого рода вопросы былъ почти вездѣ очень мирный и спокойный; въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне прямо говорили, что съ киргизами можно жить по-сосѣдски, въ другихъ сообщали объ услугахъ, которыя имъ оказывали киргизы въ отношеніи, напримѣръ, безплатнаго пользованія пастбищами и т. п.,—и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и разсказывали о столкновеніяхъ изъ-за воды и т. п.,—то разсказы эти нигдѣ не носили характера особаго озлобленія и не свидѣтельствовали о слишкомъ обострившихся отношеніяхъ. Весьма возможно, что извѣстную роль здѣсь играетъ отмѣчаемое г. Гейеромъ обстоятельство,—именно, увеличившаяся съ теченіемъ времени однородность и сплоченность самихъ крестьянскихъ обществъ; «селенія съ крѣпкимъ, сплоченнымъ міромъ—говоритъ названный авторъ [1]), ревниво охраняютъ свои внутренніе распорядки» и въ то же время заботятся о созданіи съ киргизами

[1]) Стр. 70 и 72

«хорошихъ сосѣдскихъ отношеній; ни одна жалоба на сосѣдей киргизъ не безпокоитъ уха начальства, между тѣмъ какъ претензіи подобнаго рода составляютъ больное мѣсто всѣхъ духовно еще не сплотившихся сельскихъ обществъ». Но едва-ли не большее значеніе въ данномъ случаѣ имѣютъ, по показаніямъ крестьянъ, постепенно завязывающіяся между крестьянами и киргизами дѣловыя отношенія по случаю аренды земли, полива и т. п.,—отношенія, при которыхъ каждая сторона болѣе или менѣе одинаково нуждается въ другой сторонѣ и которыя, особенно при киргизскихъ нравахъ, неразрывно связаны съ возникновеніемъ «тамырства» и вообще взаимнаго гостепріимства.

Значеніе близкаго сосѣдства

Остановлюсь еще на одномъ частномъ вопросѣ, имѣющемъ непосредственное отношеніе къ постановкѣ предстоящихъ въ краѣ землеотводныхъ работъ и дѣла водворенія переселенцевъ. Съ этой точки зрѣнія, именно, важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что по всему Чимкентско-Ауліеатинскому тракту киргизскія зимовки или употребляя мѣстное названіе—«курганчи», съ древесными насажденіями или пахатными полями, располагаются сплошными полосами въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ землями, вошедшими въ надѣлы русскихъ поселковъ; сплошь и рядомъ, легко переходимая въ бродъ рѣчка или ручей отдѣляютъ русскій поселокъ отъ линіи курганчей, русскія пашни—отъ киргизскихъ, русскія пашни почти вплотную подходятъ къ киргизскимъ зимовкахъ и т. п. И я нигдѣ не видѣлъ никакого слѣда того, чтобы подобная близость какъ-либо особенно неблагопріятно отражалась на положеніи киргизъ и вела къ возникновенію какихъ-либо особыхъ граничныхъ осложненій или недоразумѣній. Если бы это было такъ. то киргизы несомнѣнно стали бы переносить свои курганчи—особенно гдѣ при нихъ нѣтъ насажденій—подальше отъ границъ крестьянскихъ надѣловъ; между тѣмъ я рѣшительно нигдѣ не видѣлъ слѣдовъ снесенныхъ курганчей и не слыхалъ о случаяхъ подобнаго переноса,—равно какъ и путемъ разспросовъ не натыкался на факты проистекающихъ изъ разсматриваемаго обстоятельства недоразумѣній или неудобствъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы у русскихъ поселенцевъ *вообще* не было недоразумѣній съ сосѣдями киргизами. Напротивъ, какъ я уже упоминалъ, такого рода недоразумѣнія, въ общемъ, достаточно часты. Но они проистекаютъ изъ такихъ обстоятельствъ, какъ общность водопользованія, потравы, арендованіе угодій и т. п.,—условій, которыя ни въ чемъ не измѣ-

нились бы, если бы киргизскія зимовки и пашни были отодвинуты на версту или на двѣ дальше отъ границъ крестьянскаго надѣла,— самая же близость зимовокъ и киргизскихъ полей, сама по себѣ, повидимому не создаетъ какихъ либо особыхъ неудобствъ. Конечно, сказанное заключеніе основано на слишкомъ бѣглыхъ наблюденіяхъ и потому будетъ требовать ближайшей провѣрки при предстоящихъ въ краѣ изслѣдованіяхъ. Но если бы оно подтвердилось, то это обстоятельство необходимо будетъ принять въ соображеніе при выработкѣ будущей инструкціи для работъ по образованію переселенческихъ участковъ: разъ дѣйствительно, непосредственное сосѣдство крестьянъ съ киргизами не порождаетъ, при хозяйственныхъ условіяхъ Туркестана, никакихъ неудобствъ и не мѣшаетъ мирному преуспѣянію тѣхъ и другихъ, то очевидно окажется возможнымъ гораздо меньше. нежели это дѣлается въ Степномъ краѣ, стремиться къ кучности изъятій и къ водворенію переселенцевъ возможно обособленными сплошными группами,—а это позволитъ въ гораздо болѣе полной мѣрѣ использовать для колонизаціонныхъ цѣлей тѣ мелкіе клочки не эксплоатируемыхъ киргизами и ненужныхъ имъ угодій, которые, можно думать, составятъ главный запасъ свободныхъ земель въ сравнительно густо населенныхъ и использованныхъ киргизами районахъ. Я конечно далекъ отъ мысли, чтобы слѣдовало устраивать единичные мелкіе русскіе поселки, затерянные среди сплошного инородческаго населенія,— это несомнѣнно противорѣчило бы общимъ колонизаціоннымъ видамъ. Но если въ какой-либо мѣстности, на небольшихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, будетъ устроено значительное число хотя и мелкихъ, каждый въ отдѣльности, поселковъ, то этимъ путемъ создадутся, въ общемъ, достаточно крупныя группы русскаго населенія, и послѣднее не будетъ чувствовать себя затерянным среди иновѣрныхъ и иноплеменныхъ туземцевъ.

Характеръ хозяйства русскихъ поселенцевъ.

Затѣмъ я долженъ возвратиться къ характеру хозяйства водворенныхъ въ краѣ русскихъ поселенцевъ. Какъ я уже упоминалъ, это хозяйство доставило имъ очень высокое и, повидимому, прочное благосостояніе,—и съ этой точки зрѣнія цѣль водворенія ихъ въ краѣ можетъ считаться вполнѣ достигнутою. Съ нѣсколько менѣе утѣшительными, хотя, можетъ быть, и неизбѣжными явленіями приходиться считаться, если разсматривать хозяйство русскихъ поселенцевъ съ нѣсколько иной, если можно такъ выразиться, культурной точки зрѣнія. Въ этомъ отношеніи хозяйство русскихъ по-

селковъ лишь очень немногимъ отличается, и притомъ не всегда въ лучшую сторону, отъ хозяйства полуосѣдлыхъ киргизъ южной части Сыръ-Дарьинской области, и стоитъ далеко ниже хозяйства осѣдлаго населенія Туркестана [1]). Единственное полезное для края и для туземцевъ, что́ русскіе переселенцы принесли съ собой, это коса-литовка, которая весьма быстро распространилась между туземцами и значительно облегчила имъ заготовленіе необходимыхъ для зимняго содержанія скота кормовыхъ средствъ. Во всемъ остальномъ земледѣльческое хозяйство русскихъ поселенцевъ стоитъ, въ общемъ, на той-же почвѣ, какъ и хозяйство занимающихся земледѣліемъ киргизъ, съ тою только разницею, что хозяйство крестьянъ исключительно зерновое и почти лишено тѣхъ элементовъ плодосмѣна, которые характерны для хозяйства сартовъ и, въ хотя и гораздо болѣе слабой степени, для хозяйства киргизъ. Если затѣмъ не считать единичныхъ, до сихъ поръ встрѣчающихся почти исключительно у меннонитовъ, попытокъ унаваживанія полей подъ посѣвы люцерны, то земледѣліе у крестьянъ основывается исключительно на использованіи естественнаго плодородія почвы, питательныя вещества которой извлекаются производимыми посѣвами и ничѣмъ не возмѣщаются. Какъ выше упоминалось, во всемъ Ташкентскомъ уѣздѣ пашни, при этомъ, эксплоатируются безъ всякаго отдыха; такой-же порядокъ веденія хозяйства практикуется въ восточныхъ поселкахъ Ауліеатинскаго уѣзда, а отчасти и въ другихъ мѣстностяхъ, господствующимъ же типомъ земледѣльческаго хозяйства у крестьянъ является залежное хозяйство съ періодомъ залежности, вдвое меньшимъ противъ періода обработки подъ хлѣба. Весьма любопытно при этомъ, что крестьяне, въ видѣ общаго правила, не только не расширили культурной площади на отведенныхъ имъ надѣльныхъ земляхъ, но наоборотъ—запустили нѣкоторыя такія площади, которыя ранѣе обрабатывались киргизами или сартами [2]); такъ, въ пос. Георгіевскомъ запущена и превратилась въ почти безплодный каменистый выгонъ довольно значительная часть надѣла, ранѣе обрабатывавшаяся киргизами; по объясненію крестьянъ, обработка этой площади, которая была легка при киргизскихъ омачахъ, слишкомъ затруднительна при употребительныхъ у крестьянъ пахатныхъ орудіяхъ. Также точно, исключены изъ передѣла всѣ каменистыя пло-

[1]) См Дингельштедтъ, назв. соч, т I, стр 277

[2]) Сходныя указанія по Закаспійской обл. см. у Коржинскаго, назв соч, стр. 28.

щади, ранѣе пахавшіяся, въ пос. Высокомъ,—«только плугъ переломаешь», говорятъ по этому поводу крестьяне. Въ рядѣ другихъ случаевъ, впрочемъ, сокращеніе культурной площади явилось результатомъ не подобныхъ, едва-ли уважительныхъ соображеній, а правильнаго хозяйственнаго разсчета и распоряженія крестьянскихъ общинъ. Напримѣръ, въ поселкахъ Георгіевскомъ, Петропавловскомъ, Высокомъ, Ванновскомъ, Корниловскомъ, изъ числа посѣщенныхъ мною лично, а по свидѣтельству А. А. Половцова—въ большинствѣ поселковъ Ауліеатинскаго уѣзда, часть земель, ранѣе распахивавшихся киргизами, запущена подъ сѣнокосъ, и на такомъ покосѣ въ нѣкоторыхъ поселкахъ накашивается на пай до 100 копенъ превосходнаго люцерноваго и злаковаго сѣна. Въ нѣкоторыхъ другихъ поселкахъ общества, не выдѣляя особаго постояннаго покоса, установили опредѣленное чередованіе пахатныхъ полей съ залежью, причемъ выдѣленный подъ залежь клинъ эксплоатируется какъ сѣнокосное угодье.

Интенсивныя культуры

Что касается затѣмъ до болѣе интенсивныхъ культуръ, то я не имѣлъ, къ сожалѣнію, возможности собрать свѣдѣній о степени развитія въ поселкахъ плодоводства; не подлежитъ однако сомнѣнію, что по степени распространенности этой отрасли хозяйства поселки Сыръ-Дарьинской области представляютъ собою пеструю картину: въ меннонитскихъ поселкахъ, напримѣръ, или въ такихъ русскихъ селеніяхъ какъ Бѣловодова, Ключевая и др., плодоводство является однимъ существеннѣйшимъ источникомъ благосостоянія; въ другихъ, напротивъ, оно совершенно или почти совершенно не существуетъ, и напримѣръ, въ большомъ пос. Александровскомъ, Ауліеатинскаго уѣзда, оказались всего два хозяина, имѣющихъ небольшія и довольно плохія яблоневыя насажденія. Весьма существенною отраслью земледѣльческаго хозяйства у туземцевъ, сартовъ и киргизъ, являются затѣмъ посѣвы люцерны, которая не только даетъ весьма обильный и цѣнный кормъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большое значеніе и въ смыслѣ плодосмѣна. Эта отрасль культуры дѣлаетъ, несомнѣнно, большіе успѣхи и у крестьянъ. Уже А. А. Половцовъ констатировалъ въ своемъ отчетѣ, что изъ 20 поселковъ Ауліеатинскаго уѣзда въ 12 «есть свои клевера (такъ въ Туркестанѣ называютъ люцерну), часто на огородахъ, иногда и въ отдѣльномъ клинѣ въ полѣ; конечно, разведеніе ихъ зависитъ отъ радѣнія каждаго хозяина, но мужики, повидимому, все болѣе и бо-

лѣе сознаютъ необходимость травосѣянія» [1]). Гораздо меньше, во время обслѣдованія г. Половцова, посѣвы люцерны были распространены въ Чимкентскомъ уѣздѣ; здѣсь «клеверовъ у большинства нѣтъ или если есть, то клочками на огородахъ; только у трехъ селеній есть клеверныя поля». Такая-же пестрота наблюдается еще и въ настоящее время: дальше всего въ этомъ отношеніи ушли, повидимому, меннонитскіе поселки, у которыхъ спеціально подъ люцерну раздѣлена довольно значительная часть полевой земли, и посѣвы люцерны производятся по навозному удобренію; изъ другихъ посѣщенныхъ мною поселковъ въ Антоновкѣ отведено спеціально подъ люцерну 50 десятинъ, въ Ключевой въ 1903 году впервые подѣлено подъ люцерну по одной десятинѣ на душу. Въ другихъ же поселкахъ, какъ, напримѣръ, Высокомъ, Ванновскомъ, Георгіевскомъ, Бѣловодовой и др., люцерна до сихъ поръ сѣется только въ огородахъ и далеко не всѣми домохозяевами.

Что́ касается до хлопководства, то границей разведенія американскаго хлопка принято считать, на основаніи существующаго опыта, 42 параллель, приблизительно совпадающую съ сѣверною границею Ташкентскаго уѣзда. Такимъ образомъ, изъ пяти уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области только одинъ Ташкентскій входитъ въ предѣлы полосы наибольшей распространенности хлопководства. Правда, въ самое послѣднее время посѣвы этого растенія начинаютъ проникать въ южную часть Чимкентскаго уѣзда, туземный же хлопокъ съ успѣхомъ разводится еще въ окрестностяхъ гор. Туркестана, т. е. сѣвернѣе 43 параллели. Но вопросъ о степени надежности и выгодности культуры хлопка въ мѣстностяхъ, лежащихъ сѣвернѣе 42 параллели, повидимому, не можетъ считаться разрѣшеннымъ, и потому пока приходится говорить какъ о хлопковомъ районѣ только о Ташкентскомъ уѣздѣ. Въ этомъ районѣ хлопководство пользуется значительнымъ развитіемъ и среди русскихъ поселенцевъ. Уже въ 1892 году И. И. Гейеръ указывалъ, какъ на главнѣйшее преимущество Ташкентскаго уѣзда, на «возможность эксплоатаціи земельной силы путемъ посѣва хлопчатника, имѣющаго громадный спросъ на рынкѣ и наилучшимъ образомъ оплачивающаго трудъ земледѣльца [2]), и въ примѣръ выгодности этой культуры приводилъ сел. Срѣтенское, гдѣ, при 123 наличныхъ въ то

---

[1]) Отчетъ, стр. 151, 163.

[2]) Мат. для стат Сыръ-Дар. обл., т. II, стр. 238.

время домохозяйствахъ, площадь подъ хлопкомъ превышала 600 десятинъ. О развитіи хлопководства у русскихъ поселенцевъ Ташкентскаго уѣзда говоритъ также и А. А. Половцовъ [1]), констатирующій, что хлопковыя плантаціи у переселенцевъ этого уѣзда «за послѣдніе годы все болѣе и болѣе разростаются и даже выступаютъ за полосу, вполнѣ для нихъ пригодную по своимъ естественнымъ условіямъ. Наряду съ сартами, говоритъ г. Половцовъ, и многихъ русскихъ крестьянъ охватила та же «хлопковая горячка», о которой такъ много толкуютъ въ краѣ».

Тѣмъ не менѣе, г. Половцовъ констатируетъ и въ этомъ отношеніи извѣстную разницу между русскими поселенцами и туземцами-сартами: «среди крестьянъ, – говоритъ онъ, — нигдѣ еще посѣвы хлопка не достигли значительныхъ размѣровъ и являются только вспомогательною отраслью хозяйства, основаннаго преимущественно на воздѣлываніи хлѣбныхъ злаковъ. По отзывамъ этихъ крестьянъ, нельзя разводить много хлопковыхъ полей за недостаткомъ оросительной влаги, хотя, быть можетъ, вѣрнѣе это приписать тому, что богатый урожай волокна получается лишь при очень тщательной культурѣ и при большой снаровкѣ, между тѣмъ на пріобрѣтеніе необходимаго опыта нельзя не прилагать особаго старанія, а поэтому и хлопокъ неминуемо бываетъ низкаго качества (sic). Слѣдуя общему взгляду почти всѣхъ русскихъ переселенцевъ, ташкентскіе главнымъ образомъ заботятся объ обезпеченіи себя собственнымъ хлѣбомъ, производство же какихъ-бы то ни было продуктовъ, не нужныхъ имъ въ хозяйствѣ, но имѣющихъ цѣнность исключительно рыночную, для нихъ является лишь подспорьемъ для пріобрѣтенія денегъ на уплату повинностей, рѣже на увеличеніе удобствъ жизни. На первомъ планѣ у нихъ всегда остается забота о насущномъ хлѣбѣ, а *при теперешнемъ положеніи среднеазіатскихъ рынковъ*,—справедливо замѣчаетъ г. Половцовъ,— *хлѣбъ этотъ добывается всего дешевле, если вырастить его на собственномъ полѣ*».

Мнѣ лично довелось посѣтить въ предѣлахъ хлопководнаго района одно только переселенческое селеніе—именно нѣмецкій поселокъ Константиновскій. Въ этомъ поселкѣ совершенно не оказалось посѣвовъ хлопка, тогда какъ окрестные киргизы въ значительныхъ размѣрахъ занимаются хлопководствомъ. И объясненіе этого факта,

[1]) Отчетъ, стр 171.

которое дали поселенцы въ отвѣтъ на мои вопросы, почти совпадаетъ съ приводимымъ въ отчетѣ г. Половцова: съ хлопкомъ слишкомъ много работы, а поселенцамъ-нѣмцамъ надо засѣвать побольше хлѣба; притомъ для хлопковыхъ плантацій не хватилобы поливной воды, недостатокъ которой заставляетъ константиновскихъ нѣмцевъ сѣять даже зерновые хлѣба безъ искусственнаго орошенія.

Если такимъ образомъ хлопководство, очень распространенное у крестьянъ, не получаетъ еще дальнѣйшаго распространенія и развитія, то это, съ одной стороны,—въ виду несклонности русскихъ поселенцевъ къ тому кропотливому труду, котораго требуетъ уходъ за хлопкомъ, а съ другой — въ виду достаточной выгодности, при существующихъ условіяхъ хлѣбнаго рынка, обычнаго крестьянскаго зернового хозяйства. Крестьяне, привыкнувъ видѣть признакъ довольства и благополучія въ *расширеніи площади* своихъ запашекъ, предпочитаютъ увеличивать доходность своего хозяйства посредствомъ расширенія площади подъ хлѣбами, нежели переносить центръ его тяжести на хлопководство и такимъ образомъ получить такой-же, можетъ быть, доходъ, при гораздо большей затратѣ труда, съ гораздо меньшей площади земли. Такой разсчетъ, конечно, совершенно законенъ съ точки зрѣнія частныхъ интересовъ проживающихъ въ хлопководномъ районѣ крестьянъ. Но вопросъ, конечно, насколько этотъ разсчетъ правиленъ и желателенъ съ общегосударственной точки зрѣнія, такъ какъ при господствѣ зернового хозяйства данная площадь земли, конечно, можетъ обезпечить благосостояніе и дать приложеніе для труда несравненно меньшаго населенія.

Развитіе арендъ.

Существеннѣйшими характерными чертами сыръ-дарьинскихъ переселенцевъ являются такимъ образомъ залежное хозяйство (или вообще—такое, при которомъ эксплоатируются исключительно первоначальныя естественныя производительныя силы почвы) и преобладаніе зерновыхъ хлѣбовъ,—иначе сказать, такого рода культуръ, которыя требуютъ сравнительно небольшихъ, на данную площадь, затратъ труда или капитала, но въ то-же время даютъ и сравнительно невысокій валовой и чистый доходъ. Каждое изъ этихъ обстоятельствъ порознь и оба они въ совокупности приводятъ къ тому, что поселенцы не желаютъ и не могутъ довольствоваться тѣми пространствами земли, которыя отведены имъ въ надѣльное пользованіе. Преобладаніе сравнительно малоцѣнныхъ и малодоходныхъ

культуръ при достигнутой ими, въ массѣ, высокой зажиточности, побуждаетъ ихъ стремиться къ увеличенію своего дохода и къ утилизаціи своего капитала посредствомъ соотвѣтствующаго расширенія площади запашки; а безнавозное, въ видѣ правила, хозяйство, вызывая болѣе или менѣе быстрое и болѣе или менѣе рѣзкое— смотря по степени естественнаго плодородія—истощеніе надѣльныхъ пашенъ и сокращеніе ихъ производительности, заставляетъ ихъ распахивать все новыя и новыя земли, либо чтобы дать отдыхъ слишкомъ уже истощеннымъ надѣльнымъ пашнямъ, либо чтобы наряду съ этими послѣдними получить въ свое распоряженіе еще не паханныя или по крайней мѣрѣ—не истощенныя земли и такимъ образомъ повысить общую валовую доходность своего хозяйства. Наконецъ, въ самые послѣдніе годы явилась еще особая причина, заставляющая крестьянъ стремиться къ эксплоатаціи земель, лежащихъ внѣ границъ отведенныхъ имъ надѣловъ: это именно нашествіе саранчи, которая распространилась или обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ распространиться на всю ту предгорную полосу, въ которой расположены русскіе поселки, и пока еще совершенно не заходитъ въ лежащія нѣсколько выше, по склонамъ горъ и по горнымъ долинамъ, притомъ, повидимому, весьма плодородныя по почвѣ мѣстности; изъ-за этого каждый крестьянинъ старается часть своихъ посѣвовъ дѣлать гдѣ-нибудь въ горахъ, чтобы хоть отчасти обезопасить себя отъ саранчи (особенно опасной для крестьянъ при преобладаніи у нихъ, пока, раннихъ яровыхъ посѣвовъ).

Вся совокупность изложенныхъ условій заставляетъ сыръ-дарьинскихъ поселенцевъ, не смотря на огромные, по сравненію съ осѣдлыми туземцами, размѣры отведенныхъ имъ надѣловъ [1]), во что бы то на стало стремиться къ расширенію своего землепользованія, въ той или иной формѣ, за предѣлы своей надѣльной земли. Выраженіемъ этого стремленія являются прежде всего постоянныя жалобы на недостаточность земельныхъ надѣловъ и просьбы о прирѣзкахъ. Вотъ, напримѣръ, поселокъ Антоновскій, Чимкентскаго уѣзда,—въ немъ всего 26 приписныхъ дворовъ, полу-

---

[1]) Крестьянамъ отведено: въ Ташкентскомъ у., на 817 сем., 21,525 дес; въ Чимкентскомъ на 965 сем. 34,004 дес., въ Аульеатинскомъ на 1,393 сем. 48,324 дес., что составляетъ на семью; въ первомъ 26, во второмъ 35,2, въ третьемъ 34,7 дес Осѣдлые туземцы въ 3-хъ у. Ферганской области получили, на 91,125 отдѣльныхъ владѣльцевъ, 466,860 дес. или въ среднемъ по 5,1 дес.

чившихъ въ надѣлъ 583 дес. земли или по 22,4 дес. на дворъ, причемъ надѣлъ антоновцевъ, по свидѣтельству г. Гейера, долженъ быть отнесенъ къ лучшимъ по качеству, съ урожаями не падающими ниже самъ—9,5. И тѣмъ не менѣе, уже въ 1891 году, т. е. черезъ 4 года по возникновеніи поселка, «былъ поднятъ вопросъ о новой прирѣзкѣ земли для пашенъ, такъ какъ отведенный въ началѣ надѣлъ уже не удовлетворяетъ крестьянъ, и нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось отдѣлить своихъ старшихъ сыновей въ село Высокое» [1]).

Наряду съ этими мечтаніями объ увеличеніи надѣла, мотивируемыми по большей части приростомъ населенія,—стремленіе къ расширенію своего землепользованія за предѣлы отведенныхъ надѣловъ находитъ себѣ и реальное выраженіе въ крайне развившемся, въ послѣдніе годы арендованіи киргизскихъ земель. Еще сравнительно недавно этого явленія не существовало, или во всякомъ случаѣ арендованіе практиковалось лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Г. Гейеръ, обслѣдовавшій поселки въ началѣ 90-хъ годовъ, останавливается на вопросѣ объ арендѣ только въ описаніи поселка Покровскаго, Аульеатинскаго уѣзда,—и самое изложеніе посвященныхъ арендѣ строкъ показываетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о явленіи мало распространенномъ и для самого автора болѣе или менѣе неожиданномъ. «Низкія качества полей покровцевъ, говоритъ онъ, обусловливаются одною причиною — сравнительно неглубокимъ агрикультурнымъ слоемъ ихъ надѣла, при безвыходномъ положеніи необходимости работать безъ отдыха на одномъ и томъ-же клочкѣ земли. Покровцы, продолжаетъ г. Гейеръ, нашли выходъ изъ такого положенія: для отдыха своимъ полямъ они стали арендовать землю у киргизовъ». Очень мало распространена была аренда и 5—6 годами позже, въ эпоху обслѣдованія г. Половцова. «Аренда киргизскихъ земель—говоритъ послѣдній [3])—въ большинствѣ чимкентскихъ поселковъ не практикуется; немногіе крестьяне сѣютъ на киргизской землѣ исполу, а также изъ третьей и четвертой части; выгоновъ также не арендуютъ,—только овецъ отдаютъ киргизамъ на выпаску». Въ Аульеатинскомъ уѣздѣ «аренда земель мало распространена и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вовсе не производится; въ другихъ арендуются небольшіе

[1]) Назв. соч., стр. 305.
[2]) Стр. 299—300.
[3]) Отчетъ, стр 150, 163, 175.

клочки цѣлины подъ просо, а также пшеничныя поля изъ половинной или изъ третьей части. Только въ Карабалтахъ и въ Орловѣ арендуютъ за деньги, платя по 2—3 рубля за десятину (4.000 саж.)». Наконецъ, въ Ташкентскомъ уѣздѣ «землю гораздо чаще сдаютъ, чѣмъ снимаютъ (что обусловливается своеобразнымъ подборомъ населенія и особенностями всего вообще экономическаго склада этихъ поселковъ); только въ Троицкомъ и Солдатскомъ нѣкоторые крестьяне арендуютъ киргизскую землю, платя за нее отъ 2 до 3 рублей за десятину». Столь малое развитіе арендъ г. Половцовъ объясняетъ затруднительностью арендованія, «въ виду повсемѣстнаго нежеланія киргизовъ сдавать свои земли», обусловливаемаго у однихъ стѣсненіемъ землевладѣнія киргизъ уже произведенными отрѣзками, у другихъ—опасеніемъ, что это можетъ повести къ отрѣзкамъ подъ новые поселки,—а также вслѣдствіе несочувственнаго отношенія къ арендѣ со стороны мѣстной администраціи [1]). Въ настоящее время, напротивъ, аренда, за исключеніемъ, можетъ быть, пригородныхъ поселковъ Ташкентскаго уѣзда, чрезвычайно распространена. Я не располагаю какими-либо оффиціальными данными о размѣрахъ арендованія,—да такихъ данныхъ и не можетъ быть, такъ какъ, за отсутствіемъ въ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края статьи, разрѣшающей сдачу киргизскихъ земель въ аренду, всѣ арендныя сдѣлки являются нелегальными и происходятъ, оффиціально, безъ вѣдома администраціи. Я не имѣю также и исчерпывающихъ разспросныхъ данныхъ,—а располагаю только нѣсколькими отдѣльными показаніями, которыя, въ виду ихъ характерности, и позволю себѣ привести:

Пос *Константиновскій* (Ташк. у.). Запашки у многихъ очень велики—до 50—60 дес.; такіе арендуютъ у киргизъ, плата по 2—3 и до 5 р. за десятину неполивной земли, арендуютъ и у монастыря по 2 р. 50 к.

Пос. *Георгіевскій* (Чимк. у.). Крестьяне арендуютъ у киргизъ и поливную, и въ особенности богарную землю. За поливную платятъ по 3 р. и болѣе, за богарную, смотря по близости и почвѣ,—6, 5, 3, 2 р. и дешевле; при этомъ землю «мѣрятъ кой-какъ»—снимаютъ, напримѣръ, 9 десятинъ, а оказывается въ дѣйствительности 13 дес. Цѣны очень поднялись въ послѣдніе годы въ виду наплыва арендаторовъ изъ мѣстностей, посѣщаемыхъ саранчою. Богатые крестьяне «берутъ землю за процентъ»,—зимой даютъ киргизамъ хлѣбъ и за это берутъ, въ видѣ роста, землю. Вообще арендуютъ помногу. О размѣрахъ арендъ георгіевскихъ поселенцевъ и въ частности—

[1]) Стр. 150.

арендъ съ задачей денегъ впередъ можетъ дать понятіе тотъ фактъ, что за непродолжительное время существованія полека у состоятельныхъ георгіевскихъ крестьянъ пропало за киргизами болѣе тысячи рублей денегъ, заданныхъ впередъ подъ сдачу земли.

Пос. *Петропавловскій* (того-же у.). Не считая отдѣльныхъ случаевъ единичныхъ арендъ, артель изъ 11 хозяевъ сняла у киргизъ, по смежности, до 150 батмановъ (около 225 сороковыхъ десятинъ орошенной земли, вмѣстѣ съ правомъ на воду, на три года, за 1 000 рублей. Въ той-же мѣстности (киргизская Бадановская волость), со времени появленія саранчи, арендуютъ крестьяне изъ всѣхъ степныхъ поселковъ Чимкентскаго уѣзда; на одномъ урочищѣ Майбулакъ ими снято до 500 десятинъ; большое урочище Каскасу также почти сплошь занято арендаторами-русскими; киргизы рѣшили, что имъ выгоднѣе сдавать цѣлины русскимъ, нежели распахивать самимъ, такъ какъ ихъ омачи, весьма пригодные для разработки старыхъ мягкихъ земель, мало приспособлены для распашки цѣлинъ.

Пос. *Антоновскій* (того-же у.). Киргизы «сдаютъ землю скрозь»,—но по большей части на одинъ хлѣбъ, слѣдующій же хлѣбъ, «поковырявши омачомъ», сѣютъ сами; если же сдаютъ подъ второй посѣвъ, то берутъ рублей по 5 за десятину. Многіе изъ киргизъ сдаютъ однако землю и постоянно Такіе берутъ за ближнюю поливную землю по 3—4 р. за десятину или же сдаютъ изъ трети на такихъ условіяхъ: киргизъ поливаетъ и жнетъ, арендаторъ-крестьянинъ пашетъ и засѣваетъ своими сѣменами, — изъ урожая треть идетъ киргизу, остальное—арендатору.

Пос. *Ванновскій* (того-же у.). У киргизъ арендуютъ массу земли—каждый сѣетъ на арендованной землѣ не менѣе, чѣмъ на надѣльной, а богатые арендуютъ по 30, 40, 50 десятинъ. Плата за ближнія поливныя земли достигаетъ 8 рублей за «батманъ» (=2 сороковымъ десятинамъ).

Пос. *Высокій* (того-же у.). Арендуютъ земли у киргизъ очень много, какъ по близости селенія, такъ и въ особенности верстъ 10—15 дальше въ горы, поливную и богарную.

Пос. *Головачевскій.* (Ауліеат. у). Надѣльныя пашни совершенно выпахались,—большинство почти не пашетъ ихъ, а арендуетъ у киргизъ, за деньги по 2—3 р. за десятину, главнымъ же образомъ изъ половины или изъ третьей части урожая. Арендуютъ помногу—нѣкоторые до 20—30 десятинъ.

Пос. *Ключевской* (того-же у.). Арендуютъ болѣе или менѣе всѣ—развѣ у кого много дѣтей (и слѣдовательно—земля получена на много душъ), а силы мало. Арендуютъ либо исполу, либо за деньги, по 2—3 р. за батманъ.

Меннонитскій пос. *Романовка* (того-же у.): землю арендуютъ болѣе или менѣе всѣ, по большей части исполу, на указанныхъ выше условіяхъ.

Меннонитскій поселокъ *Орловъ* (того-же у.). Аренды крестьянъ, русскихъ и нѣмцевъ, раскинулись кругомъ повсемѣстно—haben alles Land ausgesogen! Въ частности, орловскіе нѣмцы арендуютъ земли очень помногу. Прежде арендовали за деньги, по 5—6 рублей за батманъ; теперь киргизы за деньги сдаютъ неохотно, а больше исполу; притомъ въ самые послѣдніе

годы киргизы отказываются жать, а сдаютъ преимущественно подъ условіемъ раздѣла урожая на корню. Благодаря развитію испольщины, многіе киргизы, раньше сами пахавшіе, теперь совершенно перестали пахать, а питаются исключительно испольнымъ хлѣбомъ.

На основаніи приведенныхъ показаній, вполнѣ подтверждаемыхъ сообщеніями тѣхъ представителей уѣздной администраціи и податной инспекціи, съ которыми я имѣлъ случай видѣться во время моей экскурсіи по Сыръ-Дарьинской области, вполнѣ возможно утверждать, что арендованіе земель пріобрѣло для водворившихся въ области крестьянъ весьма важное значеніе. Едвали будетъ ошибкою сказать, что благосостояніе если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ поселковъ, въ настоящее время зиждется не столько на надѣльной землѣ, сколько на арендѣ,— и значеніе этой послѣдней еще увеличивается благодаря ряду такихъ обстоятельствъ, какъ сравнительная свѣжесть арендуемыхъ земель, особая пригодность ихъ для посѣвовъ подъ дождь, а въ самые послѣдніе годы — безопасность производимыхъ на арендныхъ земляхъ посѣвовъ отъ нашествія саранчи. Какое важное значеніе имѣетъ это послѣднее обстоятельство, видно хотябы изъ того обстоятельства, что въ 1903 году одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ счелъ себя обязаннымъ взять на себя иниціативу въ устройствѣ аренды земли въ горной полосѣ для одного изъ особенно пострадавшихъ отъ саранчи поселковъ, чтобы этимъ способомъ обезпечить крестьянамъ хоть нѣкоторый урожай и предотвратить наступленіе продовольственныхъ затрудненій.

Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ малоземельѣ, какъ причинѣ, обусловливающей арендованіе крестьянами киргизскихъ земель,—средній размѣръ крестьянскаго землевладѣнія въ 4—5 разъ превышаетъ средній размѣръ землевладѣнія осѣдлыхъ туземцевъ и, конечно, при существующемъ у этихъ послѣднихъ хозяйствѣ былъ-бы болѣе нежели достаточенъ, чтобы обезпечить крестьянамъ высокое благосостояніе. *Арендованіе—результатъ экстенсивности хозяйства русскихъ поселенцевъ*, выражающейся какъ въ почти исключительномъ преобладаніи зерновыхъ хлѣбовъ, такъ и въ отсутствіи, за немногими исключеніями, навознаго или иного удобренія. Но какъ бы то ни было— при существующемъ положеніи дѣлъ арендованіе киргизскихъ земель является весьма серьезнымъ факторомъ въ хозяйствѣ сыръ-дарьинскихъ поселенцевъ, — и я вполнѣ раздѣляю высказываемую нѣ-

которыми изъ представителей мѣстной администраціи увѣренность въ томъ, что закрытіе возможности арендовать киргизскую землю повело бы за собой выселеніе изъ края значительной части русскихъ поселенцевъ — въ томъ числѣ и такихъ, которые при нынѣ существующихъ условіяхъ представляютъ собою достаточно прочный и надежный элементъ населенія поселковъ.

«Билетные».

Особую группу арендаторовъ киргизскихъ земель составляютъ такъ называемые «билетные», — т. е. переселенцы, прибывшіе изъ Европейской Россіи уже по окончательномъ заселеніи существующихъ поселковъ и проживающіе въ нихъ, по большей части, безъ причисленія, въ ожиданіи случая получить прочное устройство. Объ общемъ количествѣ такого рода поселенцевъ, которые составятъ, очевидно, ближайшій контингентъ для водворенія на имѣющихъ быть заготовленными въ краѣ переселенческихъ участкахъ, я также не имѣю полныхъ оффиціальныхъ данныхъ, и могу привести лишь записанныя мною отрывочныя показанія, способныя дать приблизительное представленіе о количествѣ лицъ, которыя будутъ подлежать устройству на первую очередь. Такъ, въ поселкѣ Георгіевскомъ, при 120 приписныхъ дворахъ, «билетныхъ» проживаетъ до 75 семействъ. Въ Антоновкѣ, при 26 приписныхъ, 16 семей билетныхъ. Въ большомъ поселкѣ Ванновскомъ количество билетныхъ приблизительно равно количеству приписного населенія. Въ Ключевскомъ поселкѣ билетныхъ имѣется до 15 дворовъ. Въ Александровскомъ ихъ немногимъ меньше, нежели приписного населенія. Сравнительно мало билетныхъ, изъ всѣхъ тѣхъ поселковъ, для которыхъ у меня имѣются замѣтки по разсматриваемому вопросу, оказалось только въ поселкѣ Бурномъ, Ауліеатинскаго уѣзда: здѣсь именно, при 60 дворахъ приписного населенія, оказалось всего 6 семей билетныхъ. Наконецъ, много билетныхъ, ожидающихъ устройства, имѣется въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ поселковъ: переселенцы-нѣмцы хлопотали о разрѣшеніи имъ устроить новый отдѣльный поселокъ на мѣстѣ бывшаго поселка Духовского, прекратившаго свое существованіе въ виду неудовлетворительности условій орошенія,—причемъ изъявляли готовность обходиться безъ оросительной воды; въ ходатайствѣ этомъ имъ было однако отказано, повидимому въ виду того, что администрація сомнѣвалась въ возможности разсчитывать на прочное устройство безъ искусственнаго орошенія. Въ настоящее время до 50 семей изъ числа этихъ нѣмцевъ проживаетъ безъ приписки въ нѣмецкомъ поселкѣ Константинов-

скомъ, Ташкентскаго уѣзда, и 34 семьи — въ полуменнонитскомъ поселкѣ Орловъ, Ауліеатинскаго уѣзда.

Положеніе «билетныхъ» въ настоящее время, повидимому, очень ненормальное, такъ какъ общества приписныхъ поселенцевъ, считая и себя стѣсненными въ землѣ, не только не желаютъ принимать ихъ въ свою среду и допускать къ участію въ пользованіи надѣльною землею, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергаютъ ихъ разнымъ притѣсненіямъ съ завѣдомою цѣлью—заставить ихъ уйти куда-нибудь въ другое мѣсто. Такъ, напримѣръ, въ поселкѣ Антоновскомъ «билетные» по распоряженію администраціи получили мѣста для устройства усадебъ, взамѣнъ чего привлечены къ участію въ платежѣ мірскихъ и земскихъ сборовъ. Тѣмъ не менѣе приписные всячески «дуютъ и выживаютъ» этихъ позднѣйшихъ поселенцевъ: за право пользованія водою для усадебъ берутъ по 3 рубля съ дома; требуютъ плату за скотъ, по 3 рубля съ головы, хотя скотъ «билетныхъ» пасется не на крестьянскомъ выгонѣ, а на сосѣдней киргизской общей лѣтовкѣ (безплатно); въ нынѣшнемъ 1903 году «новенькіе» рѣшительно отказались платить за скотъ—на будущій же годъ коренные жители поселка грозятъ окончательно прогнать ихъ изъ поселка. Въ поселкѣ Ванновскомъ, по сообщенію мѣстнаго священника о. Өивейскаго, общество «просто мучитъ» билетныхъ, «дышать имъ не даетъ»: за каждую голову скота, хотя бы она не выпускалась на выгонъ, а кормилась въ хлѣву, купленнымъ кормомъ, берутъ по 3 рубля; сверхъ того берутъ по 6 рублей за право проживанія, хотя всѣ билетные живутъ не на отдѣльныхъ усадебныхъ мѣстахъ, а по квартирамъ у приписныхъ. Вообще «мужикъ мужика не жалѣетъ»... Въ особенности, по свидѣтельству священника, старожилы недовольны «билетными» потому, что они, арендуя поливныя пашни у киргизъ и, слѣдовательно, будучи заинтересованы въ достаточномъ ихъ поливѣ, не даютъ приписнымъ крестьянамъ похищать слѣдующую на долю киргизъ воду. Тѣмъ не менѣе, «билетнымъ», благодаря возможности арендовать сколько угодно земли у киргизъ, живется не худо,—и они терпѣливо ждутъ возможности гдѣ-либо окончательно устроиться; — съ непріятностями, которыя имъ причиняютъ приписные, и съ сравнительною дороговизною, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, арендной земли они охотно мирятся, утѣшая себя тѣмъ, что на родинѣ приходилось платить за землю еще гораздо дороже и претерпѣвать гораздо большее «утѣсненіе».

Самовольные поселки.

Мѣстами неприписанные переселенцы успѣли уже образовать и отдѣльные поселки, частью на арендованной, частью—и на купленной землѣ. На послѣдняго рода основаніяхъ возникъ, напримѣръ, года три тому назадъ поселокъ Петропавловскій, Чимкентскаго уѣзда. Въ поселкѣ этомъ до 46 дворовъ, большинство изъ нихъ—выходцы изъ двухъ селеній Харьковской губерніи. До переселенія посылали ходоковъ, которые прожили въ краѣ годъ, выбрали мѣсто и затѣмъ уже вызвали остальныхъ. Земля была сначала заарендована на 30 лѣтъ у сартовъ кишлака Карамурта,—но затѣмъ сарты предложили крестьянамъ купить у нихъ землю «на вѣчность»,—главнымъ образомъ потому, что изъ-за этой земли у нихъ происходили постоянные споры съ сосѣдними киргизами; при покупкѣ крестьяне заплатили всего по 65 рублей за пай, въ паю же оказалось до 20 десятинъ поливной земли и сверхъ того—довольно значительное количество оставшейся необмѣренною неполивной. Сверхъ купленной земли, несмотря на недавнее водвореніе, уже арендуютъ, какъ выше упомянуто, очень много земли у окрестныхъ киргизъ. Затѣмъ, неподалеку отъ Ванновскаго, недавно возникъ поселокъ Балыкчинскій—17 дворовъ выходцевъ изъ Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, первоначально жившихъ въ одномъ изъ поселковъ Перовскаго уѣзда. Поселокъ этотъ основался на участкѣ, который былъ заарендованъ однимъ крестьяниномъ на 30 лѣтъ у киргизъ, а затѣмъ перепроданъ арендаторомъ «на вѣчность» балыкчинцамъ; на этомъ участкѣ, однако, балыкчинцы имѣютъ только усадьбы и пріусадебныя земли,—пашутъ же исключительно земли, арендуемыя каждымъ поодиночкѣ у киргизъ. Объ образованіи поселка на подобныхъ-же или сходныхъ основаніяхъ подумываютъ и «новенькіе», проживающіе въ поселкѣ Антоновскомъ: они намѣтили себѣ мѣстность въ горахъ, неподалеку отъ поселковъ Георгіевскаго и Петропавловскаго; здѣсь нѣкто Котунъ-бекъ, владѣющій площадью до 10 тыс. десятинъ въ спорѣ съ другимъ богачемъ-киргизомъ, предлагаетъ продать имъ часть этой площади подъ устройство поселка, причемъ предлагаетъ безплатно устроить полпвъ. Наконецъ самое крупное поселеніе этого типа—это поселокъ Карымбаевка (по имени киргиза Карымбая, на землѣ котораго начали селиться переселенцы), возникшій на восточной окраинѣ Ауліэатинскаго уѣзда, у самой границы надѣла поселка Карабалтинскаго. Переселенцы селились здѣсь одинъ за другимъ, покупая у киргизъ землю подъ устройство усадебъ, по 3 р.—3 р. 50 к. за каждую, и арендуя затѣмъ у кир-

гизъ, каждый по отдѣльности, землю подъ посѣвы хлѣбовъ. Въ настоящее время здѣсь водворилось уже до 100 дворовъ,—и лѣтомъ 1903 года киргизы, собранные на сходъ уѣзднымъ начальникомъ, согласились безплатно уступить имъ 500 десятинъ земли, считая на каждый дворъ по 2½ десятины пахатной и столько-же—сѣнокосной земли.

Чтобы покончить затѣмъ съ вопросомъ объ арендномъ и т. п. пользованіи киргизскими землями,—необходимо упомянуть еще объ одномъ очень характерномъ фактѣ, могущемъ служить нѣкоторымъ показателемъ выгодности сельскаго хозяйства при существующихъ въ Сыръ-Дарьинской области условіяхъ природы, сельско-хозяйственной техники и сбыта продуктовъ: это именно хотя и не слишкомъ частые, но, повидимому, и не единичные, случаи, когда крестьяне, обладающіе нѣкоторыми средствами, пріѣзжаютъ изъ Европейской Россіи на лѣто, снимаютъ землю у киргизъ, обрабатываютъ ее наемными руками и затѣмъ, снявъ урожай и выручивъ за лѣто нѣсколько сотенъ рублей чистаго барыша, осенью уѣзжаютъ обратно на родину съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій годъ опять пріѣхать и повторить ту-же операцію.

Глава вторая.

Земельные и водные запасы края.

По господствующему взгляду, колонизація Туркестанскаго края должна всецѣло основываться, какъ основывается благосостояніе туземнаго земледѣльческаго и полуземледѣльческаго населенія, на хозяйствѣ съ искусственнымъ орошеніемъ полей. «Почти весь строй сельскаго хозяйства Сыръ-Дарьинской области—говоритъ напримѣръ составитель «Путеводителя по Туркестану», многократно уже цитированный г. Гейеръ,—опирается на искусственное орошеніе, и только землепашецъ, культивирующій хлѣбъ на взгорьяхъ, ведетъ свой разсчетъ въ упованіи на выпаденіе весеннихъ и лѣтнихъ дождей, которыхъ въ знойной долинѣ въ теченіе іюня, іюля и августа мѣсяца почти никогда не бываетъ. Такимъ образомъ основою мѣстной агрикультуры является ирригація, отъ степени развитія которой зависитъ богатство населенія» [1]). Но если богатство и самая численность туземнаго населенія края зависитъ отъ степени развитія существующей ирригаціи,—то возможность увеличенія населенія края пришлымъ русскимъ элементовъ зависитъ, конечно, прежде всего отъ возможности расширенія существующей ирригаціонной сѣти и обращенія подъ культуру съ искусственнымъ орошеніемъ новыхъ, нынѣ не разработываемыхъ земель. Возможность расширенія площади орошаемыхъ земель зависитъ отъ двухъ основныхъ условій: *наличности земель*, которыя по своимъ почвеннымъ условіямъ были бы пригодны для культуры вообще и для ирригаціоннаго хозяйства въ частности,—и *наличности свободной воды*, которая могла-бы быть еще использована для надобностей сельскохозяйственной культуры края.

Первое изъ этихъ двухъ условій несомнѣнно имѣется въ наличности,—и сколь благопріятно бы ни разрѣшился вопросъ о сво- Неудобныя пространства.

[1]) Стр 181.

бодныхъ запасахъ оросительной воды, во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что общее количество пригодныхъ для ирригаціоннаго хозяйства земель будетъ несравненно больше, нежели сколько можно будетъ оросить насчетъ имѣющихся запасовъ могущей быть использованною для цѣлей орошенія воды [1]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что очень значительная часть площади Туркестанскаго края должна быть признана абсолютно непригодною, не только въ настоящее время, но и въ будущемъ, поскольку таковое поддается человѣческому предвидѣнію, для русской колонизаціи и вообще—для осѣдлой земледѣльческой жизни [2]). Это, прежде всего, обширные высокогорные районы, располагающіеся главнымъ образомъ въ южной и юго-восточной частяхъ Туркестана и лежащіе частью выше предѣльной высоты, на которой, при данныхъ широтныхъ условіяхъ, возможно разведеніе культурныхъ растеній, частью же хотя и лежащія ниже этой предѣльной высоты, но по крутизнѣ склона, отсутствію или недостаточной вывѣтренности почвеннаго слоя и т. п. условіямъ не представляющія условій, благопріятныхъ для развитія земледѣльческой культуры. Затѣмъ, по преимуществу въ предѣлахъ областей Закаспійской, Сыръ-Дарьинской и частью Самаркандской, къ этой-же категоріи относятся необъятныя пространства песковъ, которые, отнюдь не будучи совершенно безплодными и имѣя, напротивъ, чрезвычайно важное значеніе для чисто-кочевого скотоводства,—однако либо и сейчасъ совершенно непригодны для посѣва хлѣбовъ, либо не могутъ быть предоставляемы подъ распашку въ виду опасности перехода закрѣпленныхъ дикою растительностью площадей въ сыпучее состояніе [3]). Въ частности, въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области, относительно которой мною только и собирались болѣе подробныя свѣдѣнія, необъятныя пространства песковъ Кызылъ-Кумъ занимаютъ бо́льшую часть лѣвобережья Сыръ-Дарьи [4]), лишь на не особенно значительное разстояніе отступая отъ русла этой рѣки и заполняя широкую полосу, охватывающую западный конецъ Чим-

---

[1]) См у Петрова, назв соч, стр. 37.

[2]) По словамъ Н. А Дингельштедта «степи и песчаныя пустыни занимаютъ 4/5 всей территоріи Сыръ-Дарьинской области» (т. I, стр. 23); въ общихъ по всему краю итогахъ, по подсчету того-же автора (стр. 171) «на всю площадь края приходится воздѣлываемой земли 4,58%, пастбищной 38,98% и безплодной 56,44%»; въ частности, по Сыръ-Дарьинской области пустыни занимаютъ 57,31% площади.

[3]) Петровъ, назв. соч, стр. 11.

[4]) См. тамъ-же, стр. 9.

кентскаго и юго-западныя части Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Песками-же, продолженіемъ тургайскихъ Кара-Кумовъ, заняты сѣверо-восточныя окраины двухъ послѣднихъ уѣздовъ, прилегающія къ границѣ Тургайскаго и частью—Иргизскаго уѣздовъ, а обширные пески Муюнъ-Кумъ занимаютъ сѣверную часть Аульегинскаго уѣзда, между рр. Чу и Таласомъ, западною окраиною своею заходя въ сѣверный уголъ Чимкентскаго уѣзда. Не меньшую часть общей площади занимаютъ пески также и въ Самаркандской области, и еще гораздо бо́льшую—въ Закаспійской. И тѣмъ не менѣе, въ предѣлахъ каждой изъ этихъ областей, несомнѣнно, есть еще весьма обширныя площади вполнѣ пригодныхъ для ирригаціоннаго хозяйства земель, которыя либо рано или поздно будутъ орошены неиспользованными до сихъ поръ водными запасами края, либо навсегда останутся внѣ сферы поливной культуры, за совершенною невозможностью найти необходимую для ихъ орошенія воду [1]). Таковы прежде всего, если говорить сначала о всемъ вообще Туркестанскомъ краѣ, всѣ предгорья и котловины между горами, а также рѣчныя долины. «Здѣсь—по словамъ автора статьи о Туркестанѣ въ энциклопедическомъ словарѣ, кн. В. М. [2]),—залегаютъ наиболѣе цѣнныя почвы края—знаменитый по своему плодородію лессъ и лессовидныя глины. Лессъ, опоясывая широкою лентой всѣ горныя области [3]) и достигая мѣстами огромной мощности, составляетъ главнѣйшее богатство Туркестана... То-же почти значеніе имѣютъ лессовидныя глины и вообще рѣчныя отложенія, развитыя мѣстами у подошвы горъ (напр. въ Закаспійской области, у подошвы Копетъ-Дага) и по долинамъ рѣкъ. Отложенія эти, при соотвѣтствующей культурѣ, не уступаютъ по плодородію лессу и питаютъ богатые и плодородные оазисы...» Однако предгорьями, горными котловинами и рѣчными долины отнюдь не исчерпываются еще почвенныя богатства Туркестанскаго края. Такія-же богатства представляютъ собой и столь безотрадныя на видъ «степи-пустыни», занимающія необъятныя пространства въ разныхъ частяхъ Туркестанской низменности—достаточно назвать напр. возвышенность Усть-Уртъ въ сѣверной части Закаспійской области, Голодную

Общій обзоръ удобныхъ пространствъ.

---

[1]) И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ, я пока вовсе не касаюсь вопроса о томъ, могутъ ли эти земли быть признаны излишними для туземнаго населенія.

[2]) Полут 67, стр 176, 178.

[3]) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ общемъ распредѣленіи лесса въ краѣ см. у Мушкетова, назв. соч., стр. 24—25

Степь между Джизакомъ и Сыръ-Дарьей и т. п. «Почва этого рода степей-пустынь, состоящая въ нѣкоторыхъ (и даже, повидимому, въ очень многихъ. А. К.) мѣстностяхъ изъ лессовидныхъ глинъ или даже изъ лесса, и подчасъ не имѣющая избытка солей, вполнѣ пригодна,—по свидѣтельству того-же автора,—для культуры при искусственномъ орошеніи»; мало того, какъ подробно описано, между прочимъ, въ работѣ г. Шкапскаго о сельскомъ хозяйствѣ въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ [1]), даже рѣзко выраженная солонцеватость не препятствуетъ туземцамъ обращать подобнаго рода земли подъ культуру, разъ только имѣется налицо вода для орошенія и вымачиванія почвы, освобождающаго поверхностный слой отъ соли. Но бѣда въ томъ, что «лишь очень немного такихъ земель находится въ условіяхъ, при которыхъ орошеніе возможно»,—и, оставаясь опять таки въ предѣлахъ возможнаго въ настоящее время предвидѣнія, приходится признать, что «огромное большинство степей-пустынь, лежащихъ внѣ рѣчныхъ долинъ и вдали отъ горныхъ цѣпей края, вслѣдствіе отсутствія воцы навсегда останется пригоднымъ лишь для пастушескаго хозяйства».

Чтобы составить себѣ представленіе о томъ, какъ ничтожна та часть культуроспособной—при условіи искусственнаго орошенія—земли, которая дѣйствительно обращена подъ сельскохозяйственную культуру, и насколько могла-бы быть увеличена площадь ирригаціонной культуры, если-бы нашлась и была выведена необходимая вода для орошенія, — достаточно проѣхать по Средне-Азіатской желѣзной дорогѣ черезъ Закаспійскую и частью Самаркандскую области. Въ предѣлахъ первой и въ особенности по ея западной части дорога идетъ по сплошной лессовой пустынѣ, среди которой лишь изрѣдка попадаются совсѣмъ ничтожныя, по сравненію съ общимъ пространствомъ, пятна обработанныхъ или обрабатывавшихся ранѣе земель, которыя по почвѣ и характеру дикой растительности (на заброшенныхъ земляхъ) ничѣмъ не отличаются отъ окружающей необъятной пустыни. Отъ Кызылъ-Арвата до Мерва, а затѣмъ отъ Катты-Кургана до Джизака, дорога пересѣкаетъ рядъ болѣе обширныхъ оазисовъ или проходитъ то неподалеку отъ нихъ, то по самой ихъ окраинѣ. Но и здѣсь оазисы тянутся лишь болѣе или менѣе узкими полосами, по обѣ стороны которыхъ разстилаются все такія-же, лишенныя воды, а потому лишенныя

Лессовыя степи.

[1]) Аму-Дарьинскіе Очерки, Ташк. 1900.

и жизни, необъятныя степи-пустыни, упираясь въ одну сторону— въ подошву горъ, въ другую—теряясь въ туманной дали. Относительно Ферганской области можно сослаться на свидѣтельство такого компетентнаго изслѣдователя, какъ покойный академикъ Коржинскій. «Собственно въ Ферганской долинѣ,—говоритъ покойный ученый [1])—населеніе столь густо, что переселеніе туда русскихъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ рѣшительно невозможно, за исключеніемъ развѣ того случая, если будутъ предприняты крупныя ирригаціонныя работы, которыя позволятъ орошать мѣстности, бывшія до сихъ поръ необработанными. Но на предгорьяхъ восточной окраины Ферганы можетъ помѣститься многочисленное населеніе, которое найдетъ здѣсь самыя благопріятныя для жизни и для развитія сельскаго хозяйства условія. Ибо здѣсь, на высотѣ 4—6000 футовъ, уже не бываетъ такого убійственнаго зноя, какъ въ равнинѣ, но климатъ достаточно тепелъ для того, чтобы удавались дыни и арбузы на бахчахъ и кукуруза на поляхъ, не говоря уже о сельскохозяйственныхъ растеніяхъ умѣреннаго климата. Въ странѣ, гдѣ растутъ дико виноградъ и грецкій орѣхъ, безъ сомнѣнія, можетъ процвѣтать плодоводство. Здѣсь выпадаетъ достаточно атмосферныхъ осадковъ для густой и рослой травы, покрывающей всѣ холмы и образующей превосходные сѣнокосы. Пшеница и ячмень отлично родятся безъ поливки, а многочисленные рѣки и ручьи позволяютъ устроить и искусственное орошеніе для полей. Однимъ словомъ, трудно себѣ представить, заключаетъ С. И. Коржинскій, болѣе выгодное сочетаніе условій, благопріятныхъ для развитія сельскаго хозяйства». Общія указанія относительно колонизаціонной пригодности Семирѣчинской области можно найти еще въ изданномъ Военно-Ученымъ Комитетомъ проектѣ всеподданнѣйшаго отчета перваго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, Генералъ-Адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана 1-го, за 14 лѣтъ его управленія краемъ. «За исключеніемъ верховьевъ р. Лепсы и высокихъ долинъ юга Нарынскаго края, говорится между прочимъ въ этомъ отчетѣ, въ Семирѣченской области нѣтъ земель, которыя были бы удобны для земледѣлія безъ искусственнаго орошенія; зато при проведеніи арыковъ всѣ земли, лежащія у подножья горъ, дѣлаются удобными или для хлѣбопашества, или для сѣнокошенія» [2]). «Плодородныя долины Семирѣчья,—говорится въ другомъ мѣстѣ

[2]) Назв. соч, стр. 41—42

[1]) Стр. 158.

того же отчета,—и уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, орошаемыя водами Чу, Таласа, Арыса и др. притоковъ Сыра въ его среднемъ теченіи, представляютъ по своей природѣ всѣ необходимыя условія для развитія русской колонизаціи» [1]). Наконецъ, вотъ общее заключеніе относительно Сыръ-Дарьинской области И. И. Гейера, несомнѣнно одного изъ лучшихъ знатоковъ ея, — какъ оно высказано въ его работѣ о крестьянской колонизаціи области. «Громадныя пространства незаселенныхъ земель области, — говоритъ г. Гейеръ [2]), — представляютъ почти неистощимый запасъ почвенной энергіи, такъ какъ по химическому составу своему онѣ принадлежатъ къ разряду плодороднѣйшихъ почвъ». Въ частности, Ташкентскій и часть Чимкентскаго уѣзда обладаютъ мощными залежами лесса, толщина пласта котораго нерѣдко достигаетъ нѣсколькихъ аршинъ: въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ тучный лессъ отчасти замѣняется черноземомъ, обладающимъ тѣми-же драгоцѣнными качествами, — и проявленіе мощной потенціальной силы этихъ почвъ зависитъ исключительно отъ искусственнаго орошенія». Весьма значительна, по заключенію г. Гейера, также и площадь пригодныхъ къ оживленію земель въ уѣздахъ Перовскомъ и Казалинскомъ,—и только по климатическимъ условіямъ оба эти уѣзда во всемъ уступаютъ уѣздамъ Ташкентскому и Чимкентскому.

Болѣе детальныя данныя по Сыръ-Дарьинской области.

Если теперь обратиться къ нѣсколько подробному обзору площадей, пригодныхъ для культуры—опять таки, пока, исключительно съ точки зрѣнія почвенныхъ условій,—и остановиться прежде всего на томъ южномъ, предгорномъ районѣ Чимкентскаго, Ауліеатинскаго и Ташкентскаго уѣздовъ, въ которомъ до сихъ поръ главнымъ образомъ сосредоточивалась русская колонизація области, то не трудно видѣть, что до сихъ поръ еще далеко не выполнена та программа заселенія удобныхъ земель этого района, которая была начертана генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ въ уже цитированномъ его отчетѣ за 14 лѣтъ управленія краемъ. Во время управленія краемъ К. П. фонъ-Кауфмана были обслѣдованы съ колонизаціонными цѣлями мѣстности, располагающіяся въ юго-восточной части Ауліеатинскаго уѣзда. «Отсюда—говоритъ покойный Генералъ-Губернаторъ—дальнѣйшее направленіе крестьянской колонизаціи топографическими и

---

[1]) Стр 15

[2]) Стр 204—205.

природными условіями указывается двумя путями: съ одной стороны, переваливъ Чакпакъ [1]), поселенія русскія могутъ вступить въ предѣлы Чимкентскаго уѣзда и распространиться здѣсь по теченію Арыса и, перейдя затѣмъ въ долину Келеса, протянуться непрерывною линіею до самаго Сыра; съ другой стороны, по заселеніи Карабуринской [2]) долины они могутъ проникнуть въ верхнюю часть Чирчикскаго бассейна и занять привольныя мѣстности Чаткальской долины въ Кураминскомъ (нынѣ Ташкентскомъ) уѣздѣ. И наконецъ въ будущемъ, по мѣрѣ заселенія означенныхъ мѣстностей, колонизаціи русской открыты могутъ быть и за-Дарьинскія мѣстности, на той обширной территоріи, которой орошеніе предпринято съ 1873 года проведеніемъ большого канала въ Чиназо-Джизакской степи». Между тѣмъ, долина Арыса и сейчасъ заселена лишь въ небольшой своей части; долина Чаткала, какъ и всѣ другія горныя долины Таласскаго Алатау (кромѣ долины Сайрамъ-су, притока Бадама), совершенно не начинали заселяться русскими крестьянами,—единственный опытъ поселенія крестьянъ на Чаткалѣ (уже въ предѣлахъ Ферганской области) окончился совершенною неудачею. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, должно быть повидимому отнесено не на счетъ какихъ-либо неблагопріятныхъ для земледѣльческаго хозяйства естественныхъ условій, а на счетъ совершенной изолированности образованнаго было здѣсь русскаго селенія и полнаго бездорожья. Сами-же по себѣ всѣ указанныя К. П. фонъ-Кауфманомъ мѣстности представляютъ, по всей видимости, всѣ удобства для земледѣльческой колонизаціи. «Долина Бадама — писалъ напримѣръ еще И. В. Мушкетовъ въ 1886 году [3]),—съ одной стороны представляетъ собой самый крайній западный притокъ Арыса, а съ другой служитъ юго-западною границею лессовой площади и потому въ разныхъ частяхъ ея соединяются характерныя особенности какъ средины площади, такъ и окраины ея. Лессовая площадь Арыса отличается замѣчательнымъ плодородіемъ и вслѣдствіе этого представляютъ собой одинъ изъ лучшихъ оазисовъ Туркестана. Благодаря обилію воды, плодородію лесса, богатству луговъ и благопріятнымъ климатическимъ условіямъ она питаетъ не только кочевниковъ съ ихъ многочисленными стадами, но и осѣдлыхъ сартовъ, которые устроили обширную ирригацію и образовали нѣсколько богатыхъ

[1]) Гдѣ нынѣ пос. Бурный.
[2]) Карабура—лѣвый притокъ Таласа.
[3]) стр. 407, 426.

селеній во главѣ съ г. Чимкентомъ». Не менѣе благопріятными чертами Мушкетовъ характеризуетъ и Сайрамскую вѣтвь Таласскаго Алатау,—гдѣ «благодаря глинистой почвѣ и главное—многочисленнымъ горнымъ ручьямъ, прорѣзывающимъ предгорья, существуютъ всѣ условія не только для зимовыхъ стойбищъ скота, но и для земледѣлія». Такими-же свойствами, по сообщеніямъ мѣстныхъ дѣятелей (назову напримѣръ г.г. Гейера, Шкапскаго, Ауліеатинскаго уѣзднаго начальника г. Калмакова, бывшаго начальника того-же уѣзда г.-м. Калаура, лѣсничаго г. Прейна, завѣдывающаго государственными имуществами г. Тилло) отличается еще цѣлый рядъ другихъ мѣстностей въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента и къ сѣверо-востоку отъ него, вдоль по Таласскому Алатау; таковы напримѣръ урочище Казыкуртъ, на границѣ Ташкентскаго и Чимкентскаго уѣздовъ—обширное плато со слегка увалистымъ рельефомъ и прекрасною почвой, поросшее характернымъ для хорошихъ предгорныхъ почвъ дикимъ ячменемъ—частью уже эксплоатируемое киргизами для посѣвовъ пшеницы; предгорья Той-Тюбе, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента,—также уже сейчасъ эксплоатируемыя киргизскими посѣвами: урочище Кызылъ-Талъ, на рч. Угамѣ, и долина Чаткала около впаденія въ него Пскема—опять-таки мѣстности, гдѣ уже существуетъ, хотя и въ ничтожныхъ размѣрахъ, земледѣліе, а частью разводится и виноградъ; урочище Каскатау, въ верховьяхъ Бадама, выше пос. Георгіевскаго и другихъ поселковъ Чимкентскаго уѣзда; верхнее теченіе Таласа, выше пос. Дмитріевскаго, Ауліеатинскаго уѣзда,—особенно урочище Еки-Таласъ, гдѣ сливаются истоки названной рѣки; рядъ урочищъ въ юго-восточномъ углу Ауліеатинскаго уѣзда, вблизи поселковъ Лугового и другихъ. Пригодность для земледѣльческой колонизаціи всѣхъ этихъ и, несомнѣнно, многихъ другихъ урочищъ Таласскаго Алатау и Александровскаго хребта можетъ считаться если не безусловно доказанною, то во всякомъ случаѣ вполнѣ вѣроятною какъ въ виду существованія здѣсь земледѣлія у киргизъ, такъ и въ особенности—въ виду усиленнаго, въ послѣдніе годы, стремленія крестьянъ лежащихъ ниже по предгорьямъ и на степи поселковъ арендовать землю въ горныхъ долинахъ, которыхъ почва, по единодушному показанію всѣхъ крестьянъ, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать по этому поводу, не только не хуже, но напротивъ—значительно лучше (или можетъ быть только свѣжѣе?), нежели въ мѣстностяхъ, гдѣ располагаются поселки. Нѣкоторые пункты въ Таласскомъ Алатау (напр. урочища

Горныя мѣстности

Каскасу, Каскатау, верхнее теченіе Сайрама и др.) уже давно намѣчены проживающими въ краѣ и ожидающими устройства поселенцами, которые частью ходатайствуютъ объ отводѣ имъ здѣсь участковъ подъ устройство поселеній, частью—ведутъ переговоры съ киргизами о сдачѣ или продажѣ имъ земли. Не можетъ быть конечно никакого вопроса о пригодности для заселенія той части предгорій Таласскаго Алатау (и частью Каратаускихъ горъ), которая непосредственно пересѣкается Ауліеатинскимъ трактомъ—пригодность притрактовой полосы къ достаточной мѣрѣ доказывается существованіемъ здѣсь цвѣтущихъ русскихъ поселеній. И хотя въ общемъ здѣсь уже изъято подъ заселеніе много земли, остальное же пространство по большей части густо усѣяно киргизскими зимовками и вообще эксплоатируется туземнымъ населеніемъ,—но даже по самому тракту есть еще совершенно или почти совершенно неэксплоатируемыя площади, которыя—если только не встрѣтится препятствій со стороны водоснабженія—прямо напрашиваются подъ устройство поселковъ; таковы напримѣръ урочище Машатъ, близъ дер. Антоновки, мѣстность между Высокимъ и Бурнымъ, вдоль рѣчки Чакпакъ, ровное плато между ст. Куюкъ и дер. Головачевкой и т. п.

Не меньшія удобства для земледѣльческой колонизаціи представляютъ многія мѣстности и въ невысокихъ горахъ Каратау, отдѣляющихся отъ Таласскаго Алатау въ предѣлахъ Чимкентскаго уѣзда и проникающихъ своими послѣдними отрогами въ границы Перовскаго уѣзда. Вдоль ущелья Турланъ, по которому мнѣ пришлось переваливать Каратаускія горы, я, правда, видѣлъ только ничтожные клочки и полоски разработанныхъ или, по видимымъ свойствамъ, пригодныхъ для разработки земель—все остальное представляло собой каменистыя осыпи или склоны съ еще только начавшею образовываться почвой, вовсе или почти вовсе непригодною для культуры. Но дальше на юго-востокъ, повидимому, удобныхъ для культуры земель гораздо больше, и онѣ занимаютъ гораздо болѣе обширныя сплошныя пространства; такъ, представители мѣстной администраціи называли мнѣ урочище Джилыбулакъ, гдѣ пашетъ до 400 киргизскихъ домохозяйствъ; долину Боролдая, побережье озера Бійликуль, урочище Беркозанъ, Чаянъ и др.; изъ нихъ, напримѣръ, Боролдайскій районъ представляетъ собой обширное, сплошь удобное для культуры плоскогорье, уже вошедшее въ сферу арендъ поселенцевъ Чимкентскаго уѣзда и притомъ связанное съ населенными мѣстностями достаточно удобнымъ колеснымъ

путемъ. Проживающій уже до 30 лѣтъ въ Каратаускихъ горахъ хуторянинъ Иванъ Гудковъ назвалъ мнѣ еще цѣлый рядъ другихъ урочищъ—Тюлькубашъ, Чумбуръ, Агата, Актасъ, Кемиръ и др.—представляющихъ собой, опять таки. достаточно обширныя площади удобныхъ для культуры земель,—а бывшій Туркестанскій участковый приставъ (нынѣ Ауліеатинскій уѣздный начальникъ) Н. К. Калмаковъ, обслѣдовавъ въ колонизаціонныхъ видахъ караванную дорогу, идущую изъ Туркестана, черезъ Каратаускія горы, на Ауліета, намѣтилъ вдоль этой дороги рядъ пунктовъ, удобныхъ для устройства непрерывной цѣпи небольшихъ хуторовъ, на нѣсколько дворовъ каждый, съ центральнымъ болѣе значительнымъ поселкомъ на выше названномъ урочищѣ Джилыбулакъ. По словамъ г. Калмакова, крестьянскіе ходоки, которыхъ онъ при этомъ бралъ съ собою, очень хвалили земли,—но водвориться предпочитали гдѣ либо на Сыръ-Дарьѣ, ближе къ тракту и къ строющейся желѣзной дорогѣ. И несомнѣнно, что заселеніе удобныхъ мѣстъ въ Каратаускихъ горахъ (какъ, впрочемъ, и въ Таласскомъ Алатау и вообще въ горныхъ районахъ) пойдетъ успѣшно только въ томъ случаѣ, если назначенные подъ заселеніе участки будутъ располагаться линіями, съ не слишкомъ значительными между ними перерывами, если они будутъ связаны удобными дорогами, и если притомъ заселеніе ихъ будетъ вестись въ извѣстной постепенности, начиная отъ уже заселенныхъ районовъ или. напримѣръ, отъ станцій строющейся желѣзной дороги. Нѣкоторыя же урочища въ горахъ зимою, благодаря снѣжнымъ заносамъ, совершенно недоступны, и потому устройство въ нихъ осѣдлыхъ поселеній будетъ едва-ли возможно, несмотря на наличность, въ другихъ отношеніяхъ, всѣхъ необходимыхъ для того условій: достаточно сказать, что на перевалѣ Турланъ зимою прекращается на нѣсколько недѣль всякое сообщеніе.

Лессовыя степи

Несравненно обширнѣе. однако, въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области лессовыя степи, возможность обращенія которыхъ подъ культуру зависитъ исключительно отъ отысканія необходимой для ихъ орошенія воды. Такъ, широкая, до 30 и болѣе верстъ, полоса такихъ степей, которую мнѣ пришлось наискось пересѣчь во время моей экскурсіи, тянется вдоль сѣверо-восточнаго склона Каратаускихъ горъ, заполняя все пространство между горами и частью песчаною, частью болѣе или менѣе солонцеватою долиною р. Таласа, въ его нижнемъ теченіи, и его притока Асы, и составляя, повидимому, прямое продолженіе той по-

лосы лессовыхъ-же степей, которая окаймляетъ съ сѣвера Таласскій Алатау и Александровскій хребетъ. Въ предѣлахъ этой полосы, нѣсколько въ сторонѣ отъ моего маршрута, расположились большіе, съ превосходнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, сартовскіе кишлаки Сузакъ и Чулакъ-Курганъ; по пути отъ долины Асы къ перевалу Турланъ мнѣ пришлось пересѣчь сплошную, въ 30 верстъ ширины полосу частью киргизскихъ, частью сартовскихъ пашенъ и перелоговъ, орошаемыхъ водами вытекающаго изъ Турланскаго ущелья ручья, — причемъ и самый видъ почвы, и показанія киргизъ относительно урожайности и условій полива позволяютъ считать лессовую почву этой мѣстности въ высшей степени доброкачественною. Въ остальной части моего маршрута между Ауліеата и переваломъ Турланъ путь мой пролегалъ по очень бѣдной водою мѣстности, но во многихъ мѣстахъ—вездѣ. гдѣ киргизы оказались въ состояніи устроить постоянное или временное весеннее орошеніе, попадались болѣе или менѣе значительные клочки пашенъ и перелоговъ,—причемъ распахиваются киргизами не только лессовыя, но также и перемежающіяся съ ними супесчаныя, а мѣстами—и болѣе или менѣе ясно выраженныя солонцеватыя почвы.

На продолженіи того-же маршрута, за переваломъ черезъ Каратаускія горы, мнѣ пришлось пересѣчь, опять-таки, довольно широкую полосу частью плоской, частью слегка волнистой лессовой или лессовидно-суглинистой степи, окаймляющей горы съ юго-запада и представляющей собою, повидимому, вторую, довольно замѣтно приподнятую террасу Сыръ-Дарьинской долины; на моемъ пути до Туркестана преобладали некультурныя земли,—но опять таки и здѣсь культура появлялась вездѣ, гдѣ только оказывалось возможнымъ перехватить какой-либо постоянный источникъ оросительной воды или хотя-бы воспользоваться для этой цѣли весеннею водою. Такія-же или подобныя по типу степи занимаютъ въ данной мѣстности, очевидно, весьма обширную площадь, заполняя все пространство между подножьемъ Каратаусскихъ горъ и поймою Сыръ-Дарьи, и въ частности, сплошную лессовую степь представляетъ собой широкій треугольникъ между Сыръ-Дарьею и низовьями Чирчика и Арыси; затѣмъ, сплошная же, по видимымъ признакамъ превосходная лессовая степь тянется вдоль желѣзной дороги на всемъ протяженіи станціонныхъ перегоновъ Арысь-Отраръ и Отраръ-Утрабатъ,—тогда какъ между Утрабатомъ и Тур-

кестаномъ линія спускается, повидимому, въ заливную долину Дарьи и тянется по сплошнымъ солонцеватымъ и болотистымъ пространствамъ. Сплошныя-же лессовыя степи тянутся и ниже Туркестана, вдоль по теченію Дарьи, достигая границъ Чимкентскаго уѣзда и заходя, какъ кажется, и въ юго-восточную часть Перовскаго уѣзда. О полной пригодности этихъ степей для ирригаціонной культуры свидѣтельствуетъ, опять-таки, кромѣ видимыхъ признаковъ почвы и растительнаго покрова,—наличность во многихъ мѣстахъ обрабатываемыхъ земель или признаковъ старой культуры. Кромѣ киргизскихъ пашенъ, которыя и здѣсь располагаются, повидимому, во всѣхъ урочищахъ, куда только киргизы смогли вывести воду,—въ разсматриваемой полосѣ имѣется рядъ возникшихъ въ болѣе или менѣе недавнее время сартовскихъ поселковъ—Иканъ, неподалеку отъ Туркестана, Кошъ-Мизгиль и Сауранъ, между Туркестаномъ и Джулекомъ,—а остатками старой культуры являются развалины весьма значительнаго, когда-то, города Отрара, съ слѣдами старой оросительной системы на пространствѣ не менѣе 6,000 десятинъ,—и такія же развалины съ остатками былой ирригаціи вокругъ незначительнаго въ настоящее время кишлака Саурана.

Не меньшій интересъ, собственно по почвеннымъ богатствамъ, представляетъ и лѣвобережье Сыръ-Дарьи. Здѣсь, по словамъ инженера-гидравлика Н. А. Петрова [1]), «родственныя лессамъ глины занимаютъ свободную отъ песковъ полосу побережья и врѣзываются далеко на юго-западъ, въ Кызылъ-Кумы, по долинѣ стараго русла р. Яны-Дарьи»,—причемъ однако «въ разныхъ мѣстахъ на пространствѣ глинистой степи разбросаны пески и солонцы», лессовидныя же глины, «получивъ достаточно воды, даютъ хорошіе урожаи». И дѣйствительно: по свидѣтельству завѣдывающаго государственными имуществами А. А. Тилло [2]), основанному частью на личныхъ наблюденіяхъ, частью—на изученіи данныхъ военно-топографическаго отдѣла, вдоль всего теченія Сыръ-Дарьи, отъ поворота ея теченія у уроч. Чардары (ниже Чиназа) до параллели гор. Туркестана, по лѣвому ея берегу тянется полоса превосходныхъ въ почвенномъ отношеніи земель, шириною отъ 10 до 30 верстъ. «На протяженіи болѣе 200 верстъ по лѣвому берегу лежатъ мно-

---

[1]) Назв. соч., стр. 15.

[1]) См. его статью въ «Турк. вѣд.» за текущій годъ, № 72.

гочисленныя развалины бывшихъ здѣсь городовъ и селеній: Кеты, Узунъ-Ата, Сюткентъ, Ичкела, Сайра-Кумъ, Яръ-Тюбе, Рабатъ, Калчанъ-Ата и Оксузъ»,—и на всемъ этомъ протяженіи побережье Дарьи изрѣзано заброшенными старыми арыками, удаляющимися отъ русла рѣки по большей части не болѣе 10, мѣстами—на 20 и 30 верстъ. «Такимъ образомъ, говоритъ г. Тилло, указываемая площадь, почти въ 200 тыс. десятинъ, обладаетъ всѣми данными для мощнаго развитія земледѣльческой культуры. Если принять во вниманіе: 1) сравнительно малый размѣръ затратъ, потребныхъ на возобновленіе арыковъ (см. ниже), 2) удобства страны для скотоводства и рыбнаго промысла, и наконецъ 3) близость строющейся Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дороги,—то поистинѣ мы обязаны признать, что указанный районъ долженъ быть поставленъ въ дѣлѣ русской колонизаціи Туркестанскаго края на первую очередь». Точно такая-же полоса лессовидныхъ глинъ, съ развалинами и заброшенными арыками, тянется и ниже по теченію Дарьи, перерѣзая весь Перовскій уѣздъ и заходя, повидимому и въ предѣлы Казалинскаго,—но здѣсь эта полоса удаляется отъ нынѣшняго главнаго русла Сыръ-Дарьи и тянется по теченіямъ ея старыхъ руслъ—Яны-Дарьи и Куванъ-Дарьи,—вдоль которыхъ и въ настоящее время располагаются довольно значительныя киргизскія запашки. Эта полоса въ предѣлахъ Перовскаго уѣзда также признается мѣстными дѣятелями (назову г. Гейера, бывшихъ уѣздныхъ начальниковъ гг. Киселева и Колосовскаго, а также бывшаго здѣсь приставомъ г. Калмакова) заслуживающею большого вниманія въ виду, въ особенности, сравнительной легкости возстановленія существовавшей когда то ирригаціи. Словомъ, серьезнаго вниманія заслуживаетъ все вообще лѣвое побережье Сыръ-Дарьи,—причемъ однако заселеніе могущихъ быть предназначенными здѣсь для этой цѣли земель можетъ встрѣтить нѣкоторыя затрудненія со стороны совершенной отрѣзанности лѣвобережья Сыръ-Дарьи отъ заселенныхъ районовъ и отъ желѣзной дороги. Въ случаѣ, поэтому, если бы, по ближайшемъ изслѣдованіи, оказалось возможнымъ открыть здѣсь землеотводныя работы, вопросъ объ облегченіи доступа на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи потребовалъ бы серьезнаго обсужденія,—и весьма возможно, что наиболѣе правильнымъ его рѣшеніемъ было бы повести заселеніе даннаго района начиная отъ Голодной Степи и постепенно подвигаясь въ направленіи къ юго-западу, внизъ по теченію Сыра.

Наконецъ значительныя, повидимому, пространства лессовыхъ или лессовидно-глинистыхъ степей тянутся вдоль сѣверной границы области, по побережью Чу. Здѣсь, въ послѣднее время, земледѣліе сдѣлало у киргизъ значительные успѣхи, причемъ на причуйскихъ степяхъ пашутъ не только мѣстные киргизы, но также и киргизы волостей расположенныхъ въ районѣ между Таласомъ и Каратаускими горами, которыхъ привлекаетъ не только хорошее качество при-Чуйскихъ почвъ, но кромѣ того, какъ упоминалось, еще и то обстоятельство, что побережье Чу въ послѣдніе годы было свободно отъ нашествій саранчи. Кромѣ того, какъ сообщалъ мнѣ Ауліеатинскій уѣздный начальникъ г. Калмаковъ, въ Чуйскомъ районѣ въ послѣдніе годы стали арендовать землю дунгане, занимающіеся здѣсь по преимуществу посѣвами риса. Постановка побережья Чу на ближайшую очередь землеотводныхъ работъ можетъ показаться нѣсколько рискованною въ виду совершенной отрѣзанности этого района отъ тѣхъ мѣстностей Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, гдѣ уже существуютъ или могутъ въ ближайшемъ будущемъ возникнуть русскія поселенія. Но это затрудненіе—весьма возможно—устранится, если повести колонизацію начиная съ низовьевъ Чу, которыя довольно близко подходятъ къ линіи желѣзной дороги (ст. Джулекъ) и вѣроятно могутъ быть связаны съ нею непрерывною цѣлью русскихъ или туземныхъ поселеній.

Тугайныя земли

Чтобы покончить съ обзоромъ тѣхъ мѣстностей Сыръ-Дарьинской области, которыя, собственно по почвеннымъ условіямъ, представляютъ интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, необходимо остановиться еще на непосредственно-окаймляющей Сыръ-Дарью наносной, такъ называемой при-тугайной полосѣ. Простираясь вдоль побережій всѣхъ болѣе значительныхъ рѣкъ Туркестанскаго края и достигая весьма значительнаго развитія по берегамъ какъ Сыра, такъ и Аму-Дарьи, мѣстности этого типа пріобрѣтаютъ особенно большое значеніе въ вопросѣ о колонизаціи двухъ сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области: преобладающую часть площади этихъ уѣздовъ составляютъ либо пески, либо степи, хотя и обладающія доброкачественною почвой, но, повидимому, совершенно безводныя и потому едва-ли могущія разсчитывать, въ предѣлахъ возможнаго нынѣ предвидѣнія, на заселеніе и обращеніе подъ культуру. У аборигеновъ края, киргизъ, эта послѣдняя сосредоточивается по преимуществу въ прирѣчной, тугайной полосѣ,

причемъ запашки въ послѣднее время возрастаютъ съ поражающей быстротой. Очевидно, что и въ разсчетахъ относительно будущей русской колонизаціи этой части Сыръ-Дарьинской области (равно какъ и поставленнаго въ аналогичныя условія побережья Аму-Дарьи) необходимо остановиться прежде всего на тугайныхъ земляхъ. «Земли съ тугайнымъ культурнымъ слоемъ, говоритъ И. И. Гейеръ въ «Путеводителѣ по Туркестану» [1]) эксплоатируются только кочевниками. Они высѣваютъ на нихъ пшеницу и ячмень, получая высокіе урожаи даже и при ихъ первобытной обработкѣ пашенъ. Въ наибольшей же своей части тугайныя почвы остаются свободными, являясь только «излюбленными мѣстами зимовокъ киргизъ; плодородіе наноса съ избыткомъ обезпечиваетъ кормъ стадамъ кочевниковъ, а густая заросль высокихъ кустарниковъ защищаетъ скотъ отъ зимней непогоды». Рядъ развалинъ городовъ, продолжаетъ г. Гейеръ, по берегамъ Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи указываетъ, что нѣкогда берега обѣихъ рѣкъ были заселены осѣдлымъ населеніемъ, а потому и теперь могутъ быть утилизированы для колонизаціи пустующихъ нынѣ плодородныхъ угодій, вполнѣ пригодныхъ для эксплоатаціи какъ сѣнокошеніемъ, такъ и агрикультурой». Въ тугайныхъ мѣстахъ, говоритъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, современное киргизское населеніе производитъ посѣвы ячменя и пшеницы, а слѣды древнихъ сооруженій доказываютъ, что мѣста эти нѣкогда были заселены, и наличность обоихъ этихъ фактовъ должна служить исходнымъ пунктомъ увеличенія колонизаціи Сыръ-Дарьинской области русскими людьми». Въ частности, заселеніе Сыръ-Дарьинскихъ тугаевъ, которые многія сотни верстъ тянутся вдоль самой линіи желѣзной дороги, имѣло бы особенно важное значеніе съ точки зрѣнія интересовъ дороги и связывающихся съ нею общегосударственныхъ задачъ; я считаю долгомъ упомянуть о томъ, что Начальникъ работъ по сооруженію южнаго участка дороги, инж. т. с. О. П. Вяземскій, въ краткой бесѣдѣ со мною, указывалъ на необходимость обращенія подъ заселеніе и культуру даже заливныхъ площадей Сыръ-Дарьинской долины, нынѣ занятыхъ сплошными зарослями камыша, для каковой цѣли т. с. Вяземскій признавалъ вполнѣ умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ предпринять работы въ цѣляхъ огражденія этихъ пространствъ отъ затопленія водами Сыръ-Дарьи, что̀ безъ всякихъ дальнѣйшихъ осушительныхъ работъ

[1]) Стр. 41—43, 174.

привело бы къ обсыханію нынѣшнихъ камышевыхъ болотъ и къ обращенію ихъ въ годное для культуры состояніе.

И дѣйствительно: идея колонизаціи тугаевъ въ очень многихъ отношеніяхъ соблазнительна. Прежде всего, тугаи обладаютъ, несомнѣнно, весьма плодородною, хотя во многихъ мѣстахъ и засоленною почвой. Эта почва «состоитъ изъ механической смѣси лесса, песку и гумуса, образовавшагося отъ гніенія густого и сильнаго растительнаго покрова, развивающагося на низменныхъ берегахъ [1]); тугайныя почвы, «вслѣдствіе ихъ тучности, покрыты роскошно растущими травами, между которыми первое мѣсто занимаютъ пырей и осолодка». Флора мѣстностей, называемыхъ тугаями [2]), «вслѣдствіе близости воды и богатой почвы, состоящей изъ ила, отличается сравнительно роскошнымъ развитіемъ и совершенно не походитъ на растительность лежащей рядомъ, но нѣсколько выше, степи». На побережьѣ Аму-Дарьи, гдѣ преобладаютъ солонцеватыя почвы, «естественный характеръ почвы нѣсколько видоизмѣняется на низкихъ берегахъ рѣки, гдѣ послѣдняя оставила наносъ лесса и нанесла сѣмена джиды, туранги, тала и гребенщика, образовавшихъ естественные лѣса, называемые тугаями». Этотъ наносный слой лесса или илъ «по анализу Шмидта представляетъ нормальную почву, по плодородію не уступающую нильскому илу» и притомъ «обогащенную перегноемъ камыша и другихъ растеній» [3]). Ниже мнѣ придется остановиться подробнѣе на условіяхъ естественнаго и искуственнаго орошенія тугайныхъ земель; здѣсь мнѣ достаточно упомянуть, что на тугаяхъ, въ виду близости подпочвенной воды и влажности, остающейся отъ рѣчныхъ разливовъ, практикуются и посѣвы безъ искуственнаго орошенія, и что съ другой стороны выводъ воды на тугаи, въ виду ихъ нѣсколько пониженнаго противъ остальной степи положенія, гораздо легче и требуетъ гораздо меньшихъ затратъ.

И несмотря на все сказанное, немногочисленныя до сихъ поръ попытки водворенія русскихъ поселенцевъ въ тугайной полосѣ Перовскаго уѣзда дали довольно сомнительные результаты. Здѣсь существуетъ именно всего четыре поселенія: Джулекъ, Александровское, Ново-Астраханское и Скобелевка. «Тяжелыя условія, говоритъ А. А. Половцовъ [4]) по поводу послѣднихъ трехъ селеній, въ которыхъ

[1]) Тамъ же, стр 41.

[2]) Энцикл слов., полут. 67, статья кн В М., стр 183.

[3]) Шкапскій, Амудар. оч., стр. 13, 31

[4]) Отчетъ, стр. 181

находятся эти селенія, уже съ 1888 года побуждали Военнаго Губернатора препятствовать водворенію новыхъ переселенцевъ въ уѣздъ и въ 1892 году заставили его вовсе упразднить эти поселки: эти-же условія погнали многихъ изъ тѣхъ крестьянъ, которые пытались здѣсь осѣдать, и за время существованія Александровскаго и Ново-Астраханскаго въ нихъ перебывали многія семьи, послѣ нѣкотораго времени отправившіяся искать счастья въ другихъ мѣстахъ; только крестьяне, наиболѣе сильные духомъ, остались бороться съ дикой природой». Однако, и до сихъ поръ нельзя сказать, чтобы эти поселки какъ слѣдуетъ окрѣпли. Напротивъ, пос. Александровскій, въ которомъ раньше было до 40 дворовъ и который жилъ главнымъ образомъ насчетъ города Перовска, теперь, съ упадкомъ этого города, почти совсѣмъ разбрелся: въ немъ осталось всего 5 дворовъ, которые притомъ совершенно не занимаются земледѣліемъ. Сравнительно болѣе земледѣльческій характеръ имѣютъ поселки Ново-Астраханскій и Джулекъ; этотъ послѣдній пользуется пахатною землею, ежегодно заливаемой разливами Дарьи; но земли въ этой ложбинѣ всѣ заняты наличными поселенцами, чѣмъ положенъ пока предѣлъ дальнѣйшему росту поселка. Скобелевскій поселокъ, повидимому, процвѣтаетъ, но только два или три двора въ немъ—настоящіе пахари; остальные имѣютъ только огороды, главнымъ же образомъ сѣютъ люцерну, которая имѣетъ въ данной мѣстности весьма выгодный сбытъ и даетъ хорошій доходъ; затѣмъ, Скобелевцы занимаются скотоводствомъ, рыболовствомъ, главнымъ же источникомъ ихъ благосостоянія является учрежденный въ поселкѣ базаръ: крестьяне сдаютъ квартиры торговцамъ-сартамъ, занимаются въ большихъ размѣрахъ корчемствомъ, въ послѣднее же время этого рода заработки значительно возросли съ начатіемъ работъ по постройкѣ желѣзной дороги.

Основная причина шаткости благосостоянія существующихъ въ тугайной полосѣ Перовскаго уѣзда русскихъ поселеній лежитъ въ особыхъ условіяхъ орошенія и въ той постоянной опасности, которою грозятъ селеніямъ и посѣвамъ разливы и измѣненія русла Сыръ-Дарьи [1]). Самый выводъ воды изъ этой послѣдней не представляетъ затрудненій. Но существующіе въ настоящее время арыки частью способны доставлять воду только въ ложбины и вообще въ самыя низкія части тугайной равнины, частью же,

[1]) Данныя для характеристики условій орошенія и хозяйства въ тугаяхъ см. у Дингельштедта, назв соч., т I, стр 331, 358, 368, 398 и др.

если они заложены нѣсколько выше, берутъ воду только во время половодья. Въ первомъ случаѣ, повидимому очень распространенномъ, орошенныя весеннею водою пашни, въ случаѣ вторичнаго подъема воды, подвергаются затопленію, и потому посѣвы производятся, какъ говорятъ киргизы, на тентякъ-су—«на глупую воду», другими словами на рискъ ничего не собрать въ случаѣ второго половодья. Во второмъ случаѣ вода весенняго разлива, по достиженіи ею наивысшаго уровня, задерживается наскоро устраиваемыми плотинами въ многочисленныхъ разбросанныхъ по тугайной долинѣ озерахъ и другихъ впадинахъ, и уже отсюда разводится арыками на пашни; но уровень ея бываетъ настолько ниже уровня полей, что ее приходится поднимать при помощи водоподъемныхъ колесъ—такъ называемыхъ чигирей; иногда, чтобы поднять воду въ арыкахъ до уровня, допускающаго безчигирный поливъ, ее подпираютъ плотинами: но эти плотины весьма часто прорываются, и въ такомъ случаѣ вода заливаетъ селенія, сноситъ постройки и причиняетъ всякія другія поврежденія, а поля на остальную часть лѣта остаются безъ полива. Наконецъ, очень распространено въ тугайной полосѣ орошеніе посредствомъ простого затопленія: воду напускаютъ въ разныя ложбины и затѣмъ, по спадѣ ея, сѣютъ хлѣбъ въ сырую почву, въ разсчетѣ на скопившійся въ ней запасъ влажности. Сказаннымъ, повидимому, далеко не исчерпываются всѣ разновидности примѣняемыхъ въ тугайной полосѣ способовъ полива,—и тѣмъ болѣе не исчерпывается перечисленіе тѣхъ разнообразныхъ гибельныхъ для хозяйства случайностей, которыми грозятъ то разливы Сыръ-Дарьи, то недостатокъ воды въ оросительныхъ каналахъ. И если всѣ такія и подобныя случайности не мѣшаютъ киргизамъ, для которыхъ земледѣліе все-же остается пока подспорнымъ къ скотоводству занятіемъ, производить посѣвы въ тугаяхъ, то, конечно, они отразятся самымъ неблагопріятнымъ образомъ на устойчивости положенія русскихъ поселковъ, для которыхъ земледѣліе должно быть если и не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ источникомъ благосостоянія. Повидимому, если не всѣ, то многія изъ столь частыхъ нынѣ случайностей указаннаго рода могутъ быть избѣгнуты путемъ нѣсколько лучшаго устройства ирригаціонныхъ сооруженій, а также принятія особыхъ мѣръ (въ видѣ дамбированія) противъ затопленія селеній и посѣвовъ. Но, конечно, со всѣми этими случайностями необходимо будетъ весьма серьезно считаться какъ

при рѣшеніи вопроса о возможности устройства, въ каждой данной мѣстности, русскаго поселенія, такъ и при проектированіи тѣхъ ирригаціонныхъ работъ или мѣръ къ огражденію отъ наводненій, которыя должны быть выполнены въ каждомъ случаѣ, какъ необходимое условіе возможности русской колонизаціи. Слѣдуетъ при этомъ заранѣе имѣть въ виду, что выработка этихъ мѣръ, въ виду капризнаго и измѣнчиваго теченія Сыръ-Дарьи, будетъ нерѣдко нелегкимъ дѣломъ,—и что поэтому для цѣлей русской колонизаціи удастся использовать, очень можетъ быть, далеко не всѣ тѣ земли, которыя по почвеннымъ условіямъ и наличности оросительной воды были-бы пригодны для этой цѣли.

Въ аналогичныхъ, можетъ быть только еще болѣе рѣзко выраженныхъ, условіяхъ находятся повидимому условія жизни и орошенія, охарактеризованныя между прочимъ въ весьма обстоятельной работѣ г. Шкапскаго [1]), въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ Сыръ-Дарьинской области. Какъ оффиціально сообщалъ начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла [2]) въ отвѣтъ на запросъ о земляхъ, состоящихъ въ пользованіи кочевого населенія,—Чимбайскій участокъ этого отдѣла «представляетъ въ отношеніи развитія колонизаціи много интереснаго, такъ какъ тамъ имѣются огромныя свободныя пространства прекрасной земли, которыя могутъ быть орошены съ весьма малыми сравнительно затратами,—причемъ въ нѣкоторыхъ районахъ этого участка имѣются свободныя площади пригодной для земледѣлія земли въ 10.000 и болѣе десятинъ въ одномъ кускѣ»; въ частности, въ Чимбайскомъ участкѣ изслѣдованію для этой цѣли должна подлежать, по мнѣнію начальника отдѣла, площадь дельты Аму-Дарьи, обнимающая пространство до 10.000 квадратныхъ верстъ,—изъ которыхъ всего 70 тыс. десятинъ или около одной четырнадцатой занято культурными угодьями мѣстнаго населенія. Однако, земли Аму-Дарьинскаго отдѣла едва ли станутъ на ближайшую очередь колонизаціи, прежде всего уже въ виду крайней изолированности и полнаго отсутствія удобныхъ сообщеній. А затѣмъ, уже приводимыя къ работѣ г. Шкапскаго данныя въ достаточной мѣрѣ выясняютъ тѣ трудности, съ которыми туземному населенію приходится бороться при орошеніи своихъ полей и приведеніи ихъ

---

[1]) Аму-Дарьинскіе очерки.

[2]) Рапортъ I. II 1902 г. № 1086, прилож. къ отношенію Туркест. Генералъ-Губернатора № 5459—1902 года.

въ культурное состояніе—достаточно сказать, что большая часть полей здѣсь орошается при помощи чигирей,—и ту постоянную опасность, которою угрожаютъ разливы Аму-Дарьи. Въ настоящее же время дельта Аму-Дарьи почти цѣликомъ затоплена, и этимъ самымъ, конечно, разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ вопросъ о колонизаціонной ея пригодности.

Запасы ирригаціонной воды

Перехожу теперь къ вопросу о тѣхъ водныхъ запасахъ, которые возможно использовать для надобности русской колонизаціи Туркестанскаго края и въ частности—Сыръ-Дарьинской области.

Существуетъ мнѣніе, что возможность расширенія оросительной сѣти края, если не считаться съ размѣрами затратъ, представляется почти-что безграничною. «Если атмосферическія условія края,—говоритъ напр. строитель Закаспійской желѣзной дороги М. Н. Анненковъ въ своемъ докладѣ Императорскому Русскому Географическому обществу, озаглавленномъ «Средняя Азія и пригодность ея для водворенія въ ней русской колонизаціи» [1]),—мѣшаетъ пользоваться почвой безъ примѣненія искусственнаго орошенія, то рѣки Аму-Дарья, Сыръ-Дарья, Тедженъ и Мургабъ даютъ полную возможность оросить громадное количество земли, нынѣ ничего не производящей. Въ настоящее время эти рѣки теряются въ пескахъ, какъ Тедженъ и Мургабъ, не принося человѣку той пользы, которой можно было-бы отъ нихъ ожидать,—или если и доходятъ до моря, какъ Аму-Дарья, то теряютъ огромное количество воды въ дельтахъ и болотахъ, находящихся въ ихъ устьяхъ». Гораздо осторожнѣе и сдержаннѣе,—впрочемъ тоже въ болѣе или менѣе общихъ выраженіяхъ,—отвѣчаетъ на разсматриваемый вопросъ первый Генералъ-Губернаторъ края, К. П. фонъ-Кауфманъ [2]). «Развитіе осѣдлой жизни въ краѣ,—говоритъ онъ,—зависѣть будетъ непосредственно отъ распространенія существующей ирригаціи. Бо́льшая или меньшая степень населенности и народнаго благосостоянія въ различныхъ областяхъ Ген.-Губернаторства обусловлена почти исключительно тѣмъ развитіемъ, какого достигла въ нихъ система искусственныхъ оросительныхъ сооруженій... Въ Зеравшанскомъ округѣ (нынѣшняя Самаркандская область) и Ферганской области вѣками народной работы созданы обширныя системы ары-

---

[1]) «Изв. И. Р. Г. О», т. XXV, вып. VI, стр. 290

[2]) Проектъ всеподд. отчета, стр 215—19.

ковъ, большихъ и малыхъ, которые въ большинствѣ случаевъ остается лишь поддерживать въ исправности и на дальнѣйшее развитіе которыхъ вообще трудно и разсчитывать. Въ Сыръ-Дарьинской области, несмотря на древность существующихъ поселеній въ районахъ Кураминскомъ (нынѣшній Ташкентскій уѣздъ) и Ходжентскомъ (нынѣ Самаркандской области), ирригація неудовлетворительна и въ этихъ наиболѣе богатыхъ и населенныхъ районахъ. Въ Ходжентскомъ уѣздѣ нѣтъ благопріятныхъ физическихъ условій для устройства новыхъ каналовъ—сгруппированное тѣсно въ горной части уѣзда населеніе сдѣлало все со своей стороны, чтобы воспользоваться маловодными рѣчками и ключами, орошающими тотъ край; за недостаткомъ воды, оно увеличиваетъ нынѣ орошеніе подъ дождь. Оживленіе низменной части уѣзда, путемъ предпринятаго проведенія большого канала въ Чиназо-Джизакской степи, потребуетъ еще многихъ лѣтъ народной работы и большихъ денежныхъ пожертвованій со стороны правительства. Кураминская ирригація терпитъ наоборотъ не отъ недостатка, а прямо отъ избытка воды, разлившейся въ Чирчикскомъ бассейнѣ по русламъ запущенныхъ древнихъ арыковъ въ обширныя, трудно осушаемыя болота. Таковы-же недостатки и ирригаціи Аму-Дарьинскаго отдѣла, Чимбайскій участокъ котораго, занимающій дельту рѣки, много терпитъ отъ ежегодныхъ разливовъ и наводненій. Въ степныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области наихудшими условіями обставлено искусственное орошеніе береговъ р. Сыра»,—а между тѣмъ «развалины городовъ и слѣды древнихъ каналовъ, въ связи съ сохранившимися въ народѣ преданіями, указываютъ, что древняя и густая осѣдлость примыкала именно къ берегамъ Сыра, питавшаго по ту и по сю сторону своего теченія капитальные искусственные водопроводы». Наконецъ, въ Семирѣченской области, «при обиліи воды и благодаря расположенію культурной полосы земледѣлія вдоль предгорій Тяньшана, орошаемыхъ быстро текущими горными рѣчками, орошеніе не затруднительно, и населенію приходится бороться только противъ разливовъ воды въ арыкахъ, не пользуясь и малою долей всей массы оросительнаго матеріала».

Данныя и разсчеты Н. А. Петрова.

Въ сравнительно новѣйшее время бывшимъ чиновникомъ особыхъ порученій по ирригаціонной части при Туркестанскомъ Генералъ-Губернаторѣ, инженеромъ Н. А. Петровымъ, сдѣлана попытка приблизительнаго вычисленія того свободнаго запаса водъ, который можетъ быть использованъ для развитія въ краѣ ирригаціонной сѣти и опредѣ-

ленія тѣхъ площадей, которыя могли бы быть орошены насчетъ этого запаса. Попытка эта дала довольно скромные результаты и въ то же время ввела довольно существенныя поправки въ вышеприведенные предположенія К. П. фонъ-Кауфмана. Исходя изъ количества воды, протекающаго въ Сыръ-Дарьѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (55 куб. саж. въ секунду), когда производится посадка хлопка и поливъ всѣхъ хлѣбовъ—когда, другими словами, потребность въ водѣ бываетъ максимальная, и принимая за среднюю норму полива 29,1 дес. на одинъ секундо-футъ поливной воды,—г. Петровъ приходитъ къ заключенію, что изъ Сыръ-Дарьи и рѣкъ, впадающихъ въ нее выше Ходжента, можно оросить вновь до 670.000 дес. [1]). Съ наибольшею выгодою свободный запасъ воды можетъ быть использованъ, по мнѣнію г. Петрова, слѣдующимъ образомъ: въ Ферганской области можно оросить совершенно пустующей степи до 120.000 десятинъ и обратить подъ постоянную культуру до 126.000 десятинъ,—всего 246 тыс. десятинъ [2]). Далѣе, подлежитъ орошенію сплошное пространство казенныхъ земель въ Голодной степи, нынѣ входящей въ предѣлы Сыръ-Дарьинской области,—всего до 375 тыс. десятинъ [3]), въ томъ числѣ 175.000 дес. въ треугольникѣ, имѣющемъ одною стороною Сыръ-Дарью, другою—почтовую дорогу, третьею—слабо выпуклую кривую отъ бугра Эмиръ-Тюбе до развалинъ Акча-Тюбе, и до 200 тыс. дес. въ пространствѣ между Сыръ-Дарьею, Кызылъ-Кумами и линіей, идущей отъ Акча-Тюбе на сѣверо-западъ, нѣсколько южнѣе колодцевъ Джитымъ-бай. 14 тыс. десятинъ можно оросить путемъ расширенія и улучшенія Дальверзина—единственнаго въ то время арыка, выведеннаго изъ самой Сыръ-Дарьи, на правомъ ея берегу. Остальныя 60.000 дес., исчерпывающія остатокъ свободной воды въ Аму-Дарьѣ, г. Петровъ полагаетъ возможнымъ оросить въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области,—именно въ Перовскомъ уѣздѣ, въ долинѣ стараго русла Яны-Дарьи, и въ Казалинскомъ—въ окрестностяхъ озера Далакуль, причемъ замѣчаетъ, что если бы нашлась вода, то къ сѣверу отъ Казалинска можно было бы оросить несравненно боль-

---

[1]) Назв. соч., стр 38

[2]) По разсчетамъ бывшаго Военнаго Губернатора Ферганской области, нынѣ Сыръ-Дарьинскаго Губернатора Н. И. Королькова, цифра эта можетъ быть повышена до 300 тыс дес.

[3]) По разсчету Н. А Дингельштедта въ Голодной степи можно оросить до полумилліона десятинъ (назв соч, т. II, стр 274)

шую площадь [1]). Затѣмъ, г. Петровъ считаетъ возможнымъ использовать свободныя воды Чирчикскаго бассейна, которыя могутъ оросить, по его разсчету, до 100 тыс. десятинъ, въ томъ числѣ до 50 тыс. перелоговъ и столько же—неразработанныхъ степей въ бассейнѣ другого притока Дарьи—Келеса, куда г. Петровъ думаетъ перевести свободный запасъ воды изъ Чирчика. Изъ другихъ притоковъ Сыръ-Дарьи существенное значеніе имѣетъ еще Арысь, свободными водами котораго г. Петровъ считаетъ возможнымъ оросить до 20.000 дес.. въ окрестностяхъ развалинъ стараго города Отрата (нынѣ станція того же названія) [2]). Затѣмъ, большой свободный остатокъ воды имѣется въ протекающей по Ауліеатинскому уѣзду и теряющейся въ пескахъ р. Таласу, откуда г. Петровъ считаетъ возможнымъ оросить вновь до 50.000 тыс. десятинъ. Что касается, наконецъ, до Аму-Дарьи, то воды ея, по мнѣнію г. Петрова, могутъ быть использованы, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ. Въ частности, посредствомъ спуска водъ этой рѣки въ ея старое русло можно оросить въ предѣлахъ Хивинскаго ханства до 100 тыс. десятинъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ—достигнуть осушенія и приведенія въ культурное состояніе приблизительно такой же площади въ дельтѣ Аму-Дарьи; сюда г. Петровъ прибавляетъ еще до 30.000 дес.. могущихъ быть орошенными къ сѣверу отъ Петро-Александровска,—откуда общее количество земель. могущихъ быть вновь орошенными въ русскихъ предѣлахъ насчетъ рѣки Аму-Дарьи, опредѣляется въ 130.000 десятинъ,—вся же площадь возможнаго расширенія ирригаціонной культуры въ предѣлахъ русскаго Туркестана (не считая Закаспійской области и Семирѣчья) достигаетъ 970 тыс. или круглымъ счетомъ милліона десятинъ [3]).

---

[1]) Стр 42, 43, 46, 52, 53.

[2]) Стр. 54—55

[3]) Стр 58 Приведенные разсчеты относятся только къ тѣмъ собственно запасамъ воды, которые, по соображеніямъ инж. Петрова, легко могутъ быть выведены и использованы для цѣлей орошенія Общій-же свободный запасъ воды въ краѣ, несомнѣнно, гораздо больше По разсчету Н А Дингельштедта, свободными водами Сыръ и Аму-Дарьи можно оросить еще до 4 600,000 десятинъ (т II, стр 426—427) Впрочемъ, и въ предѣлахъ легко осуществимыхъ оросительныхъ предпріятій разсчеты г Петрова, повидимому, должны быть признаны чрезчуръ умѣренными «Не говоря уже про какія-либо новыя ирригаціонныя сооруженія—говоритъ Н А Дингельштедтъ (т. I, стр 164),—но пользуясь только сохранившимися остатками старыхъ оросительныхъ системъ, можно, возобновивъ эти канавы, оросить пространство въ нѣсколько разъ больше существующаго».

Приведенные разсчеты въ высшей степени приблизительны, и нѣкоторыя данныя, положенныя въ ихъ основаніе, способны даже возбудить нѣкоторое сомнѣніе. Такъ, расходъ воды въ Сыръ-Дарьѣ взятъ на основаніи данныхъ за «исключительно маловодный» 1893 годъ [1]); цифра въ 29,1 дес. поливной площади на секундо-футъ ирригаціонной воды, взятая изъ практики закавказской ирригаціи и провѣренная по очень немногимъ даннымъ ирригаціонной практики Ташкентскаго и Ходжентскаго районовъ, вѣрна, повидимому, лишь при существующемъ нынѣ въ при-ташкентскомъ районѣ крайне расточительномъ пользованіи водою (объ этомъ см. ниже), и при извѣстномъ упорядоченіи водопользованіи могла бы быть значительно повышена [2]). Наконецъ обсужденію подлежалъ бы вопросъ, не слѣдуетъ ли считаться не только съ апрѣльскимъ, но и съ іюньскимъ расходомъ воды, когда наступаетъ главное половодье, воды котораго, можетъ быть, такъ или иначе могли-бы быть использованы для расширенія площади культуръ, требующихъ полива именно въ это время года. Съ другой стороны, необходимо считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что со времени выхода въ свѣтъ работы г. Петрова (1894 г.), площадь ирригаціонной культуры у туземцевъ, въ особенности у киргизъ Сыръ-Дарьинской области, успѣла значительно возрасти, а свободный запасъ ирригаціонной воды—соотвѣтственно уменьшиться. Во всякомъ случаѣ никакихъ болѣе новыхъ и болѣе точныхъ данныхъ не имѣется и въ настоящее время, и какъ я могъ убѣдиться при совѣщаніяхъ съ спеціалистами по ирригаціонной части, разсчеты Н. А. Петрова и нынѣ кладутся въ основу всѣхъ соображеній относительно возможнаго расширенія культурной площади края.

Наиболѣе желательные для орошенія районы.

Серьезнаго обсужденія заслуживаетъ затѣмъ вопросъ, въ какихъ именно мѣстностяхъ, съ наибольшею пользою для русской колонизаціи края и въ наибольшемъ соотвѣтствіи съ общегосударственными интересами, долженъ быть использованъ свободный запасъ воды въ Сыръ-Дарьинскомъ бассейнѣ. Какъ выше было упомянуто, г. Петровъ считаетъ нужнымъ сосредоточить оросительныя работы главнымъ образомъ въ Ферганской области (246 тыс. дес.) и въ Голодной степи, Сыръ-Дарьинской области (375 тыс.). По мнѣнію г. Петрова «Туркестанъ, какъ колонія Россіи, долженъ давать своей

---

[1]) Стр. 39—40

[2]) По мнѣнію Н А. Дингельштедта, однимъ сек.-футомъ можно оросить до 40—50, а одного хлопка—до 100 десятинъ

метрополіи тѣ продукты, которыхъ она лишена по климатическимъ условіямъ. Такими продуктами, по преимуществу, являются хлопокъ и рисъ. Ставши на эту точку зрѣнія, слѣдуетъ признать, что новыя орошенія должны быть устроены въ южной части края, гдѣ безпрепятственно произрастаютъ названныя растенія. Такъ какъ сѣверною границей посѣвовъ хлопка и риса служитъ долина р. Арыса, то новыя орошенія должны быть по преимуществу сосредоточены въ полосѣ расположенной къ югу отъ этой рѣки. Къ удобствамъ климата южной части края присоединяется и удобство устройства орошенія, такъ какъ мѣстность имѣетъ здѣсь сильное и правильное паденіе» [1]). Независимо отъ изложенныхъ, весьма серьезныхъ соображеній о необходимости предназначить орошаемыя земли по преимуществу подъ высшія культуры,—въ пользу сосредоточенія возможныхъ въ будущемъ работъ по устройству новыхъ орошеній въ южной части края говорятъ и нѣкоторые другіе доводы. Прежде всего, въ Ферганской области въ настоящее время почти совершенно не имѣется русскаго населенія,—а между тѣмъ водвореніе хотя бы нѣкотораго количества такого населенія на этой наиболѣе отдаленной окраинѣ Туркестана признается съ политической точки зрѣнія особенно необходимымъ, равно какъ и усиленіе русскаго элемента въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента—этого главнаго административнаго и военнаго центра края. Съ другой стороны, за усиленіе ирригаціи по преимуществу въ южныхъ мѣстностяхъ края говорятъ, повидимому, еще и соображенія климатологическаго характера: этимъ путемъ будутъ удержаны въ краѣ тѣ испаренія, которыя въ настоящее время, когда воды Сыръ-Дарьи вливаются въ Аральское море, уносятся прочь изъ края [2]). Однако, съ точки зрѣнія интересовъ собственно русской колонизаціи, противъ сосредоточенія могущихъ быть предпринятыми ирригаціонныхъ работъ въ южной части края могутъ быть приведены и нѣкоторыя существенныя возраженія. Такъ, въ Ферганской области — какъ будетъ объяснено ниже—освободить сколько-нибудь существенный запасъ земель, въ особенности въ полосѣ, гдѣ возможны новыя орошенія, для водворенія переселенцевъ едва-ли окажется возможнымъ, такъ какъ земли эти при дополнительныхъ поземельно-податныхъ работахъ болѣе или менѣе цѣликомъ будутъ укрѣплены за мѣстнымъ

---

[1]) Стр. 37.

[2]) Соображеніе это принадлежитъ ген.-лейт. Н. И. Королькову.

осѣдлымъ населеніемъ. Съ другой же стороны въ орошеніи этихъ земель—весьма возможно—нѣтъ и особой необходимости, такъ какъ земли эти, лежащія уже въ полосѣ предгорій, повидимому вполнѣ пригодны и для посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія [1]). Едва-ли возможно будетъ, также, цѣликомъ отдать подъ русскую колонизацію и могущія быть орошенными земли въ Голодной Степи, такъ какъ здѣсь, несомнѣнно, существуетъ довольно интенсивное пользованіе туземнаго кочевого населенія, и потому подъ указанную и другія государственныя надобности, по принятому порядку, можно будетъ обратить только тѣ земли, которыя можно будетъ признать излишними сверхъ потребностей кочевниковъ (къ этому вопросу я долженъ буду сейчасъ возвратиться). Наконецъ, израсходованіе почти всего запаса свободной воды на усиленіе ирригаціи южной части края преградило-бы или во всякомъ случаѣ—до послѣдней степени ограничило-бы возможность русской колонизаціи нижней части побережья Сыръ-Дарьи, а также дальнѣйшаго осѣданія здѣсь киргизъ, такъ какъ для этого оказалось бы возможнымъ воспользоваться лишь совершенно ничтожнымъ остаткомъ Сыръ-Дарьинской воды [2]). Между тѣмъ, какъ выше было сказано, по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи тянутся болѣе или менѣе сплошныя полосы вполнѣ пригодныхъ для культуры лессовыхъ и лессовидно-глинистыхъ земель, использованіе которыхъ для образованія русскихъ поселеній было бы важно какъ вообще въ интересахъ возможно равномѣрнаго распредѣленія русскаго элемента по территоріи края, такъ и въ частности—

---

[1]) См ниже.

[2]) Еще въ 1896 году, хорошо знакомый съ условіями киргизскаго хозяйства въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области И. В. Аничковъ предостерегалъ противъ слишкомъ широкаго развитія ирригаціонныхъ предпріятій въ Голодной степи. «Ирригація въ данной мѣстности, писалъ онъ, имѣетъ для населенія огромное значеніе, особенно въ виду осѣданія киргизъ; вслѣдствіе этого развивается потребность въ увеличеніи ея размѣровъ и въ усовершенствованіи ея системы, что однако будетъ едва ли возможно при осуществленіи проекта орошенія части Голодной Степи; необходимо, мнѣ кажется, строго обдумать, не представится ли опасности для всей земледѣльческой полосы Казалинскаго и Перовскаго уѣздовъ остаться, вслѣдствіе отвлеченія массы воды по новому направленію, съ очень ограниченною площадью культурной земли; это отразится конечно на благосостояніи всего полукочевого населенія данной мѣстности; не останется, конечно, оно безъ вліянія на орошеніе Чимкентскаго уѣзда съ Туркестанскимъ участкомъ» (статья «Забытый край» въ V томѣ «Матеріаловъ для статист. Сыръ-Дар. обл.», стр 180) Изъ приведенныхъ въ текстѣ данныхъ ясно, что осуществленіе однихъ только работъ по орошенію 45 000 дес въ Голодной Степи не можетъ имѣть подобнаго вліянія. Но слишкомъ сильное развитіе ирригаціи въ южной полосѣ, конечно, отразилось бы неблагопріятно на положеніи какъ коренного населенія сѣвера области, такъ и на возможности русской его колонизаціи.

въ цѣляхъ заселенія района, непосредственно прилегающаго къ Оренбургъ-Ташкентской желѣзной дорогѣ.

Типы ирригаціонныхъ предпріятій: крупныя и мелкія работы

Вопросъ о томъ, въ какихъ, по преимуществу, мѣстностяхъ должны быть предпринимаемы оросительныя работы, тѣсно связывается съ другимъ вопросомъ—именно, о *типахъ* тѣхъ ирригаціонныхъ работъ, которыя должны быть предпринимаемы въ интересахъ русской колонизаціи края. Какъ извѣстно, въ наибольшей мѣрѣ используются въ настоящее время для цѣлей орошенія небольшія рѣчки, стекающія съ горъ и, при значительномъ паденіи, представляющія особыя удобства для проведенія оросительныхъ канавъ,—эти рѣчки, нерѣдко, расходуются до послѣдней капли на поливъ полей туземнаго населенія. Нѣсколько въ меньшей степени использованы болѣе значительныя рѣки, вытекающія изъ горъ и впадающія въ Аму и Сыръ-Дарью,—изъ нихъ выведено уже много оросительныхъ каналовъ и ихъ водами орошаются весьма значительныя культурныя площади. Въ наименьшей же мѣрѣ используются воды самыхъ главныхъ рѣкъ края—Аму и Сыръ-Дарьи: «запасъ ирригаціонной воды въ этихъ рѣкахъ очень великъ, но въ настоящее время потребляется лишь незначительная часть этого запаса, преимущественно тамъ, гдѣ эти рѣки при своемъ выходѣ изъ горъ имѣютъ еще значительный уклонъ. Въ остальныхъ частяхъ теченія своего, за исключеніемъ низовьевъ Аму, гдѣ расположенъ Хивинскій оазисъ (и тугайной полосы по Сыръ-Дарьѣ) обѣ эти рѣки почти не служатъ ирригаціоннымъ цѣлямъ» [1]). Использованіе водъ этихъ главныхъ рѣкъ края было повидимому болѣе или менѣе непосильно для ирригаціонной техники туземцевъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ исчезла та деспотическая власть прежнихъ туземныхъ правителей края, которая слабость техники возмѣщала огромными массами затрачивавшагося на устройство ирригаціи принудительнаго труда. Для европейской техники необходимыя для использованія этихъ рѣкъ ирригаціонныя работы не представляются конечно непосильными; но онѣ требуютъ, въ видѣ правила, весьма значительныхъ затратъ, колеблющихся между 50 и 100 рублями и составляющихъ въ среднемъ, по дѣлавшимся разсчетамъ, около 60 рублей на десятину могущей быть орошенною земли. «Туземное населеніе Туркестана—говоритъ Директоръ Лѣсного Департамента, т. сов. Никитинъ, въ своемъ отчетѣ по командировкѣ въ Туркестанъ [2]), не направляетъ воды Аму и Сыръ-Дарьи

[1]) Энц. слов., полут. 67, стр. 180

[2]) Стр. 82—83

въ свои ирригаціонные каналы, и даже самыя береговыя полосы ихъ орошаются водою изъ небольшихъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ [1]). Причина этого явленія коренится въ томъ, что обѣ рѣки сильно зарылись въ своемъ легко подвижномъ ложѣ и, при слабости теченія, представляютъ серьезныя препятствія къ пріему изъ нихъ воды въ оросительные каналы. Для пользованія водами изъ этихъ рѣкъ потребовались бы значительныя и дорого стоющія сооруженія, на устройство которыхъ изъ средствъ государственнаго казначейства едва ли представляется возможнымъ разсчитывать [2]); поэтому приходится обратиться для увеличенія площади орошаемыхъ земель къ тѣмъ самымъ небольшимъ (и среднимъ по величинѣ) горнымъ рѣчкамъ, которыя питаютъ нынѣ всю площадь Туркестанскаго орошенія»,—и въ частности заняться усовершенствованіемъ туземной ирригаціонной системы, послѣ котораго «окажется возможность оросить еще громаднѣйшія площади богатѣйшей лессовой почвы».

Разборъ преимуществъ крупныхъ предпріятій

Между тѣмъ вниманіе мѣстныхъ спеціалистовъ направлялось до сихъ поръ именно на *крупныя*, дорого стоющія ирригаціонныя работы (вродѣ работъ въ Голодной Степи), путемъ которыхъ имѣлось въ виду оросить обширныя сплошныя пространства плодородныхъ, при условіи орошенія, степей. Въ пользу подобнаго рода постановки ирригаціонныхъ работъ приводились двоякаго рода соображенія, впрочемъ тѣсно связанныя между собой: указывалось на то, что въ силу мѣстнаго обычая государство, предпринявъ работы для орошенія пустынныхъ пространствъ, по праву «оживленія», пріобрѣтаетъ неограниченное распоряженіе вновь орошаемыми землями и можетъ совершенно не считаться съ какими-бы то ни было правами туземнаго населенія. Затѣмъ, указывалось и на то, что ирригація сплошныхъ обширныхъ пространствъ позволитъ устроить, въ каждой орошенной подобнымъ образомъ мѣстности, сплошное ядро русской колонизаціи и такимъ образомъ избѣгнуть нежелательнаго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вкрапленія отдѣльныхъ русскихъ поселеній посреди сплошныхъ массъ недружелюбно-расположеннаго туземнаго населенія.

Однако, этому доводу едва ли слѣдуетъ придавать рѣшающее значеніе. Если государство, орошая извѣстный значительный районъ,

---

[1]) Изъ приведенныхъ нижеданныхъ видно, что положеніе это требуетъ, въ особенности по отношенію къ лѣвобережью Сыра, существенныхъ поправокъ

[2]). Тоже

тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ исключительное и неограниченное *право* распорядиться по своему усмотрѣнію орошенными землями, — то такое неограниченное распоряженіе не всегда будетъ возможно безъ существеннаго ущерба для законныхъ и всегда ограждаемыхъ Правительствомъ интересовъ туземнаго населенія. Доказательствомъ сказаннаго служитъ исторія образованія русскихъ селеній въ Голодной Степи, на земляхъ, орошенныхъ арыкомъ Императора Николая I. Какъ выше упоминалось, надѣлы отводились этимъ селеніямъ по соображенію исключительно съ желаніями и ходатайствами поселявшихся въ нихъ крестьянъ, не считаясь вовсе съ интересами мѣстнаго кочевого населенія. Какъ серьезно при этомъ были нарушены эти интересы,—видно хотя бы изъ того, также упоминавшагося факта, что киргизамъ въ настоящее время приходится арендовать землю у крестьянъ для зимняго выпаса скота, за что одинъ только Никольскій поселокъ беретъ съ нихъ до 900 рублей въ годъ,—не говоря уже объ очень развитомъ арендованіи киргизами у крестьянъ другихъ угодій. Ущербъ, причиненный туземному населенію образованіемъ сказанныхъ поселковъ, и проистекавшія отсюда постоянныя распри и недоразумѣнія оказались настолько серьезными и обратили на себя такое вниманіе правительственной власти, что въ 1903 году въ Голодную Степь были спеціально командированы поземельно-податные чины для разрѣшенія возникшихъ споровъ и для возможно безобиднаго для обѣихъ сторонъ измѣненія границъ землевладѣнія нѣкоторыхъ поселковъ. Мнѣ думается, что въ будущемъ Правительство, ставящее одною изъ задачъ своей политики на окраинахъ способствованіе постепенному переходу кочевниковъ въ осѣдлое состояніе, не сможетъ дѣйствовать такъ, какъ было поступлено при первоначальномъ водвореніи поселковъ въ Голодной Степи; оно, напротивъ, будетъ и въ подобныхъ случаяхъ, несмотря на свое формальное право «оживителя», руководствоваться тѣмъ же принципомъ, изъ котораго оно исходитъ при русской колонизаціи Степного края — именно, отдавать подъ устройство русскихъ поселеній лишь тѣ земли, которыя, по ближайшемъ мѣстномъ изслѣдованіи, будутъ признаны не необходимыми для туземнаго населенія, — въ этомъ смыслѣ опредѣленно высказалась и главная въ краѣ власть въ отзывѣ своемъ по проекту представленія въ Государственный Совѣтъ по поводу разъясненія ст. 270 Туркестанскаго положенія. А разъ это такъ, то извѣстную и даже вѣроятно значительную часть площади могущихъ

быть орошенными земель, хотя-бы въ той-же Голодной степи, придется оставить кочевникамъ: даже орошенными землями Правительство не сможетъ цѣликомъ распорядиться, а нѣкоторую часть ихъ оно должно будетъ оставить туземному населенію, передъ которымъ иначе была бы совершенно закрыта возможность перехода, даже въ будущемъ, къ осѣдлому образу жизни.

Выводъ въ пользу мелкихъ предпріятій

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ туземнаго населенія крупныя оросительныя работы не представляютъ коренного отличія отъ тѣхъ болѣе или менѣе мелкихъ ирригаціонныхъ работъ, о которыхъ говорится въ отчетѣ т. с. Никитина,—и вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли можно надѣяться создать во вновь «оживленныхъ» мѣстностяхъ сплошные районы русской колонизаціи: и здѣсь русскія поселенія—если не игнорировать интересовъ и будущей судьбы туземцевъ,—придется располагать въ перемѣшку съ угодьями, которыя будутъ оставляемы послѣднимъ и съ ихъ уже существующими или имѣющими возникать, по мѣрѣ осѣданія, поселеніями,—что впрочемъ, какъ показываетъ опытъ заселенія южной части Сыръ-Дарьинской области, и не поведетъ къ особымъ неудобствамъ ни для Русскихъ, ни даже для самихъ туземцевъ.

Такимъ образомъ отпадаетъ существеннѣйшее изъ преимуществъ, которыя многіе приписываютъ ирригаціоннымъ работамъ разсматриваемаго типа. При такихъ условіяхъ необходимо самымъ серьезнымъ образомъ считаться съ финансовою стороною дѣла, съ которою конечно тѣсно связана и самая возможность разсчитывать на сколько нибудь быстрый ходъ русской колонизаціи края, поскольку таковая будетъ основана на искусственномъ орошеніи. Кредиты на орошеніе будутъ отпускаться, конечно, не въ неограниченныхъ размѣрахъ. А между тѣмъ, при данномъ размѣрѣ ассигнованій, веденіе дѣла въ направленіи, указанномъ въ отчетѣ т. с. Никитина, позволитъ во много разъ увеличить размѣръ подлежащей орошенію площади: орошеніе каждой изъ 45,000 десятинъ земли въ Голодной Степи, по смѣтѣ, должно обойтись по 50 рублей, и при такой стоимости оросительныхъ работъ отводъ подъ русскія поселенія орошенныхъ земель, можетъ быть, будетъ дѣйствительно,—какъ неоднократно высказывало Министерство Финансовъ и его мѣстные представители—операціею весьма не выгодною въ финансовомъ отношеніи. Между тѣмъ, многія изъ работъ иного типа обойдутся по 5 (и даже дешевле!) или 10 руб. съ десятины могущей быть орошенною земли. Прини-

мая въ среднемъ стоимость такихъ работъ даже въ 10 рублей (что, по всей вѣроятности, будетъ выше дѣйствительности), на тѣ же средства можно будетъ оросить въ пять разъ больше земли и слѣдовательно водворить во столько же разъ больше русскихъ поселенцевъ. Съ другой стороны, расходъ въ *такихъ* размѣрахъ несомнѣнно окупится, даже съ чисто финансовой точки зрѣнія, тѣмъ прямыми и косвенными доходами, которые казна будетъ извлекать изъ русской колонизаціи края, не говоря уже о значеніи ея въ другихъ, не менѣе важныхъ направленіяхъ. Не считая себя компетентнымъ въ техническихъ вопросахъ, я считаю себя однако не вправѣ умолчать, при этомъ, еще объ одномъ доводѣ, который весьма часто приводится мѣстными дѣятелями, въ томъ числѣ и представителями высшей администраціи края, противъ возведенія значительныхъ и дорого стоющихъ ирригаціонныхъ сооруженій. Доводъ этотъ заключается въ томъ, что выработанная европейскою гидротехническою наукою техника ирригаціонныхъ сооруженій, на которой воспитаны и русскіе инженеры-гидравлики, слишкомъ мало соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ приходится вести ирригаціонныя работы въ Туркестанѣ, мѣстнаго же техническаго опыта въ устройствѣ большихъ сооруженій совершенно не имѣется,— благодаря чему возведенныя согласно всѣмъ указаніямъ научной техники капитальныя сооруженія легко могутъ оказаться не соотвѣтствующими своей цѣли и совершенно не окупить связанныхъ съ ними значительныхъ расходовъ.

Значеніе европейской и туземной техники

Сказанное связывается съ весьма серьезнымъ общимъ вопросомъ о той роли, которую, должны играть при оросительныхъ сооруженіяхъ въ Туркестанскомъ краѣ, съ одной стороны, указанія научной ирригаціонной техники, съ другой—опытъ весьма своеобразной, имѣющей за собою едва-ли не тысячелѣтнюю давность туземной практики ирригаціонныхъ сооруженій.

Недостатки туземной техники

Въ уже цитированномъ отчетѣ т. с. Никитина высказывается совершенно отрицательный взглядъ на туземную ирригаціонную технику. «Подробные осмотры существующей ирригаціонной сѣти, пишетъ въ этомъ отчетѣ Директоръ Лѣсного Департамента [1]), убѣдили меня въ томъ, что туземное населеніе въ силу невысокаго уровня своей ирригаціонной техники пользуется существующими запасами воды весьма нераціонально». Въ частности, составитель

[1]) Стр 82—83.

отчета обращаетъ вниманіе на чрезвычайно несовершенное устройство головныхъ сооруженій оросительныхъ каналовъ, на чрезмѣрную многочисленность отводныхъ или распредѣлительныхъ канавъ и на совершенное незнакомство туземной оросительной системы съ раціональнымъ устройствомъ канавъ для отработанныхъ, сточныхъ водъ, которыя, не находя себѣ примѣненія, зачастую образуютъ болота, служащія источникомъ маляріи и другихъ заболѣваній. [Совершенно отрицательно относятся къ туземной ирригаціонной техникѣ и нѣкоторые изъ спеціалистовъ-гидравликовъ, состоящихъ при Туркестанскомъ Управленіи Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, и въ особенности завѣдывающій ирригаціонною частью инженеръ М. П. Псаревъ [1]). Въ упрекъ туземнымъ оросительнымъ системамъ ставится прежде всего неправильность уклоновъ въ главныхъ и другихъ арыкахъ: уклоны эти либо слишкомъ слабы,—и въ такомъ случаѣ арыки заплываютъ, откуда происходятъ съ одной стороны сокращеніе расхода воды, съ другой—разливы ея и заболачиваніе окружающихъ мѣстностей; либо слишкомъ велики,—благодаря чему арыки зарываются въ мягкій грунтъ, и въ такомъ случаѣ выводъ изъ нихъ воды дѣлается на значительныхъ протяженіяхъ крайне затруднительнымъ или даже невозможнымъ. Въ результатѣ неумѣлаго пользованія происходятъ значительные сбросы воды, обширныя пространства заболачиваются и масса воды пропадаетъ для цѣлей орошенія. Весьма несовершенное устройство головныхъ сооруженій ведетъ къ частымъ ихъ размывамъ; возстановленіе ихъ требуетъ огромныхъ затратъ труда въ видѣ натуральной повинности, которая, притомъ, распредѣляется крайне неравномѣрно въ виду продажности туземной администраціи и систематическаго уклоненія русскихъ переселенцевъ,—гдѣ они есть,—отъ участія въ подобнаго рода работахъ; а нерѣдки и такіе случаи, когда разрушенные водопріемники вовсе не оказывается возможнымъ во-время возстановить, и тогда данная оросительная система цѣлое лѣто или часть его остается совершенно безъ воды, и поля не получаютъ полива. Наконецъ, крайнее несовершенство распредѣлительныхъ приспособленій и отсутствіе какихъ-либо меха-

[1]) Подобный же взглядъ, въ очень категорической формѣ, высказывается и Н А Дингельштедтомъ въ очень многихъ мѣстахъ его «Опыта изученія ирригаціи Туурк. края»—см., напр., т I, стр 85—87, 196—197, 208—209, 241—242, 284—285, 296—297 и др. Однако, и у г. Дингельштедта есть указанія на случаи, гдѣ туземная техника весьма хорошо справлялась со своею задачею (напр, т I, ств. 381, 392, т. II, стр. 144, 280 и др)

ническихъ контрольныхъ аппаратовъ открываетъ широкій просторъ какъ захватамъ воды изъ рѣкъ и рѣчекъ, такъ и всевозможнымъ злоупотребленіямъ при распредѣленіи воды между отдѣльными группами участниковъ въ пользованіи данною оросительною системой.

Ея достоинства.

Значеніе всѣхъ этихъ указаній не подлежитъ, конечно, никакому оспариванію. Но дѣло имѣетъ, повидимому, и другую сторону, въ силу которой слѣдуетъ желать, казалось бы, *не совершеннаго игнорированія туземной ирригаціонной практики, а лишь внесенія въ нее нѣкоторыхъ поправокъ и усовершенствованій, применительно къ усвоеннымъ ирригаціонною наукой указаніямъ техники другихъ странъ*, ушедшихъ дальше впередъ въ ирригаціонномъ отношеніи. Какъ констатируетъ кн. В. М. въ уже неоднократно цитированной статьѣ [1]), туземцы оказываются несостоятельными лишь тогда, когда приходится возводить значительныя ирригаціонныя сооруженія, какъ вслѣдствіе недостатка знаній, такъ и по недостатку средствъ. Но они вполнѣ «умѣютъ пользоваться мелкими рѣчками для устройства орошенія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигли въ этомъ отношеніи прекрасныхъ результатовъ». Однако, даже и въ примѣненіи къ самымъ большимъ рѣкамъ края положеніе о безсиліи туземной техники (а вѣдь до сихъ поръ и европейская техника по отношенію къ Аму и Сыръ-Дарьѣ не успѣла доказать на практикѣ своей пригодности!) можетъ быть принимаемо, повидимому, лишь съ серьезными ограниченіями. По крайней мѣрѣ такой несомнѣнно компетентный спеціалистъ, какъ инж. Н. А. Петровъ [2]), высчитывая стоимость оросительныхъ работъ въ Голодной Степи, оговаривается, что на показанную имъ сравнительно низкую норму расхода «можно разсчитывать лишь въ томъ случаѣ, если сооруженія европейскаго типа будутъ примѣняться только въ цѣляхъ упорядоченія распредѣленія воды между соучастниками въ водопользованіи, да въ случаяхъ неизбѣжной въ томъ необходимости. Всюду же, гдѣ этой крайней надобности не будетъ,—говоритъ г. Петровъ—я предполагаю ограничиться сооруженіями туземнаго типа, которыя въ экономическомъ отношеніи гораздо выгоднѣе». Для всѣхъ остальныхъ водохранилищъ края, до такихъ наиболѣе крупныхъ притоковъ Дарьи, какъ Чирчикъ или Арысь, включительно, туземная техника достаточно оправдала

---

[1]) Стр. 187

[2]) Назв соч., стр 48

себя на практикѣ и — по признанію даже и нѣкоторыхъ изъ работающихъ въ краѣ спеціалистовъ-гидравликовъ [1]) — нуждается только въ извѣстномъ усовершенствованіи, а никакъ не въ рѣшительной замѣнѣ техникою европейской ирригаціи.

Между тѣмъ несомнѣнное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшающее преимущество туземной оросительной техники — это ея крайняя, сравнительно, дешевизна. «Если задаваться цѣлью воздвигать всѣ искусственныя сооруженія по послѣднему слову науки — говоритъ инж. Петровъ, то стоимость работъ можетъ подняться до неопредѣленныхъ размѣровъ; и какъ обанкрутилась компанія предпринимателей, строившихъ каналъ «Кавуръ» (въ Италіи), такъ обанкротился бы и всякій предприниматель, задавшійся подобною цѣлью въ Туркестанѣ. Сравненіе относительныхъ достоинствъ сооруженій европейскихъ и туземныхъ завело бы слишкомъ далеко, — говоритъ далѣе г. Петровъ, — но чтобы не быть вполнѣ голословнымъ въ заявленіи о большей выгодности послѣднихъ, укажу на слѣдующій фактъ: устройство вполнѣ надежнаго водопріемника на Чирчикѣ для арыка Бозъ-су, снабжающаго водою гор. Ташкентъ и его окрестности, обошлось бы, по примѣрному разсчету, въ 600,000 р., между тѣмъ какъ годовой расходъ на временныя туземныя плотины, при помощи которыхъ питается водою этотъ каналъ, составляетъ 4,500 рублей, т. е. менѣе одного процента на капиталъ, необходимый для устройства постоянныхъ сооруженій».

На подобнаго рода разсчеты возражаютъ, правда, что легко разрушающіяся туземныя головныя сооруженія требуютъ огромныхъ затратъ труда въ видѣ натуральной повинности, которая не поддается точному учету и притомъ распредѣляется крайне неравномѣрно между участвующими въ водопользованіи лицами и группами населенія. Но это послѣднее зло требуетъ лишь нѣкотораго улучшенія въ административной сторонѣ ирригаціоннаго дѣла, чрезмѣрность же размѣровъ натуральной повинности едва ли можетъ считаться вполнѣ доказанною; по разсчетамъ завѣдывающаго ирригаціею въ Сыръ-Дарьинской области инж. В. В. Есакова [2]), къ которымъ я не имѣю основанія относиться иначе,

---

[1]) Назову, напримѣръ, строителя канала въ Голодной степи, инженера А. А. Рудинскаго, автора недавно изданнаго «Курса ирригаціи»

[2]) Взгляды г. Есакова по данному вопросу вполнѣ раздѣляетъ г. Военный Губернаторъ области, г.-л. Корольковъ, самъ превосходно знакомый съ ирригаціоннымъ дѣломъ

какъ съ полнымъ довѣріемъ,—годовая стоимость всѣхъ вообще работъ по поддержанію въ порядкѣ головныхъ сооруженій большихъ арыковъ Чирчикской системы не превышаетъ, въ среднемъ, 10 коп., а для наиболѣе удачно заложенныхъ арыковъ—даже 5 копѣекъ на десятину орошаемой земли. Нельзя при этомъ не считаться еще и съ тѣмъ соображеніемъ, что и самыя капитальныя работы по устройству водопріемныхъ сооруженій нисколько не предотвращаютъ возникновенія, въ будущемъ, потребности въ новыхъ, весьма значительныхъ расходахъ. Головныя сооруженія туземнаго типа настолько просты и дешевы, что даже въ случаѣ ихъ полнаго разрушенія возстановленіе ихъ представляется несложнымъ дѣломъ и требуетъ сравнительно небольшихъ расходовъ. А между тѣмъ, какъ бы ни были солидно устроены водопріемники европейскаго типа, при крайней измѣнчивости русла большинства туркестанскихъ рѣкъ и рѣчекъ и неблагопріятныхъ свойствахъ ихъ дна они не гарантированы ни отъ подмыва, ни отъ послѣдствій измѣненія русла рѣки, при которомъ дорого стоившее головное сооруженіе легко можетъ оказаться совершенно безполезнымъ и потребовать замѣны новымъ, столь же дорого стоющимъ сооруженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Головныя сооруженія туземнаго типа [1]) представляютъ затѣмъ существенныя преимущества и въ отношеніи регулированія расхода воды въ каждой данной оросительной системѣ—вопросъ особенно важный и трудный при измѣнчивости уровня воды въ Туркестанскихъ рѣкахъ и рѣчкахъ. Путемъ удлиненія и укорачиванія подпорныхъ плотинъ, устройства временныхъ сбросовъ для спуска лишней воды и т. п. мѣръ, туземцы съ полнымъ успѣхомъ регулируютъ напоръ воды въ свои арыки и используютъ даже самую мелкую воду. Это вполнѣ возможно, правда, и при европейскомъ устройствѣ, — но въ этомъ случаѣ, чтобы использовать минимальную воду, необходимо соотвѣтственно понизить дно головного шлюза, а слѣдовательно и главнаго оросительнаго канала, что поведетъ къ огромному возрастанію строительныхъ расходовъ; такое пониженіе связано притомъ еще и съ тѣмъ неудобствомъ, что при большемъ углубленіи дна главнаго арыка при выходѣ его изъ водохранилища, доступная для орошенія площадь начинается гораздо дальше отъ головы арыка, и слѣдовательно

[1]) Устройство такихъ сооруженій подробно описано у инж. Н. А. Петрова—назв. соч., стр 63—64, 91—96.

безполезная его часть будетъ значительно больше, чѣмъ при повышенномъ его горизонтѣ.

Необходимость согласованія научной техники съ мѣстною практикой

Изложенныя соображенія, которыми я обязанъ главнымъ образомъ г. Военному Губернатору Сыръ-Дарьинской области, г.-л. Корольскову, и завѣдывающему ирригаціею въ области инж. В. В. Есакову, заставляютъ меня всецѣло присоединиться къ высказываемому какъ этими лицами, такъ и большинствомъ мѣстныхъ дѣятелей, убѣжденію въ безусловной необходимости, при предстоящихъ въ краѣ гидротехническихъ предпріятіяхъ, *возможно широко использовать указанія тысячелѣтней туземной ирригаціонной практики, согласовавъ ее, въ предѣлахъ безусловной необходимости, съ указаніями техники европейской ирригаціи.* Такъ, крайне важное значеніе для предотвращенія зарыванія или заплыванія арыковъ, будетъ имѣть правильная нивеллировка; весьма важно, съ точки зрѣнія урегулированія водопользованія, устройство механическихъ распредѣлительныхъ приспособленій; въ мѣстностяхъ съ избыткомъ воды или съ преобладаніемъ рисовыхъ культуръ крайне необходимо устройство правильныхъ стоковъ для отработанной воды; какъ отмѣчено, между прочимъ, въ отчетѣ Ф. П. Никитина, существеннымъ дѣломъ является самая распланировка оросительныхъ системъ съ цѣлью сокращенія числа главныхъ арыковъ и распредѣлительныхъ канавъ, избытокъ которыхъ усиливаетъ безполезный расходъ воды (мѣстами испаряется половина всей воды и болѣе!) и сокращаетъ полезное ея дѣйствіе; наконецъ весьма возможно, что и въ устройство головныхъ сооруженій можно внести тѣ или другія частныя улучшенія. Но—заключая словами инж. Петрова—все это должно ограничиться предѣлами безусловной необходимости, за общее же правило должно быть принято устройство сооруженій туземнаго типа.

Желательная организація ирригаціонныхъ работъ.

Такимъ образомъ, по глубокому моему убѣжденію, *будущность ирригаціи Туркестанскаго края*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ значительной мѣрѣ, и русской его колонизаціи, *не въ крупныхъ оросительныхъ сооруженіяхъ*, воздвигнутыхъ по послѣднему слову европейской техники и задающихся цѣлью оживить, сразу, огромныя пространства земли,—*а въ рядѣ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе мелкихъ предпріятій, не слишкомъ сложныхъ и недорогихъ, осуществляемыхъ въ предѣлахъ возможности, въ соотвѣтствіи съ указаніями туземной оросительной практики.* Независимо отъ другихъ преимуществъ, такая постановка дѣла выгодна и въ томъ отношеніи, что позво-

ляетъ значительно ускорить ходъ дѣла какъ въ подготовительной, такъ и въ исполнительной его стадіи. Какъ извѣстно, выработка проектовъ крупныхъ оросительныхъ сооруженій и ассигнованіе потребныхъ суммъ требуетъ весьма сложной и продолжительной процедуры по составленію проектовъ, разсмотрѣнію ихъ разными инстанціями и т. п. Само исполненіе неизбѣжно растягивается на много лѣтъ, въ теченіе которыхъ подъ орошеніе не поступаетъ, въ данной мѣстности, ни одной пяди земли. Тѣ болѣе мелкія работы, на которыя я считалъ-бы необходимымъ перенести центръ тяжести, могутъ быть выполнены, каждая въ отдѣльности, въ сравнительно короткое время, и слѣдовательно — разъ работы такого типа будутъ вестись систематически — подъ орошеніе будетъ ежегодно поступать, въ томъ или другомъ районѣ, то или другое количество земли. А такъ какъ размѣры ассигнованія на каждое такое предпріятіе будутъ исчисляться не милліонами, а десятками, или самое большое — сотнями тысячъ десятинъ, то казалось бы не только возможнымъ, но безусловно необходимымъ потребныя для подобнаго рода работъ средства не ассигновать въ отдѣльности на каждую подобную работу,—а отпускать въ распоряженіе Главной мѣстной Власти извѣстные общіе кредиты, съ тѣмъ, чтобы предварительныя соображенія на каждое отдѣльное предпріятіе, а затѣмъ—и болѣе подробныя смѣтныя предположенія, разсматривались на мѣстѣ и утверждались Генералъ-Губернаторомъ по предварительномъ разсмотрѣніи въ его Совѣтѣ, при соблюденіи такихъ условій, которыя, не задерживая хода дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировали-бы финансовую правильность расходованія тѣхъ суммъ, которыя будетъ признано возможнымъ отпускать на орошеніе предназначаемыхъ подъ русскую колонизацію земель.

Всецѣло присоединяясь такимъ образомъ къ мыслямъ, высказаннымъ—какъ выше изложено—въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента, по вопросу о желательномъ направленіи ирригаціоннаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ, поскольку таковое связано съ интересами русской колонизаціи, я считаю еще долгомъ отмѣтить, что подобное направленіе соотвѣтствовало-бы не только взглядамъ высшей мѣстной администраціи, но также и дѣйствительному ходу развитія туземной ирригаціонной сѣти, а также той практикѣ, которой администрація держалась при устройствѣ русскихъ поселеній въ краѣ, поскольку для этой цѣли не оказывалось возможнымъ воспользоваться вполнѣ готовыми ирригаціонными системами. «Для устрой-

ства селеній, говоритъ г. Гейеръ [1]) — при скудномъ отпускѣ средствъ на водвореніе переселенцевъ, необходимо отыскивать такіе участки земли, которые или совсѣмъ не требуетъ расхода на устройство искусственнаго орошенія, или же позволяютъ обводнить себя съ помощью не дорого стоющаго расширенія каналовъ уже дѣйствующей ирригаціонной системы». Тѣмъ-же путемъ шло и развитіе туземной ирригаціонной сѣти, которая растетъ и улучшается безпрерывно, усиліями самихъ туземцевъ. Какое значеніе имѣютъ подобнаго рода частичныя улучшенія и исправленія, видно на примѣрѣ Ташкентскаго уѣзда; здѣсь при организаціонныхъ работахъ 1869 г. оказалось 89 тыс. десятинъ орошенныхъ земель, въ настоящее время ихъ насчитывается 270 тыс.; между тѣмъ новыхъ арыковъ (кромѣ небольшого арыка Искандеръ) въ Ташкентскомъ уѣздѣ не сооружалось, и такимъ образомъ возрастаніе болѣе нежели втрое орошаемой площади достигнуто исключительно путемъ улучшенія и расширенія существовавшихъ ранѣе оросительныхъ системъ.

Районы для не крупныхъ оросительныхъ предпріятій.

Трудно, конечно, опредѣленно сказать, что̀ именно и сколько можно еще сдѣлать, идя дальше по тому-же пути. Среди мѣстныхъ дѣятелей и въ частности—среди спеціалистовъ-гидравликовъ довольно распространено мнѣніе, что методъ постепеннаго улучшенія и расширенія существующихъ ирригаціонныхъ системъ и вообще—некрупныхъ и недорого стоющихъ работъ уже сыгралъ свою роль, и что въ настоящее время для подобнаго рода предпріятій уже не остается мѣста. Полагаютъ именно, что все, что̀ можно было сдѣлать въ этомъ направленіи, уже сдѣлано туземцами; что неиспользованными для цѣлей орошенія остались лишь такія мѣстности, которыхъ топографическія условія менѣе благопріятны для вывода оросительныхъ каналовъ и орошеніе которыхъ возможно поэтому не иначе, какъ путемъ болѣе сложныхъ работъ и при значительно бо̀льшихъ затратахъ. Однако, это мнѣніе едва-ли можно считать достаточно обоснованнымъ. Конечно, полныя и исчерпывающія данныя по разсматриваемому вопросу дастъ только то спеціальное изслѣдованіе существующихъ ирригаціонныхъ системъ, которое было проектировано въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента и которое и я, со своей стороны, считаю безусловно необходимымъ. Но уже и въ настоящее время имѣется не мало указаній какъ на

[1]) «Голодъ и колониз», стр 2

возможныя работы по исправленію и расширенію существующихъ ирригаціонныхъ системъ, такъ даже и на новыя оросительныя сооруженія или чаще—работы по возстановленію заброшенныхъ системъ, когда-то дѣйствовавшихъ у туземцевъ, — которыя могли бы быть предприняты въ различныхъ мѣстностяхъ, безъ особенно сложныхъ сооруженій и безъ слишкомъ значительныхъ расходовъ. Я позволю себѣ привести здѣсь главнѣйшія указанія, собранныя мною по данному вопросу, по преимуществу—почерпнутыя изъ сообщеній представителей мѣстной администраціи и спеціалистовъ по ирригаціонной части, частью же извлеченныя изъ литературныхъ источниковъ.

Ташкентскій уѣздъ.

Наиболѣе благопріятныя условія для расширенія существующихъ оросительныхъ системъ представляетъ Ташкентскій уѣздъ. Здѣсь, какъ было отмѣчено еще въ отчетѣ ген.-ад. фонъ-Кауфмана. имѣется несомнѣнный избытокъ воды, о которомъ свидѣтельствуютъ значительные сбросы, а также обширныя при-Чирчикскія и Ангренскія болота, образовавшіяся частью путемъ такихъ сбросовъ, частью же—и благодаря неурегулированнымъ разливамъ Чирчика и Ангрена. Извѣстный знатокъ ирригаціи края, Н. А. Дингельштедтъ высчитывалъ, что ирригація на счетъ водъ р. Чирчика «можетъ быть усилена болѣе чѣмъ вдвое» и способна оживить еще болѣе 200 тыс. десятинъ [1]). Въ отношеніи способовъ использованія избыточныхъ водъ Ташкентскій уѣздъ представляетъ также весьма выгодныя условія. Такъ, по разсчету инж. Есакова, съ затратою не свыше 5 руб. на десятину возможно расширить верхнюю часть арыка Бозъ-су, чѣмъ будетъ достигнута возможность вновь оросить до 30 тыс. десятинъ; работа эта настолько проста, что одинъ ишанъ предлагалъ выполнить ее собственными силами и средствами населенія. Въ нижней части того-же арыка Бозъ-су, по разсчетамъ бывшаго арыкъ-аксакала нижне-бозсуйской системы г. Лундинга, [2]) также

---

[1]) Т. I, стр. 161, т II, сор. 152.

[2]) Г Лундингъ сообщилъ мнѣ свои соображенія въ видѣ краткой записки, которую я, въ виду представляемаго ею интереса, позволяю себѣ привести здѣсь полностью

«За почти семилѣтнее завѣдываніе мною, въ Ташкентскомъ уѣздѣ, ирригаціонными системами Бектемирской, а затѣмъ Нижне-Бозсуйской, я на основаніи нижеприведенныхъ соображеній, могу представить слѣдующія, приблизительныя данныя о количествѣ свободной воды и земель въ этомъ районѣ:

1) По Бектемирской системѣ:

«Бектемирскій ирригаціонный районъ, а въ особенности волости: Ганбатинская, Майдантальская и часть Османатинской, изобилуютъ водою Причирчикская

возможно оросить безъ особыхъ затратъ до 4,000 десятинъ, и приблизительно столько же—въ нѣсколькихъ урочищахъ по выведен-

часть Ганбагинской и Майдантальской волостей почти исключительно занята рисовой культурой и сильно заболочена

«По главному каналу (арыку) системы «Бектемиръ», питающему большія болота, называемыя туземцами «Сары-су», безъ особыхъ затратъ можно увеличить постоянный расходъ на 150—200 сек.-футъ, по нижнему же теченію этого арыка и въ окружности болотъ «Сары-су», въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, три довольно крупныхъ участка (300—500 дес.) и рядъ мелкихъ, въ общей сложности не менѣе *2000 дес* оставленной по разнымъ причинамъ (малярія, недостатокъ средствъ и проч.), сравнительно недавно обрабатываемой земли — По арыку «Буке — Ямань-Ямбурчи», а также по сосѣднему съ нимъ арыку «Акъ-кой-Суйганъ», Майдантальской волости, нетрудно оросить (такъ какъ на этихъ земляхъ, довольно хорошо сохранились оросительныя канавы и слѣды обработки), около *3000 дес*, большею частію въ одномъ мѣстѣ сгруппированныхъ земель. — По арыкамъ – «Ужакентъ», «Аджике», «Токабай» и отчасти «Муратъ-Багысъ», въ районѣ дачъ ауловъ Киръ, Узакъ и Чокъ-агачь, я полагаю, найдется не менѣе *3000* дес. отдѣльными большими участками, удобной для орошенія земли

2) По Нижне-Бозсуйской системѣ.

«Далеко нѣтъ такого изобилія воды и легко оросимыхъ, свободныхъ участковъ, какъ по Бектемирской системѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, скорѣе чувствуется недостатокъ ея, такъ напримѣръ въ арыкахъ «Чапанъ-ата», «Канкузъ», «Чала», «Канглы» и другихъ, получающихъ воду изъ арыка «Ангаръ», въ аулѣ Катарталъ, Зангатинской волости, однимъ сек.-футомъ орошается *до 50 дес* сухихъ посѣвовъ.

«По арыку «Джунъ», той же волости, можно оросить свободной земли около *2000 дес* (въ аулѣ Каунчи въ одной дачѣ *до 800 дес*, въ аулѣ Иски-Ташкентъ и Сары-су, Чиназской волости, въ однихъ участкахъ, по *600—700 дес.*), но для этого потребуются довольно серьезныя работы по возобновленію старыхъ, давно заброшенныхъ отводовъ и проведенію новыхъ

«По арыку «Иски-Ташкентъ» (Алтай), Чиназской волости, въ нижней части его, расположено около *800 дес* прежде обрабатываемой земли, орошеніе которой прекратилось съ проведеніемъ линіи Средне-Азіатской жел. дор. перерѣзавшей этотъ арыкъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сифономъ и мостами Земли эти можно оросить вновь, но для этого потребуется, по приблизительному расчету, около 15,000 рублей единовременной затраты

«По арыку «Чирчикъ», Чиназской волости, возобновленному въ 1900 году и имѣющему водопріемникъ непосредственно въ рѣкѣ Чирчикѣ, легко можно оросить еще (ж) *300—400 дес* свободной земли

«По главному арыку системы «Бозсу», вслѣдствіе высокихъ береговъ, въ которыхъ въ этой части проходитъ арыкъ, почти постоянно непроизводительно сбрасывается въ р Чирчикъ, 200 — 250 сек.-фут. воды Арыкъ «Бозсу», мѣстами имѣя большой уклонъ и проходя по слабому грунту, замѣтно зарывается; этимъ пониженіемъ горизонта воды въ магистральномъ каналѣ и объясняется уничтоженіе водопользованія по отводнымъ арыкамъ «Рамоданъ» и «Ишань», Чиназской волости, аула Сары-су, и по арыкамъ аула «Алты-ай-тепе» Алтыновской волости, для которыхъ подымать воду, плотинами туземнаго типа, изъ арыка «Бозсу» становилось годъ отъ года труднѣе и труднѣе, а въ послѣдніе 5—6 лѣтъ и совсѣмъ не по силамъ для туземцевъ

«По обѣ стороны арыка «Бозсу» найдется не менѣе 4000 дес. свободной, удобной для обработки земли, которую можно было-бы оросить непроизводительно сбрасываемой теперь водою арыка «Бозсу»; но для этого потребуются значительныя затраты».

нымъ изъ Бозъ-су второстепеннымъ арыкамъ. По подсчету того-же г. Лундинга, завѣдывавшаго также и такъ называемою Бектемирскою системой, эта послѣдняя сбрасываетъ тоже до 150—200 секундо-футъ воды, которою можно легко оросить въ нѣсколькихъ намѣченныхъ названнымъ техникомъ урочищахъ, до 8,000 дес. земли. Возможно также значительно усилить орошеніе по системѣ арыка Заха. Здѣсь, въ послѣднее время, совершенно прекратилась разработка полей на послѣднихъ верстахъ протяженія арыка, такъ какъ воды его разбираются въ верхней части его теченія [1]); но при несложныхъ работахъ по расширенію этого арыка культурная полоса можетъ быть, по соображеніямъ инж. Есакова, удлиннена на 35—40 верстъ и доведена до самой Сыръ-Дарьи,—при чемъ стоимость работъ и здѣсь не превыситъ 5 рублей на десятину. Сравнительно очень мало можно, повидимому, сдѣлать для расширенія третьей большой оросительной системы Ташкентскаго уѣзда—арыка Ханымъ, который уже былъ расширенъ, въ предѣлахъ возможности, на средства Великаго Князя Николая Константиновича. Напротивъ, значительно развить можно систему арыка Искандеръ. Въ непосредственной близости этого арыка имѣется правда, не болѣе 30.000 дес. земли доступной для полива, которая и можетъ быть орошена съ затратой не болѣе 8 рублей на десятину. Но представляется вполнѣ возможнымъ перебросить воды этого арыка черезъ рѣку Келесъ [2]),— и въ такомъ случаѣ размѣры вновь орошенной площади могутъ быть доведены до 100 тыс. десятинъ, стоимость же работъ возрастетъ (благодаря дороговизнѣ устройства пропуска воды черезъ Келесъ) до 10 рублей на десятину. Такимъ образомъ расширеніе оросительныхъ системъ, берущихъ воду изъ Чирчика, можетъ, дѣйствительно, увеличить площадь орошенія по крайней мѣрѣ на 200 тыс. десятинъ, причемъ уничтоженіе этимъ путемъ сбросовъ и заболоченности приведетъ къ улучшенію культурныхъ и санитарныхъ условій въ Ташкентѣ и его окрестностяхъ.

Затѣмъ, въ предѣлахъ того-же Ташкентскаго уѣзда намѣчаются еще слѣдующія болѣе или менѣе легко осуществимыя оросительныя предпріятія: расширеніе системы арыка Дальверзина—одного изъ немногихъ, берущихъ воду непосредственно изъ Сыръ-Дарьи: здѣсь, какъ было въ свое время подсчитано инж. Петро-

---

[1]) См у Дингельштедта, т. II, стр. 148.

[2]) См. тамъ-же, стр 189

вымъ [1]), путемъ нѣкоторой разработки арыка можетъ быть обращено въ постоянно обрабатываемыя земли до 14.000 дес. перелоговъ, съ присоединеніемъ къ нимъ небольшого количества земель, могущихъ вновь поступить подъ культуру.—по разсчетамъ-же Н. А. Дингельштедта расширеніе этой системы можетъ дать даже до 50 тыс. десятинъ культурной земли [2]). Возможно, повидимому, использованіе путемъ устройства водохранилища весеннихъ водъ р. Ангрена, которыя въ настоящее время не только сбѣгаютъ, въ значительной своей части, безъ всякой пользы для орошенія, но приносятъ даже большой вредъ, заболачивая значительную часть расположенныхъ въ окрестностяхъ этой рѣки степныхъ земель. Большія удобства для устройства подобнаго же водохранилища представляютъ верховья рѣчки Чатана, впадающей въ Іскемъ, одинъ изъ истоковъ Чирчика [3]).

Уѣзды Чимкентскій и Ауліеатинскій считаются, говоря вообще, несравненно болѣе бѣдными водою, нежели Ташкентскій уѣздъ. Однако, для полосы, лежащей по Аульеатинскому тракту и южнѣе, наличность избытковъ воды не можетъ подлежать сомнѣнію. Въ многократно цитированномъ трудѣ Н. А. Дингельштедта, напримѣръ, прямо указывается, что Чимкентскій уѣздъ, хотя въ немъ и «чувствуется недостатокъ въ водѣ», въ то-же время «богатъ мало эксплоатируемыми, безплодно пропадающими для сельскаго хозяйства уѣзда, водными источниками»; въ частности, «масса неиспользованной воды» имѣется, по свидѣтельству этого автора, въ бассейнѣ Арыси, который представляетъ богатую будущность для развитія ирригаціи. Въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству также Н. А. Дингельштедта, «воды всегда достаточно — иногда настолько много, что съ избыткомъ ея приходится бороться»; въ частности, культура «далеко не исчерпываетъ воднаго запаса

---

[1]) Назв соч., стр 52

[2]) Т II, стр 208.

[3]) Надо впрочемъ замѣтить, что къ этому способу использованія весеннихъ водъ, какъ «дорогому и связанному съ большимъ рискомъ», большинство техниковъ относится съ большимъ сомнѣніемъ (см. Петровъ, назв соч., стр. 56) Помѣщенныя въ текстѣ указанія относительно возможности устройства водохранилищъ заимствованы главнымъ образомъ изъ сообщеній гг. Гейера и Шкапскаго и относятся къ такимъ случаямъ, когда, по свидѣтельству этихъ лицъ, а также по моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, условія мѣстности особенно благопріятствуютъ устройству водохранилищъ Такіе же случаи отмѣчены и у Дингельштедта (т. I, стр 169, 210—211; т. II, стр. 297), который, вообще, не раздѣляетъ скептическаго отношенія техниковъ къ данному вопросу.

р. Таласа»—гдѣ, по подсчету Н. А. Дингельштедта, расходуется не болѣе половины общаго количества воды; что касается до такихъ рѣчекъ, какъ Урмаралъ, Асмара, Аса и др,—то «едва ли одна десятая часть ихъ водъ расходуется производительно, а девять десятыхъ текутъ безъ всякой пользы» [1]). Наличность въ южной полосѣ этихъ уѣздовъ избытковъ воды неопровержимо доказывается чрезвычайною — какъ выше было упоминаемо — распространенностью сдачи киргизами земель въ аренду, — причемъ сдаются по большей части орошаемыя земли, вмѣстѣ съ правомъ на необходимую для полива воду; при этомъ ни отъ представителей мѣстной администраціи, ни со стороны населенія, я не получалъ указаній на то, чтобы разборъ воды въ верхнихъ теченіяхъ рѣчекъ для полива арендныхъ пашенъ былъ связанъ съ какимъ-либо ущербомъ для крестьянъ ниже лежащихъ селеній или имѣющихъ запашки, также ниже по теченіямъ рѣчекъ, киргизъ. Не мало имѣется и конкретныхъ, хотя и слишкомъ отрывочныхъ, указаній на мѣстности, гдѣ наличность свободной воды допускаетъ устройство новыхъ или расширеніе старыхъ оросительныхъ системъ. Такъ, въ трудѣ И. В. Мушкетова [2]) указывается на изобиліе свободной воды въ бассейнѣ р. Бадама и по Сайрамскому нагорью. Г. Гейеръ въ одной изъ своихъ работъ указываетъ на возможность возстановленія нѣсколькихъ арыковъ въ среднемъ теченіи р. Арыси [3]),—каковыя предположенія впрочемъ частью уже осуществились. Тотъ-же г. Гейеръ указывалъ мнѣ на легкую возможность устройства водохранилища на р. Машатѣ,—а проживающіе въ пос. Антоновкѣ «билетные» сообщали мнѣ, что изъ этой рѣчки можно использовать еще по крайней мѣрѣ 45 «кулаковъ» воды—количество, достаточное для орошенія, даже по принятымъ нынѣ весьма щедрымъ нормамъ полива, 1,350 десятинъ: по словамъ этихъ крестьянъ, расходъ воды въ Машатѣ у Антоновки въ ирригаціонный періодъ достигаетъ 60 «кулаковъ»; изъ нихъ используется антоновцами не свыше 13 «кулаковъ», остальная же вода остается неиспользованною. Безъ особыхъ затрудненій можно, повидимому, устроить водохранилище въ ущельѣ на рѣчкѣ Куюкъ, водами которой, въ такомъ случаѣ, возможно будетъ оросить весьма значительную площадь ниже лежащей превосходной степи. Рѣка Таласъ,

---

[1]) Т. I, стр 162, 164, т. II, стр. 277, 389, 413 и др

[2]) Стр. 407, 426.

[3]) «Голодъ и колонизація», стр. 27.

по разсчету инж. Петрова, можетъ оросить еще до 50 тыс. десятинъ. Въ частности, напримѣръ, въ надѣлѣ пос. Александровскаго остается неразработанною площадь въ 800 дес. ранѣе орошавшаяся и обрабатывавшаяся киргизами; сами крестьяне брались возстановить обслуживавшій эту площадь арыкъ, но требовали за это значительной субсидіи, —а нѣмцы изъ расположенныхъ неподалеку меннонитскихъ поселковъ предлагали крестьянамъ взять этотъ трудъ на себя за право въ теченіе шести лѣтъ воспользоваться орошенными землями. Для орошенія водами Таласа было намѣчено, между прочимъ, урочище Бишъ-Агачъ, недалеко отъ Ауліеата, и былъ даже составленъ проектъ оросительнаго канала для этой мѣстности, по которому стоимость орошенія была исчислена въ 4000 рублей, а орошаемая площадь предполагалась въ 250—300 десятинъ. Цѣлый рядъ запрудъ возможенъ повидимому [1]) въ верхнемъ теченіи впадающей въ Таласъ р. Асы и по нѣкоторымъ другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Таласъ въ нижнемъ его теченіи; въ частности, большой интересъ представляла бы подпруда озера Бійли-куль, запруда при выходѣ Асы изъ оз. Акъ-куль и т. д.

Сѣверная часть Сыръ-Дарьинской области.

Если затѣмъ обратиться къ сѣвернѣе лежащимъ мѣстностямъ Сыръ-Дарьинской области, то прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе такъ называемая Отрарская степь, окружающая развалины древняго города Отрара. Здѣсь, на пространствѣ до 6.000 дес., сохранились слѣды древней ирригаціонной сѣти, выводившей воду изъ нижняго теченія Арысп. Но оросить возможно здѣсь значительно болѣе обширную площадь: для этой мѣстности составленъ уже проектъ устройства орошенія, которое должно оживить площадь до 20 тыс. дес. и обойтись, по проекту, въ 1.100,000 рублей. Но по единодушному мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ и лицъ, свѣдущихъ въ техникѣ дѣла, разсчетъ этотъ чрезвычайно преувеличенъ; какъ сообщалъ мнѣ знакомившійся съ сдѣланными разсчетами инженеръ путей сообщенія г. Кларе, стоимость орошенія Отрарской степи легко можетъ быть доведена, даже при европейскихъ типахъ сооруженій, до 25 рублей за десятину,—при примѣненіи же туземныхъ пріемовъ она можетъ быть, несомнѣнно, еще значительно понижена; насколько легко было-бы орошеніе разсматриваемой мѣстности, видно изъ того, что по иниціативѣ одного

[1]) Сообщено бывшимъ Ауліеатинскимъ уѣзднымъ начальникомъ генералъ-маіоромъ Калауромъ.

нынѣ умершаго ишана киргизы брались сами провести оросительные каналы и даже обязывались уступить извѣстную часть орошенной ихъ трудами площади подъ устройство русскаго поселенія [1]).

Лежащій дальше на сѣверо-западъ Туркестанскій районъ. обнимающій сѣверную часть Чимкентскаго уѣзда, гораздо бѣднѣе водой,—и даже мѣстное населеніе, несомнѣнно, испытываетъ въ ней недостатокъ. Объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ видѣнныя мною по обѣимъ сторонамъ Каратаускаго хребта огромныя площади совершенно некультурныхъ степей, при весьма удовлетворительныхъ, повидимому, почвенныхъ условіяхъ,—равно какъ и огромныя площади перелоговъ, изъ которыхъ только десятая или пятнадцатая часть поочередно орошается имѣющимися запасами воды; о томъ-же свидѣтельствуютъ и такія явленія, какъ весьма скупой поливъ посѣвовъ, какъ устроенныя вездѣ, гдѣ только возможно, мелкія запруды для удержанія весеннихъ водъ въ стекающихъ съ горъ небольшихъ ручейкахъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, и относительно этой мѣстности имѣются нѣкоторыя указанія на возможность увеличенія запасовъ ирригаціонной воды и расширенія площади орошенія. Такъ, старожилъ-хуторянинъ Гудковъ, на котораго я уже ссылался въ предыдущемъ изложеніи, сообщалъ мнѣ, что въ стекающихъ съ Каратаускихъ горъ небольшихъ рѣчкахъ далеко не вся вода использована, и что часть ея могла-бы быть обращена на расширеніе орошаемой площади. Арыкъ-аксакалъ г. Шефферъ сообщалъ мнѣ, что недостатокъ воды проистекаетъ въ значительной мѣрѣ отъ того, что богатые киргизы и сарты захватили въ свое исключительное владѣніе всѣ ключи и не даютъ ихъ разрабатывать, между тѣмъ какъ такая разработка при очень незначительной затратѣ труда могла бы во многихъ случаяхъ очень увеличить расходъ воды изъ подобныхъ ключей. Одинъ изъ инженеровъ по постройкѣ желѣзной дороги, на основаніи своихъ изысканій, высказывалъ мнѣ убѣжденіе, что ключевая и весьма неглубоко залегающая подпочвенная вода могла-бы быть въ довольно широкихъ размѣрахъ использована для цѣлей орошенія [2]). Суще-

---

[1]) По словамъ Н. А. Дингельштедта, возстановленіе орошенія Отрарской степи «не можетъ представить какихъ-либо затрудненій» (т II, стр. 311).

[2]) Н. А. Дингельштедтъ свидѣтельствуетъ, что отроги Каратау изобилуютъ горными потоками и ключевою водой, и сообщаетъ о рядѣ работъ по расчисткѣ ключей, съ блестящимъ результатомъ исполненныхъ уѣзднымъ начальникомъ Абгралемъ (т. II, стр. 277 и 287)

ствуетъ и нѣсколько болѣе или менѣе разработанныхъ проектовъ искусственныхъ ирригаціонныхъ сооруженій: такъ, проектирована подпруда расположеннаго невдалекѣ отъ Туркестана озера Текекуль, которая, при ничтожной затратѣ въ нѣсколько тысячъ рублей, обѣщаетъ доставить воду для орошенія нѣсколькихъ тысячъ десятинъ къ западу и юго-западу отъ этого озера; проектируются также подпруды ручьевъ Ташлана и Урунчая; существуютъ и предположенія, впрочемъ недостаточно еще разработанныя, относительно улучшенія арычной системы, питающей городъ Туркестанъ,—чѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, можетъ быть достигнуто въ сказанной мѣстности весьма значительное расширеніе культурной площади. Но всѣ возможные способы расширенія и улучшенія ирригаціи Туркестанскаго района едва-ли на много увеличатъ его поливную площадь,—и въ виду того несомнѣннаго недостатка въ водѣ, который испытываетъ здѣсь туземное населеніе, позволительно сомнѣваться въ томъ, чтобы сколько-нибудь существенная часть этой воды могла быть обращена на устройство русскихъ поселеній.

Напротивъ, въ предѣлахъ ниже лежащихъ по теченію Сыръ-Дарьи Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ ощущается не недостатокъ, а скорѣе избытокъ воды,—причемъ естественныя условія мѣстности до крайности облегчаютъ выводъ ея для орошенія. Какъ было констатировано, между прочимъ, Мушкетовымъ [1]), Сыръ-Дарья, какъ и Аму-Дарья, въ нижнемъ своемъ теченіи, протекаетъ въ собственныхъ своихъ наносахъ — не только не ниже, но даже выше уровня окружающей степи. Поэтому, вывести здѣсь воду изъ Сыра очень нетрудно — трудно только бороться съ прорывами и съ затопленіемъ посѣвовъ и селеній. Какъ легко и быстро справляются здѣсь киргизы съ выводомъ воды [2]), видно хотя бы изъ того, что въ какихъ-нибудь 20 лѣтъ площадь посѣвовъ въ Перовскомъ и Казалинскомъ уѣздахъ возросла съ 8,000 до 100,000 слишкомъ десятинъ. Мѣстною администраціею еще въ началѣ 90-хъ годовъ былъ намѣченъ по правобережью Сыръ-Дарьи рядъ пунктовъ, которые могли-бы быть весьма легко орошены путемъ удлиненія и уширенія существующихъ арыковъ (напр. арыка Чійли, питающаго водою Скобелевскій и Джулекскій поселки) и устройства новыхъ

---

[1]) Назв соч. стр. 580 и др.

[2]) Джулекскій участокъ Перовскаго у.—«образецъ быстраго развитія довольно большой системы орошенія» (Дингельштедтъ, т. II, стр 389)

арыковъ; въ предѣлахъ одного только Перовскаго уѣзда, по даннымъ, сведеннымъ Н. А. Дингельштадтомъ [1]), по правому берегу намѣчено къ орошенію 13,600 десятинъ, въ 14 урочищахъ, въ каждомъ отъ 200 до 3,000 дес., причемъ стоимость работъ по орошенію 10,600 дес. исчислена въ 28,265 руб., т. е. въ среднемъ менѣе 3 руб. на десятину. Сверхъ того, сплошное пространство въ 10 тыс. дес. можетъ быть орошено вдоль тракта между станціями Дмитріевскою и Семеновскою, — но стоимость работъ здѣсь нѣсколько выше — 90,000 руб. или 9 руб. за десятину [2]). Не можетъ подлежать сомнѣнію, что путемъ нивеллировокъ могло быть обнаружено гораздо большее количество мѣстностей, орошеніе которыхъ водами Дарьи не представило бы никакихъ затрудненій и обошлось бы чрезвычайно дешево. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы изыскать для поселенія и посѣвовъ мѣста, безопасныя отъ затопленія, или могущія быть огражденными путемъ не слишкомъ дорогихъ защитныхъ сооруженій. Старыми изысканіями инж. Петрова были намѣчены и другія пространства, могущія быть безъ значительныхъ затратъ орошенными насчетъ водъ Сыра. Такъ, по словамъ г. Петрова [3]) могутъ быть орошены въ долинѣ стараго русла Яны-Дарьи низины, окружающія оз. Далакуль и смежныя съ нимъ пространства, площадью всего не менѣе 30,000 десятинъ, причемъ стоимость этихъ работъ исчислена въ 90,000 рублей, или по 3 рубля на десятину [4]); къ сѣверу отъ Казалинска могутъ быть орошены земли между Сыръ-Дарьей, ея разливами и песками, составляющими преддверіе песковъ Каракумъ; здѣсь г. Петровъ проектируетъ оросить, въ нѣсколькихъ урочищахъ, также не менѣе 30 тысячъ десятинъ, съ затратою не болѣе 5 рублей на десятину. «Если бы нашлась вода, оговаривается при этомъ г. Петровъ, то къ сѣверу отъ Казалинска можно было бы оросить земли безъ сравненія болѣе: Сыръ-Дарья на разстояніи 85 верстъ за Казалинскомъ описываетъ большую луку; мѣстность внутри этой луки весьма низка; она отдѣляется отъ рѣки гребнемъ береговой возвышенности, вслѣдствіе прорывовъ котораго представляетъ болото, поросшее кустами и густымъ, высокимъ камышомъ; по разборѣ воды въ верховьяхъ

---

[1]) Т. I, стр 401—403.
[2]) Тамъ-же, стр 404.
[3]) Назв. соч., стр. 53.
[4]) Тамъ-же, стр. 375, 383—384.

болота эти осушатся сами собою и дадутъ площадь до 50,000 дес., вполнѣ удобныхъ для земледѣлія».

Большого вниманія заслуживаетъ затѣмъ, въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области, и все вообще лѣвое побережье Сыръ-Дарьи, между Дарьинскими тугаями и песками Кызылъ-кумъ: какъ уже упоминалось, вся эта полоса изрѣзана старыми, въ громадномъ, большинствѣ заброшенными арыками,—и возстановленіе если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ изъ нихъ не представитъ затрудненій и обойдется недорого. такъ какъ этотъ лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи значительно ниже праваго и, слѣдовательно, можетъ быть орошенъ при несравненно меньшей глубинѣ арыковъ. По даннымъ Н. А. Дингельштедта, въ предѣлахъ одного только Чимкентскаго уѣзда можетъ быть легко орошено, въ четырехъ урочищахъ, 200 тыс. дес., причемъ стоимость работъ исчисляется тѣмъ-же авторомъ всего въ 170,000 рублей или кругомъ—85 коп. на десятину [1]).

Наконецъ, чтобы покончить съ имѣющимися въ моемъ распоряженіи указаніями относительно тѣхъ ирригаціонныхъ работъ, которыя, съ болѣе или менѣе незначительными затратами, могли бы быть предприняты въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области, необходимо упомянуть еще о бассейнѣ рѣки Чу. Здѣсь, несомнѣнно, имѣются значительные избытки воды, что̀ доказывается, между прочимъ, распространяющимися здѣсь въ послѣдніе годы случаями сдачи земли дунганамъ подъ посѣвы риса; и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ мѣстныхъ киргизъ, выводъ воды въ арыки, въ виду незначительнаго углубленія рѣки, не представляетъ никакихъ затрудненій.

Другія области.

Чтобы не удлинять моего изложенія, я не буду приводить здѣсь имѣющихся въ моихъ матеріалахъ данныхъ и указаній относительно возможности использованія, путемъ несложныхъ и недорого стоющихъ ирригаціонныхъ работъ, свободныхъ запасовъ воды въ другихъ областяхъ края и въ частности—въ Ферганской. Скажу лишь кратко, что для этихъ областей подобнаго рода указанія несравненно менѣе многочисленны, нежели для Сыръ-Дарьинской; въ частности—въ Ферганской области разсматриваемаго типа работы могутъ дать, повидимому, возможность оросить лишь незначительную часть тѣхъ 250 или 300 тыс. десятинъ, которыя, какъ выше упоминалось, доступны для орошенія. Остальная, во много разъ

---

[1]) Т II, стр. 316—317

большая часть этихъ земель потребовала бы для своего орошенія болѣе сложныхъ сооруженій и значительныхъ затратъ.

Возвращаясь затѣмъ къ Сыръ-Дарьинской области, нельзя не замѣтить, что всѣ вышеприведенныя указанія имѣютъ лишь весьма отрывочный и случайный характеръ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ претендовать на сколько-нибудь достаточную полноту. Эти указанія позволяютъ однако прійти, мнѣ кажется, къ тому общему заключенію, что въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области имѣются довольно значительныя пространства,—во всякомъ случаѣ сотни, и вѣроятно многія сотни тысячъ десятинъ, которыя возможно оросить при помощи простыхъ и не дорого стоющихъ гидротехническихъ сооруженій. И притомъ путемъ такого рода сооруженій, стоимость которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, не превыситъ 5, много 10 рублей на десятину, возможно не только улучшить и расширить тѣ или другіе существующія оросительныя системы, не только вывести новые или возстановить заброшенные арыки, которые будутъ питаться водами притоковъ Сыръ-Дарьи или болѣе мелкихъ горныхъ рѣчекъ, а также водами такихъ изолированныхъ рѣчныхъ системъ, какъ Таласа или Чу,—но даже вывести арыки непосредственно изъ Сыръ-Дарьи, главнымъ образомъ по ея невысокому лѣвому берегу и въ нижнемъ ея теченіи, гдѣ Дарья, вообще, течетъ въ сильно пониженныхъ берегахъ. *Гдѣ, какъ и сколько* земли окажется возможнымъ оросить—это выяснитъ лишь ближайшее изслѣдованіе вопроса черезъ посредство компетентныхъ спеціалистовъ,—причемъ, въ виду высказанныхъ выше соображеній о значеніи мѣстной ирригаціонной техники, равно какъ и по самому существу работъ по улучшенію существующихъ въ краѣ оросительныхъ системъ, безусловно *необходимо, чтобы эти спеціалисты обладали не только теоретическою подготовкой, но въ особенности достаточнымъ знакомствомъ съ практикою туземной ирригаціи.* Съ другой стороны, *безусловно необходимо, чтобы предварительныя изысканія производились въ указанныхъ направленіяхъ одновременно и въ тѣснѣйшей связи съ работами по изысканію и выдѣлу земель, могущихъ поступить подъ русскую колонизацію:* поскольку эта послѣдняя будетъ основываться на искусственномъ орошеніи, постольку вопросъ о возможности заселенія каждой площади земли можно будетъ разрѣшить лишь выяснивъ возможность полученія потребнаго количества оросительной воды. А это лишь въ видѣ исключенія можно будетъ выяснить на основаніи уже

Необходимость ирригаціонныхъ изслѣдованій въ связи съ землеотводными работами

имѣющихся проектовъ или изысканій; въ видѣ правила тому учрежденію которое будетъ производить выдѣлъ земель подъ заселеніе, придется самому рѣшать и вопросъ о возможности и хотя бы приблизительной стоимости орошенія,—а это она сможетъ сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если въ составѣ ея будутъ теоретически и практически подготовленные специалисты, работающіе въ постоянномъ соприкосновеніи съ тѣми лицами, на которыхъ будетъ лежать рѣшеніе вопроса о сельскохозяйственной пригодности земель и о возможности заселенія ихъ безъ ущерба для туземнаго населенія.

Этого послѣдняго вопроса мнѣ придется подробнѣе коснуться въ слѣдующей главѣ настоящаго моего отчета. Здѣсь же я долженъ только замѣтить, что изъ того количества воды, которое окажется возможнымъ, тѣмъ или другимъ путемъ, вновь использовать для цѣлей орошенія, болѣе или менѣе значительная часть, несомнѣнно, окажется необходимою либо для осѣдлаго населенія, испытывающаго недостатокъ въ оросительной водѣ, либо для кочевыхъ, въ настоящее время, или полукочевыхъ киргизъ, осѣданіе которыхъ возможно лишь при условіи предоставленія имъ достаточнаго, сверхъ используемой ими нынѣ, количества оросительной воды. Тѣмъ важнѣе поэтому обратить вниманіе на одну весьма существенную сторону дѣла, которой я не затрагивалъ на предыдущихъ страницахъ— именно на *упорядоченіе пользованія водою*, какъ изъ существующихъ, такъ и изъ имѣющихъ быть вновь устроенными оросительныхъ системъ. «Если человѣкъ не въ силахъ,—говоритъ покойный академикъ Коржинскій [1]), — увеличить общаго количества влаги, имѣющагося въ странѣ, то ею онъ за то можетъ распоряжаться и, бережно расходуя, цѣлесообразно распредѣляя, можетъ создавать цвѣтущіе оазисы среди пустыни». Между тѣмъ, въ этомъ отношеніи въ Туркестанскомъ краѣ предстоитъ сдѣлать еще весьма много, и этимъ путемъ, весьма возможно, удастся расширить площадь поливной культуры не въ меньшей степени, нежели путемъ новыхъ оросительныхъ сооруженій.

Безпорядочность пользованія водою

Въ самомъ дѣлѣ: даже туземцы Закаспійской области, гдѣ вода, въ виду ограниченности водныхъ запасовъ, расходуется бережливѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, — тратятъ воды гораздо больше, нежели необходимо: опытная станція въ Асхабадѣ довольствуется вдвое меньшимъ поливомъ, нежели туземцы, и тѣмъ не

[1]) Назв. соч, стр. 31

менѣе достигаетъ вполнѣ удовлетворительныхъ урожаевъ [1]). Въ другихъ областяхъ, Ферганской и особенно Сыръ-Дарьинской, поливъ производится гораздо изобильнѣе, и лица, привыкшія къ условіямъ орошенія въ Закаспійской области, поражаются расточенію поливныхъ средствъ.—той «неразумной тратѣ воды, которая практикуется повсемѣстно, то по невѣжеству, то умышленно» [2]). Масса воды здѣсь тратится прежде всего совершенно безполезно, заливая дороги, образуя болѣе или менѣе значительныя болота и т. д. Огромныя, можетъ быть и доходныя для отдѣльныхъ хозяевъ, но едва ли выгодныя съ точки зрѣнія общихъ интересовъ края, траты воды ведетъ за собой развитіе культуры риса, которая требуетъ въ нѣсколько разъ болѣе воды, нежели сухіе посѣвы [3]). Самая интенсивность полива разныхъ растеній опредѣляется въ зависимости исключительно отъ степени изобилія воды, которою располагаетъ отдѣльное лицо или группа населенія. Въ то время, напримѣръ, какъ киргизы, пашущіе по предгорьямъ Каратаускихъ горъ, поливаютъ люцерну не болѣе раза подъ каждый съемъ, а подъ пшеницу поливаютъ не болѣе двухъ разъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, гдѣ воды особенно мало, ограничиваются и однимъ поливомъ передъ весеннею вспашкой,—въ Чимкентско-Ауліеатинскомъ предгорномъ районѣ люцерну поливаютъ подъ каждый съемъ люцерны отъ 2 до 3 и даже до 4 разъ, яровые хлѣба поливаютъ, напримѣръ: въ пос. Бѣловодовскомъ по 2—3 раза, въ Ванновскомъ по 3—4 раза, въ поселкахъ по верхнему теченію Таласа—по 3, 4 и до 6 разъ, между тѣмъ какъ изобиліе атмосферныхъ осадковъ, особенно въ послѣдне-названной мѣстности, должно бы позволять обойтись гораздо меньшимъ количествомъ поливной воды, нежели въ степяхъ, окаймляющихъ Каратаускія горы. Характерно при этомъ, что, напримѣръ, въ пос. Высокомъ яровые хлѣба вначалѣ, когда крестьяне имѣли небольшія запашки, поливались по 4 раза, въ настоящее же время, когда запашки значительно возросли, поливъ производится всего по два раза. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что поливныя нормы, т. е. количество земли, могущей быть орошенною извѣстнымъ количествомъ воды, представляются совершенно неустановленными. Какъ я упоминалъ, инж. Петровъ исхо-

---

[1]) Сообщено мнѣ г. Шкапскимъ со словъ агронома г. Понятовскаго.

[2]) Дингельштедтъ, т. II, стр 146.

[3]) По даннымъ опытной плантаціи въ 7—8 разъ, по разсчету Н. А. Дингельштедта въ 10 разъ больше (назв. соч., т. II, стр. 431).

дитъ во всѣхъ своихъ разсчетахъ изъ нормы въ 29,1 дес. на секундо-футъ воды. Между тѣмъ, даже въ богатомъ водою Ташкентскомъ районѣ есть мѣстности, гдѣ секундо-футомъ поливается до 50 десятинъ. Мнѣнія же мѣстныхъ дѣятелей относительно количества могущей быть орошенною земли расходятся въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какъ 30, 50 и 100 десятинъ на одинъ «кулакъ» (мѣстная мѣра поливной воды, соотвѣтствующая, приблизительно, $1^1/_4$—$1^1/_3$ секундо-футамъ). При этомъ русскіе поселенцы отличаются особенною расточительностью въ расходованіи воды: «Характерною особенностью всѣхъ русскихъ поселеній,—говоритъ кн. В. Масальскій въ изданной Департаментомъ Земледѣлія работѣ «Сельское хозяйство въ Туркестанѣ» [1]),—является неумѣнье распоряжаться оросительными средствами; вода, столь драгоцѣнная въ этомъ краѣ, тратится безъ толка въ огромномъ количествѣ, заболачивая поля и даже дороги, между тѣмъ, какъ туземное населеніе, сидящее мѣстами ниже русскихъ поселковъ, нерѣдко терпитъ нужду въ водѣ». Въ тѣсной связи со сказаннымъ находится, наконецъ, полная, повидимому, неопредѣленность правъ населенія на землю и отсутствіе контролирующихъ водопользованіе механическихъ приспособленій. Не только кочевники, но даже осѣдлое населеніе, получившее поземельно-податное устройство, не обладаетъ какими-либо количественно-опредѣленными правами по водопользованію: поземельно-податное устройство укрѣпляетъ за осѣдлымъ населеніемъ только опредѣленныя пространства *земли*, по отношенію же къ пользованію *водою* права этого населенія опредѣляются исключительно постановленіемъ ст. 256 Турк. полож., въ силу котораго «воды въ главныхъ арыкахъ, ручьяхъ, рѣчкахъ и озерахъ предоставляются населенію въ пользованіе, по обычаю». Обычай этотъ, сколько мнѣ извѣстно, не кодифицированъ, и постановленія его понимаются чрезвычайно разнообразно прикосновенными къ дѣлу мѣстными дѣятелями. Поскольку дѣло идетъ, однако, о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ и группъ изъ состава туземнаго, особенно сартовскаго населенія, пользующихся водою изъ одной оросительной системы, эта неопредѣленность не ведетъ къ особымъ неудобствамъ, такъ какъ туземцы знаютъ свои права и умѣютъ разбираться, на основаніи извѣстнаго имъ обычая, въ возникающихъ недоразумѣніяхъ. Но обычай совершенно отказывается служить, когда отно-

[1]) Стр 17; см. Гейеръ, „Голодъ и колониз“, стр. 73

шенія по водопользованію возникаютъ у туземцевъ съ водворяемыми при тѣхъ-же оросительныхъ системахъ русскими поселенцами, и тѣмъ болѣе, когда заходитъ вопросъ о разграниченіи правъ по пользованію и распоряженію водою между населеніемъ и государственною властью. Сыръ Дарьинская областная администрація считаетъ, сколько мнѣ извѣстно, что каждая отдѣльная группа туземнаго населенія имѣетъ право лишь на уже существующіе арыки. въ данномъ ихъ размѣрѣ, слѣдовательно, лишь на то количество воды, которое проходитъ черезъ эти арыки при существующемъ ихъ размѣрѣ, — устройство же новыхъ оросительныхъ каналовъ или расширеніе старыхъ съ цѣлію увеличенія количества поступающей въ нихъ воды можетъ имѣть мѣсто не иначе. какъ съ разрѣшенія правительственной власти. Этотъ взглядъ, какъ мнѣ лично представляется. вполнѣ сообразный съ мѣстнымъ обычаемъ, согласно которому право распоряженія водою принадлежало государю, однако, не имѣетъ за собою никакой опредѣленной санкціи [1]) и многими изъ самыхъ видныхъ представителей мѣстной администраціи даже отвергается. Во всякомъ случаѣ, однако, этотъ взглядъ вполнѣ усвоенъ населеніемъ, въ виду чего туземцы, напримѣръ, обращаются къ подлежащей власти за разрѣшеніемъ на производство новыхъ ирригаціонныхъ работъ или работъ по расширенію старыхъ арыковъ и даже соглашаются уступать, за такое разрѣшеніе, извѣстную долю оживленной ихъ трудами земли. Но за отсутствіемъ достаточнаго контроля надъ водопользованіемъ остается, конечно, открытымъ полный просторъ для разнаго рода захватовъ воды, для расширенія оросительныхъ каналовъ подъ видомъ ихъ прочистки и т. п. Этими и подобными путями туземцы, гдѣ только возможно, увеличиваютъ запасъ воды, поступающій на ихъ поля, и пользуются возможностью подобнаго увеличенія съ одной стороны — для расширенія посѣвовъ риса, а съ другой — для увеличенія посѣвовъ всѣхъ вообще культурныхъ растеній при сохраненіи все тѣхъ-же, установившихся при большомъ изобиліи воды чрезмѣрно высокихъ нормъ полива.

Желательность выясненія поливныхъ нормъ.

Понятно, какое значеніе имѣло бы урегулированіе водопользованія во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ. Если бы, что особенно важно, удалось твердо установить, что для успѣшнаго веденія по-

[1]) Этотъ взглядъ основывается, очевидно, на утвержденной ген.-ад фонъ-Кауфманомъ 10 Іюня 1877 г. ирригаціонной инструкціи (п п. 1, 2, 7), гдѣ изложенныя начала были высказаны съ полной опредѣлительностью. См у Дингельштедта, т. I, стр 189 и 193, инструкція напечатана въ приложеніи къ этому тому.

ливного хозяйства нужно не такое количество воды, какое въ настоящее время расходуется какъ туземцами, такъ и русскими поселенцами,—что, напримѣръ, однимъ «кулакомъ» воды можно оросить, среднимъ числомъ, не 30, а положимъ, 60 десятинъ сухихъ посѣвовъ, то ясно прежде всего, что свободные въ настоящее время запасы воды, могущіе быть использованными для надобностей русской колонизаціи, могли бы оросить вдвое большое количество земель, а слѣдовательно, послужить для водворенія вдвое бо̀льшаго числа переселенцевъ. Но этого мало: если бы оказалось, дѣйствительно и безспорно, что уже пользующееся водою населеніе, русское и туземное, можетъ безъ какого-бы то ни было ущерба для себя обойтись меньшимъ количествомъ воды, нежели оно расходуетъ въ настоящее время, то вполнѣ умѣстно было-бы поставить вопросъ о сокращеніи отпуска воды этому населенію и объ использованіи освобождающихся такимъ образомъ излишковъ какъ для надобностей русской колонизаціи края, такъ и для другихъ государственныхъ и мѣстныхъ потребностей, въ томъ числѣ для обезпеченія водою тѣхъ туземцевъ, которые испытываютъ въ ней дѣйствительный недостатокъ. По существу дѣла—предполагая, повторяю, что возможность и безубыточность сокращенія полива была бы твердо и безспорно установлена,—противъ принятія подобной мѣры не можетъ, повидимому, встрѣтиться серьезныхъ возраженій. Вода не создана и не обработана человѣкомъ, а дана природой для общаго блага; поэтому, едва ли есть основаніе признавать за кѣмъ либо право на большее количество воды, нежели дѣйствительно необходимо для преуспѣянія его хозяйства. Труднѣе юридическая сторона дѣла, именно вопросъ, въ какой мѣрѣ подобное ограниченіе установившагося пользованія оросительною водою соотвѣтствуетъ тому мѣстному обычаю, на которомъ основывается, по ст. 256 Турк. пол., водопользованіе туземнаго и въ частности осѣдлаго населенія. Какъ я уже упоминалъ, обычай этотъ, повидимому, не кодифицированъ, а потому на поставленный такимъ образомъ вопросъ едва ли возможно дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Представители администраціи и податной инспекціи, съ которыми мнѣ приходилось обмѣниваться мнѣніями по данному вопросу, высказывали разнорѣчивые взгляды: одни полагали, что обычай предоставляетъ государю полное право распоряженія водными богатствами края и уполномочиваетъ такимъ образомъ правительственную власть ограничивать и регулировать водопользованіе по ея

усмотрѣнію [1]). Другіе, напротивъ, высказывали убѣжденіе, что проведеніе арыка даетъ «оживителю» неотъемлемое право не только на «оживленную» землю, но и на все количество воды, способное пройти черезъ сооруженный имъ арыкъ [2]). Не рѣшаясь положительно высказаться по данному юридическому вопросу и полагая, что онъ долженъ былъ бы подлежать обсужденію при участіи знатоковъ мѣстнаго обычнаго права и спеціалистовъ по водному праву,—я не могу, однако, не высказать, что урегулированіе и ограниченіе существующаго водопользованія въ указанномъ выше направленіи могло бы имѣть мѣсто, во всякомъ случаѣ, лишь на основаніи особаго закона, который уполномочивалъ бы правительственную власть использовать для своихъ цѣлей тѣ запасы водъ въ существующихъ оросительныхъ системахъ, которые будутъ признаны необходимыми для обладателей этихъ системъ. Изданіе такого закона, собственно по отношенію къ кочевому населенію, не встрѣтило бы затрудненій, такъ какъ ст. 256 Турк. пол. на него не распространяется, и вообще его право на воду не урегулировано закономъ.

Желательность опытнаго изслѣдованія вопроса.

Во всякомъ случаѣ однако представлялось бы умѣстнымъ попутно съ тѣми изслѣдованіями, которыя будутъ предприняты въ Туркестанскомъ краѣ и на первую очередь—въ Сыръ-Дарьинской области, въ землеотводныхъ цѣляхъ, поставить, въ предѣлахъ возможности, изслѣдованіе вопроса о нормально-необходимомъ, при разнаго рода почвенныхъ и т. п. условіяхъ и разнаго рода культурахъ, количествѣ поливной воды. Выясненіе этого вопроса представляетъ собою одну изъ задачъ существующихъ уже въ краѣ опытныхъ учрежденій—Ташкентской станціи и опытныхъ полей въ Асхабадѣ и при станціи Голодная Степь. Наблюденія въ двухъ послѣдне-названныхъ пунктахъ уже начинаютъ приводить къ нѣкоторымъ заключеніямъ: какъ я уже упоминалъ, Асхабадское опытное поле довольствуется, безъ всякаго ущерба для культуръ, вдвое меньшимъ количествомъ поливной воды, нежели потребляетъ окрест-

---

[1]) Этотъ принципъ былъ выраженъ въ п. 1 инструкціи К П фонъ-Кауфмана; согласно этой инструкціи каждый землевладѣлецъ имѣетъ право на воду «въ той мѣрѣ, какая необходима» по количеству земли и роду посѣвовъ (Дингельштедтъ, т. I, стр. 189, 193)

[2]) По словамъ Н А Дингельштедта въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ водою, существуетъ исключительное право отдѣльныхъ лицъ на *опредѣленное количество воды* (т. I, стр. 47). Этому, однако, противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ Туркестанѣ *обычай не знаетъ продажи воды*: «земля тебѣ отведена,—а соотвѣтствующее количество воды на нее поступитъ или нѣтъ—Богъ знаетъ» (т II, стр. 207).

ное туземное населеніе; опытное поле въ Голодной Степи еще не имѣетъ возможности формулировать опредѣленныхъ заключеній,— тѣмъ не менѣе производившіеся здѣсь опыты уже привели завѣдывающаго полемъ г. Гребнера къ убѣжденію въ возможности обходиться значительно меньшимъ количествомъ воды, нежели расходуютъ крестьяне окрестныхъ русскихъ поселковъ; въ частности, въ 1903 г. отлично родились посѣвы на землѣ, политой всего одинъ разъ передъ вспашкой, тогда какъ крестьяне поливали еще дважды во время роста хлѣба. Однако, наличность эти учрежденій нисколько не устраняетъ необходимости организаціи соотвѣтственнаго рода опытовъ въ тѣхъ собственно районахъ, которые будутъ предназначены къ открытію землеотводныхъ работъ. Какъ почвенныя условія, такъ и количество осадковъ, настолько разнообразны, и различія эти имѣютъ такое значеніе въ вопросѣ о количествѣ необходимой поливной воды, что выводы, полученные, положимъ, на опытной станціи въ Ташкентѣ, а тѣмъ болѣе на опытномъ полѣ въ Голодной Степи, ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ распространить, напр., на предгорные поселки Чимкентскаго уѣзда, на горный районъ верховьевъ Таласа съ его бѣлыми почвами и большимъ количествомъ дождей, на степи, окаймляющія горы Каратау, или на тугайныя земли Перовскаго уѣзда. Для каждаго изъ этихъ районовъ вопросъ о количествѣ поливной воды будетъ требовать отдѣльнаго рѣшенія, по соображенію со всею совокупностью естественныхъ и хозяйственныхъ условій и на основаніи произведенныхъ на мѣстѣ полевыхъ опытовъ посѣва при различныхъ условіяхъ полива. Эти опыты должны дѣлаться на глазахъ у населенія—слѣдовательно въ возможно большемъ числѣ пунктовъ, съ тѣмъ, чтобы населеніе воочію могло убѣдиться въ безполезности практикуемаго нынѣ чрезмѣрно изобильнаго полива и въ возможности безъ всякаго ущерба для конечнаго результата обойтись соотвѣтственно-уменьшеннымъ количествомъ воды.

Вопросъ о культурѣ безъ искусственнаго орошенія.

Гораздо важнѣе—въ особенности, опять таки, въ виду несомнѣнной ограниченности тѣхъ водныхъ запасовъ края, которые могутъ быть использованы для надобностей колонизаціи,— вопросъ о значеніи, въ настоящемъ и будущемъ, такъ называемыхъ богарныхъ или кайрачныхъ посѣвовъ, т. е. такихъ, которые производятся безъ искусственнаго орошенія, въ разсчетѣ на дождевую или частью—подпочвенную влагу. Распространенность въ краѣ посѣвовъ этого рода представляетъ собою общеизвѣстный

фактъ. Еще въ отчетѣ ген.-ад. фонъ-Кауфмана, напримѣръ, упоминается о томъ, что населеніе Ходжентскаго уѣзда, за недостаткомъ оросительной воды, увеличиваетъ посѣвы подъ дождь. Не новостью является также и важное значеніе богарныхъ или кайрачныхъ пашенъ въ общей экономіи края, въ которой онѣ въ значительной мѣрѣ восполняютъ недостатокъ въ пищевыхъ продуктахъ, обусловленный тѣмъ все усиливающимся вниманіемъ, которое туземное населеніе удѣляетъ различнымъ высшимъ культурамъ и въ особенности хлопку. «Несмотря на необезпеченность результатовъ и на рискъ, богарные посѣвы имѣютъ огромное значеніе въ Туркестанѣ,—говоритъ кн. В. М. въ своей статьѣ въ энциклопедическомъ словарѣ [1]), такъ какъ недостатокъ орошенныхъ земель заставляетъ населеніе сѣять богару въ значительныхъ размѣрахъ. Мѣстами богарные посѣвы занимаютъ треть или даже половину засѣянной площади,—а общее количество ихъ въ пяти областяхъ края достигаетъ не менѣе 500 тыс. десятинъ. Такъ какъ притомъ на неорошенныхъ богарныхъ земляхъ сѣются весьма важные продовольственные хлѣба—пшеница, ячмень и просо, то неурожай богары, въ особенности если онъ совпадаетъ съ недостаткомъ воды въ каналахъ, вызываетъ сильное вздорожаніе хлѣба» [1]). И однако, въ вопросѣ о русской колонизаціи края богарнымъ землямъ до самаго послѣдняго времени не придавалось, именно въ виду господствовавшаго убѣжденія въ крайней случайности и ненадежности даваемыхъ ими урожаевъ, никакого значенія,—и вся колонизація до сихъ поръ основывалась исключительно на однихъ только орошаемыхъ земляхъ. Такой взглядъ нашелъ себѣ выраженіе и въ утвержденныхъ 10 Іюня с. г. правилахъ о добровольномъ переселеніи въ Туркестанъ. Статья 7-ая этихъ правилъ установляетъ опредѣленную норму надѣленія русскихъ поселенцевъ поливною землею, говоритъ объ отводѣ «выгонныхъ и пастбищныхъ земель сколько окажется необходимымъ и возможнымъ»,—но даже не упоминаетъ о земляхъ, обрабатываемыхъ безъ искусственнаго орошенія. Если эту статью понимать въ строго буквальномъ смыслѣ, то она, какъ будто, вовсе не допускаетъ включенія въ надѣлы земель, засѣваемыхъ подъ дождь; если же—что вѣрнѣе —толковать выраженіе «выгонныя и пастбищныя земли» въ болѣе широкомъ смыслѣ, то богарныя земли приравниваются къ землямъ выгоннымъ и паст-

[1]) См также Отчетъ Директора Лѣсн. Д-та, стр 78

бищнымъ и разсматриваются какъ случайный придатокъ къ орошаемымъ землямъ. Та-же, въ сущности, мысль выражена въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента [1]),—который однако, сколько мнѣ извѣстно, впервые опредѣленно поставилъ вопросъ о значеніи богарныхъ земель для колонизаціоннаго дѣла,—именно впервые высказалъ, что «наибольшій интересъ представляютъ земли, расположенныя въ районѣ богарныхъ предгорій, способныя давать урожаи и безъ искусственнаго орошенія». Разсмотрѣніе данныхъ о существующихъ на богарныхъ земляхъ культурахъ и свѣдѣній объ ихъ урожайности приводитъ т. с. Никитина къ заключенію, что «хотя богарныя земли и имѣютъ большое значеніе въ экономической жизни Туркестана, но полная необезпеченность вѣрныхъ ежегодныхъ урожаевъ [2]) не допускаетъ возможности основывать хозяйство исключительно на богарныхъ посѣвахъ,—почему даже мѣстные хозяева смотрятъ на урожаи своихъ богарныхъ посѣвовъ, какъ на дополненіе къ таковымъ съ орошаемыхъ участковъ и главнымъ образомъ, конечно, къ скотоводству». Тѣмъ болѣе «однимъ урожаемъ съ названныхъ земель нельзя удовлетворить даже самыхъ скромныхъ потребностей русскаго крестьянина. Въ виду этого—заключаетъ т. с. Никитинъ—приходится прійти къ заключенію, что устройство переселенческихъ участковъ изъ однихъ богарныхъ земель представляется безусловно невозможнымъ, и что *богарныя земли должны лишь служить дополненіемъ къ основному надѣлу, состоящему изъ орошаемыхъ земель*».

Количество осадковъ

Однако, знакомясь, еще до прибытія въ край, съ имѣвшеюся у меня подъ руками литературой, я сразу натолкнулся на такія данныя, которыя заставили меня съ особеннымъ интересомъ отнестись къ вопросу о посѣвахъ подъ дождь и усумниться въ правильности господствующаго убѣжденія въ какой-то особой ненадежности и случайности урожаевъ на богарныхъ земляхъ. Извѣстное недоумѣніе въ этомъ смыслѣ не могли не возбудить во мнѣ, прежде всего, метеорологическія данныя,—именно цифры количества осадковъ. Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены данныя о годовомъ количествѣ осадковъ: въ первомъ столбцѣ—въ нѣкоторыхъ пунктахъ Туркестанскаго края, во второмъ—въ нѣсколькихъ

---

[1]) Стр. 77—79. См. также у Шахназарова, Очеркъ сел хоз Туркест края, Спб. 1898, стр. 14 и 17

[2]) По даннымъ, сообщеннымъ т с Никитину на мѣстѣ урожайность богары въ общемъ не превышаетъ 8—15 п самое большее—20 п съ десятины.

пунктахъ Европейской и земледѣльческо-степной полосы Азіатской Россіи.

Ташкентъ . .	385 милл.	Малый Узень (Сам. г).	272 мм.
Ауліеата . . .	284 »	Курганъ	318 »
Джизакъ. . .	430 »	Тара	375 »
Самаркандъ. .	346 »	Барнаулъ.	291 »
Ошъ	335 »	Акмолинскъ	219 »
Пишпекъ. . .	396 »		

Конечно, годовое количество осадковъ само по себѣ не рѣшаетъ вопроса,—не менѣе важно въ данномъ случаѣ, распредѣленіе осадковъ по временамъ года, которое въ Туркестанскомъ краѣ нельзя не признать неблагопріятнымъ для сельскаго хозяйства; съ другой же стороны извѣстно, что обусловливаемая крайне высокою температурой воздуха и господствомъ сухихъ вѣтровъ громадная испаряемость въ значительной мѣрѣ парализуетъ полезное дѣйствіе выпадающихъ осадковъ. И тѣмъ не менѣе, приведенныя данныя заставляли серьезно задуматься надъ вопросомъ и усумниться въ томъ, чтобы между выше поименованными пунктами Туркестанскаго края и названными во второмъ столбцѣ мѣстностями, гдѣ земледѣліе ведется исключительно подъ дождь, могла существовать столь рѣзкая и неустранимая разница. Для ряда другихъ пунктовъ Туркестана метеорологическія данныя даютъ, правда, такія цифры осадковъ, какъ 174 (Казылъ-Арватъ), 148 (Туркестанъ) или даже 99,7 (Петроалександровскъ), которыя въ самомъ дѣлѣ исключаютъ мысль о посѣвахъ подъ дождь,—но крайняя недостаточность числа пунктовъ для которыхъ имѣются метеорологическія наблюденія, совершенно не позволяетъ опредѣлить направленіе той изегіеты, за которою хозяйство подъ дождь становится, дѣйствительно, невозможнымъ

Литературныя данныя

Въ литературѣ я нашелъ и нѣкоторыя болѣе прямыя указанія по разсматриваемому вопросу. По отношенію къ Закаспійской области они оказались совершенно отрицательными. Такъ, покойный академикъ Коржинскій, во время своей ботанической экскурсіи по южнымъ областямъ Туркестана интересовавшійся также и условіями сельскаго хозяйства и давшій въ этомъ отношеніи не мало весьма цѣнныхъ указаній, положительно высказываетъ, что «жаркій сухой климатъ и почти полное отсутствіе дождей во время лѣта дѣлаетъ возможнымъ земледѣліе лишь при искусственномъ орошеніи»,—что «подъ знойными жгучими лучами солнца Зака-

спійской области рѣшительно все зависитъ отъ количества воды». А изъ отчета кн. В. П. Масальскаго по поѣздкѣ въ Туркестанскій край [1]) я узналъ, что въ Закаспійской области, по иниціативѣ мѣстной администраціи въ лицѣ бывшаго Военнаго Губернатора генерала Куропаткина, дѣлались даже спеціальные опыты для выясненія возможности богарныхъ посѣвовъ въ горной полосѣ. Опыты эти не дали, однако, положительныхъ результатовъ. По словамъ кн. Масальскаго, они показали, что богарные посѣвы вполнѣ возможны на высотахъ не ниже 3—4 тыс. футовъ. Къ такому заключенію,— говоритъ кн. Масальскій,—можно было бы прійти въ сущности и безъ производства опытовъ, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной полосы были найдены слѣды неполивныхъ посѣвовъ, производившихся еще при персидскомъ владычествѣ. Тѣмъ не менѣе, едва ли основательны надежды мѣстной администраціи на значительное развитіе въ будущемъ богарныхъ посѣвовъ, которое дало бы возможность сократить посѣвы хлѣбовъ на поливныхъ земляхъ и отвести освободившуюся площадь подъ хлопокъ и другія промышленныя культуры. Успѣхъ посѣвовъ подъ дождь находится всецѣло въ зависимости отъ количества влаги, выпадающей въ зимнее и весеннее время, мѣстныя же климатическія условія таковы, что количество дождя, будучи вообще незначительно въ этотъ періодъ, колеблется сильнѣйшимъ образомъ по годамъ, что̀ увеличиваетъ въ значительной мѣрѣ рискъ посѣвовъ безъ орошенія. Въ 1898 году богарные посѣвы дали, въ общемъ, удовлетворительные результаты, между тѣмъ, какъ въ минувшемъ (1899) году они не дали ни одного зерна». Для Сыръ-Дарьинской области имѣвшіяся въ литературѣ указанія оказались хотя и не столь опредѣленно-неблагопріятными,—но тѣмъ не менѣе не позволяли, въ общемъ, сдѣлать опредѣленныхъ выводовъ и въ обратномъ направленіи. Въ «Путеводителѣ по Туркестану», составленномъ хорошимъ знатокомъ края и притомъ на основаніи, повидимому, достаточно полнаго литературнаго и иного матеріала, имѣются, правда, указанія на распространенность посѣвовъ подъ естественное орошеніе какъ на тугайныхъ земляхъ, такъ и въ горной полосѣ Сыръ-Дарьинской области [2]),—и съ этимъ обстоятельствомъ, повидимому, связывается высказываемое авторомъ мнѣніе, что тугайныя земли должны служить «исходнымъ пунк-

---

[1]) Сельское хоз. въ Туркестанѣ, стр 14—15.
[2]) Стр. 42, 174.

томъ увеличенія колонизаціи Сыръ-Дарьинской области русскими людьми». Но, тѣмъ не менѣе, авторъ «Путеводителя» признаетъ, что «почти весь строй сельскаго хозяйства области опирается на искусственное орошеніе». Болѣе опредѣленныя данныя относительно благонадежности посѣвовъ я нашелъ только по отношенію къ горной полосѣ Ходжентскаго уѣзда (нынѣ принадлежащаго къ Самаркандской области). Въ проектномъ отчетѣ ген.-адъют. фонъ-Кауфмана указывается именно на то, что въ названномъ уѣздѣ площадь посѣвовъ съ 1868 г. до времени составленія отчета почти учетверилась, причемъ «развились главнымъ образомъ посѣвы подъ дождь, *которые хорошо удаются* благодаря высотѣ положенія пашенъ на горной части надъ уровнемъ моря». Еще болѣе опредѣлительныя указанія нашлись по отношенію къ нагорной полосѣ Семирѣченской области. «Наиболѣе надежны посѣвы подъ дождь,—говоритъ кн. В. М. въ энциклопедическомъ словарѣ [1]),—въ сѣверныхъ частяхъ края, а въ особенности въ холмистой и предгорной полосѣ Семирѣческой области, гдѣ выпадаетъ довольно значительное количество осадковъ и гдѣ, поэтому, культура хлѣбовъ безъ искусственнаго орошенія получила значительное развитіе и даетъ вполнѣ удовлетворительные результаты». Но наиболѣе важныя и цѣнныя указанія оказались по Ферганской области, въ уже цитированной работѣ покойнаго академика Коржинскаго. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ этой работы [2]) Коржинскій описываетъ полосу предгорій Ферганской области, или, какъ онъ ее иначе называетъ, полосу лессовыхъ холмовъ. «Эти холмы,—говоритъ онъ,—представляютъ богатую и роскошную растительность, которая заключаетъ въ себѣ много европейскихъ формъ, а по общему облику *весьма походитъ на заросли степныхъ кустарниковъ черноземной области*... Травы образуютъ здѣсь сплошной зеленый густой и высокій коверъ, который съ дальнѣйшимъ повышеніемъ мѣстности, измѣняясь въ своемъ составѣ, переходитъ постепенно въ альпійскіе луга». Предгорья,—говоритъ Коржинскій въ другомъ мѣстѣ, — «покрыты обильной луговой, кустарниковой и древесной растительностью, которая достигаетъ наибольшаго развитія на высотѣ 4.500 —6.000»,—и

---

[1]) Стр. 187. См. также у Дингельштедта, т. I, стр. 213—214, 281—282; т II, стр. 430: «Богарныя земли имѣютъ большую цѣнность и во многихъ мѣстахъ представляютъ единственно возможную, по климатическимъ условіямъ земельную культуру».

[2]) Стр. 37, 39, 41.

характеръ растительности «указываетъ, что на предгорьяхъ восточной части Ферганы влаги содержится въ почвѣ гораздо больше, чѣмъ въ западной части; но зависитъ ли это отъ бо́льшаго количества атмосферныхъ осадковъ или только отъ свойства субстрата— еще нельзя рѣшить за недостаткомъ наблюденій». Наконецъ, характеризуя субъальпійскіе склоны Алайскаго хребта, Коржинскій говоритъ, что здѣсь преобладаютъ кипецъ, обыкновенный перистый ковыль и одинъ видъ овса— «*тѣ-же самые, которые обитаютъ въ черноземныхъ степяхъ*, лишь нѣсколько меньшаго роста. Какъ и въ настоящихъ черноземныхъ степяхъ, всѣ эти злаки представляютъ пучки узкихъ щетиновидныхъ листьевъ и разбросаны небольшими дерновинками, среди которыхъ видно голую почву» [1]).

Между тѣмъ, уже a priori не трудно видѣть, что мѣстности, одѣтыя сплошнымъ травянымъ ковромъ или представляющія, по характеру дикой растительности, полное сходство съ черноземными степями Европейской Россіи, должны представлять сходныя условія и въ отношеніи условій жизни и роста культурныхъ растеній. Но въ работѣ Коржинскаго имѣются по данному вопросу и болѣе прямыя указанія [2]). «Въ странѣ, гдѣ растетъ дико виноградъ и грецкій орѣхъ, говоритъ онъ о подгорной полосѣ, безъ сомнѣнія можетъ процвѣтать плодоводство; здѣсь выпадаетъ *достаточно атмосферныхъ осадковъ* для густой рослой травы, покрывающей всѣ холмы и образующей превосходные сѣнокосы. *Пшеница и ячмень отлично родятся безъ поливки»;* на пологихъ холмахъ восточной части Ферганы «кайрачныя поля съ пшеницей занимаютъ большія пространства и въ дождливые года *удаются нерѣдко лучше поливныхъ*», [3])—причемъ «пшеница, выросшая на неполивныхъ поляхъ, даетъ гораздо лучшій хлѣбъ, болѣе тягучій, легче выпекающійся, болѣе вкусный и ароматный, нежели поливная пшеница». Сходныя наблюденія Коржинскій сдѣлалъ и на Алаѣ: «мнѣ случалось видѣть поля, говоритъ онъ [4]), одна половина которыхъ орошалась, а другая не пользовалась искусственымъ орошеніемъ,—но *относительно роста и развитія хлѣбовъ не уступала первой;* допуская, что въ болѣе сухіе годы между тѣми и другими должно проявиться нѣкоторое различіе, Коржинскій «не могъ однако получить отъ киргизъ

[1]) Стр. 66.

[2]) Стр. 41, 42, 44.

[3]) Тоже подтверждаетъ, впрочемъ, и г. Шахназаровъ — «Очеркъ сельскаго хозяйства Туркест. края», стр. 62.

[4]) Стр. 75.

опредѣленныхъ указаній на этотъ счетъ. Они обыкновенно говорятъ, что въ хорошіе, т. е. теплые, годы хлѣбъ хорошо родится на поливныхъ и на неполивныхъ поляхъ, а въ плохіе—ни на тѣхъ, ни на другихъ». И вблизи верхней границы распространенія пшеницы, говоритъ Коржинскій въ другомъ мѣстѣ [1]), гдѣ возможно, земледѣльцы орошаютъ поля, *но кажется больше по привычкѣ, ибо орошеніе здѣсь не составляетъ необходимости*».

Вся совокупность изложенныхъ указаній конечно недостаточна, сама по себѣ, для какого-либо окончательнаго разрѣшенія вопроса. Но эти указанія внушили мнѣ убѣжденіе въ необходимости принять тѣ или другія мѣры для опредѣленнаго разрѣшенія вопроса о возможной роли посѣвовъ подъ дождь въ дѣлѣ русской колонизаціи края. О своихъ соображеніяхъ по данному вопросу я не преминулъ доложить г. Главному Начальнику края и г. Военному Губернатору Сыръ-Дарьинской области,—а также подвергалъ вопросъ обсужденію при бесѣдахъ со всѣми вообще мѣстными дѣятелями, съ которыми мнѣ довелось обмѣниваться мыслями по вопросу о русской колонизаціи края. Лица, стоящія во главѣ управленія краемъ, отнеслись къ высказаннымъ мною соображеніямъ съ совершенно естественною, въ виду важности вопроса, сдержанностью,—но безусловно согласились съ тѣмъ, что вопросъ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія путемъ организаціи соотвѣтствующихъ наблюденій и опытовъ,—и что только такое изслѣдованіе дастъ основаніе для твердаго и окончательнаго рѣшенія вопроса о роли, которую богарныя или кайрачныя земли должны играть при отводѣ надѣловъ русскимъ поселенцамъ. Признавая затѣмъ, что въ случаѣ благопріятнаго для тѣхъ или иныхъ районовъ исхода подобнаго рода изслѣдованій центръ тяжести земельнаго устройства переселенцевъ можетъ быть въ значительной мѣрѣ перемѣщенъ съ поливныхъ на богарныя земли,—г. Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, а также Начальникъ Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ Туркестанскомъ краѣ В. М. Лазаревскій и нѣкоторыя другія лица высказывали однако то соображеніе, что во всякомъ случаѣ едва-ли возможно будетъ надѣлять переселенцевъ, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ, *одними* только неполивными землями: эти послѣднія, будучи расположены по большей части въ горной полосѣ, могутъ оказаться годными

[1]) Стр. 43.

только для культуры зерновыхъ хлѣбовъ и въ самомъ благопріятномъ случаѣ—для нѣкоторыхъ видовъ плодоводства, и совершенно не годятся для такихъ высшихъ культуръ, какъ хлопководство и т. п.; равнымъ образомъ, безъ полива не окажется возможнымъ ни устройство огородовъ, ни посѣвы имѣющей такое огромное значеніе въ мѣстномъ хозяйствѣ люцерны [1]). Такимъ образомъ хозяйство переселенцевъ, которые получили бы однѣ только богарныя земли, оказалось бы весьма неполнымъ и одностороннимъ; переселенцы эти были бы поставлены въ весьма неблагопріятныя условія по сравненію съ туземцами, которые владѣютъ по преимуществу поливными землями, удобными для всѣхъ видовъ высшей культуры,—а это естественно поселило бы въ нихъ вредное для успѣха всего дѣла колонизаціи недовольство.

Указанія мѣстныхъ дѣятелей.

Затѣмъ, не выѣзжая изъ Ташкента, я получилъ отъ мѣстныхъ дѣятелей—изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ я долженъ назвать г. Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области, ген.-лейт. Королькова, затѣмъ гг. Гейера, Шкапскаго, Есакова, чиновника по лѣсной части при Управленіи Земледѣлія г. Лесневскаго и др., не мало конкретныхъ указаній относительно мѣстностей, гдѣ посѣвы подъ дождь, дѣйствительно, даютъ вполнѣ благопріятные и главное—устойчивые результаты. Я не буду приводить здѣсь тѣхъ указаній, которыя касаются Сыръ-Дарьинской области, такъ какъ они въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ тѣми излагаемыми ниже данными, которыя были мною собраны затѣмъ, путемъ личныхъ наблюденій, во время экскурсіи по области,—а вкратцѣ приведу только записанныя мною сообщенія, касающіяся другихъ областей Туркестанскаго края. Такъ, ген. Корольковъ сообщилъ мнѣ, что посѣвами подъ дождь занята въ настоящее время почти вся площадь неорошенныхъ степей Зеравшанской долины и прилегающей части Бухарскаго ханства; при баснословныхъ урожаяхъ въ хорошіе года, богарныя земли иногда даютъ и полные неурожаи,—въ виду чего въ этой собственно мѣстности правильная колонизація на однѣхъ только богарныхъ земляхъ была-бы, по мнѣнію ген. Королькова, невозможна. Впрочемъ, до извѣстной степени Н. И. Корольковъ готовъ объяснить неурожаи на богарныхъ земляхъ этой мѣстности крайне плохою обработкой, улучшеніе которой могло бы, можетъ быть, придать урожаямъ болѣе постоянный характеръ. Затѣмъ однако въ тѣхъ-же

[1]) См. у Шахназарова, назв. соч., стр. 29, 61—62.

мѣстностяхъ, въ ближайшей къ горамъ полосѣ, урожаи уже гораздо болѣе обезпечены; ген. Корольковъ лично видѣлъ на предгорьяхъ превосходные урожаи въ то время, когда на поливныхъ земляхъ былъ только посредственный урожай. То-же самое ген. Корольковъ удостовѣряетъ и относительно нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, ему лично извѣстныхъ, гдѣ богара почти ежегодно даетъ отличные и хорошіе урожаи; такихъ мѣстностей не мало, въ частности, въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента, напр. по р. Пскему, въ окрестностяхъ арыка Искандеръ и т. д. Относительно Ферганской области указывалось на сплошь занятые богарными посѣвами «адыры» (лессовые холмы, по терминологіи С. И. Коржинскаго), гдѣ урожаи получаются изъ года въ годъ, и только въ особо засушливые годы посѣвы гибнутъ отъ недостатка влаги; однако, такіе случаи бываютъ рѣдко,—и въ частности, напримѣръ, въ послѣдніе три года «адыры» давали превосходные урожаи. Указывалось также и на нѣкоторыя мѣстности, расположенныя ниже полосы «адыровъ», напримѣръ на такъ называемую Кызылъярскую степь, гдѣ богарные посѣвы изъ года въ годъ также даютъ отличные урожаи.

Весьма естественно было затѣмъ задать себѣ вопросъ: зачѣмъ туземцы тратятъ массу труда на сооруженіе и поддержаніе въ порядкѣ оросительныхъ системъ и на производство самого полива, если въ ихъ распоряженіи имѣются земли, дающія достаточно удовлетворительные результаты безъ всякаго полива? И почему туземцы до сихъ поръ придавали такъ мало значенія богарнымъ посѣвамъ, разъ они дѣйствительно способны давать столь удовлетворительные результаты? Этотъ вопросъ и ставился нѣкоторыми изъ мѣстныхъ дѣятелей, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать,—но со стороны мѣстныхъ-же дѣятелей я получилъ на него отвѣтъ. Первенствующее значеніе несомнѣнно имѣетъ здѣсь—какъ было отмѣчено еще С. И. Коржинскимъ, наслѣдственная привычка, превратившаяся у туземцевъ въ нѣчто въ родѣ безсознательнаго инстинкта и передающаяся отъ нихъ и пришлому русскому населенію. Съ другой стороны, туземцы до недавняго времени не имѣли, а частью и теперь еще не имѣютъ надобности обращать особенное вниманіе на богарные посѣвы, которые, по справедливому замѣчанію т. с. Никитина въ его отчетѣ по командировкѣ, являлись у осѣдлаго населенія лишь придаткомъ къ посѣвамъ на орошаемыхъ земляхъ, удовлетворявшимъ болѣе или менѣе всѣмъ ихъ насущнымъ

потребностямъ, а у кочевниковъ — придаткомъ къ скотоводству; поскольку же кочевники переходили къ земледѣлію, они имѣли возможность довольствоваться одними посѣвами на орошаемыхъ земляхъ, для которыхъ до сихъ поръ находилось достаточно воды, тогда какъ отъ осѣдлаго населенія они переняли убѣжденіе въ невозможности вести хозяйство иначе, какъ на поливной землѣ. Только въ самое послѣдне время обстоятельства измѣнились: усиленіе культуры хлопка у осѣдлаго населенія, заставившее значительно сократить ту площадь орошаемыхъ земель, которая могла засѣваться пищевыми хлѣбами, и расширеніе запашекъ у кочевниковъ, которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стало не хватать воды, частью же и примѣръ русскихъ, заставили туземцевъ значительно расширить богарные посѣвы и въ значительной мѣрѣ отказаться отъ традиціонныхъ взглядовъ на надежность однихъ лишь посѣвовъ съ искусственнымъ орошеніемъ.

Чтобы покончить съ изложеніемъ тѣхъ указаній, которыя мнѣ пришлось собрать по данному вопросу до выѣзда въ экскурсію по Сыръ-Дарьинской области, я считаю долгомъ упомянуть еще о томъ, что въ Ташкентѣ ко мнѣ являлся запасный солдатъ, довѣренный отъ 83 дворовъ солдатъ-же, ходатайствующихъ объ отводѣ имъ 3.000 десятинъ въ урочищѣ Каскасу-кагалы, Чимкентскаго уѣзда (нѣсколько выше поселковъ Георгіевскаго и Петропавловскаго. На мои вопросы солдатъ этотъ объяснилъ мнѣ, что въ урочищѣ этомъ имѣется нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, изъ которыхъ просители думаютъ вывести воду, однако исключительно для усадебныхъ мѣстъ и огородовъ. Хлѣбопашествомъ они думаютъ заниматься безъ полива—мѣстность такова, что «и дождя не нужно», такъ какъ почва увлажнена подпочвенною водою; хозяйство такого рода, какъ выяснено опытомъ многочисленныхъ арендаторовъ, даетъ отличные результаты—родятся всѣ хлѣба, а въ болѣе низкой части даннаго урочища земля удобна для бахчевыхъ культуръ и для разведенія плодовыхъ деревьевъ.

Перехожу теперь къ изложенію своихъ наблюденій во время экскурсіи по Сыръ-Дарьинской области, причемъ позволю себѣ привести in extenso, по возможности не измѣняя даже редакціи, всѣ тѣ данныя, которыя были записаны мною собственно по вопросу о фактическомъ развитіи богарныхъ посѣвовъ и о даваемыхъ ими результатахъ.

А. Районъ Таласскаго Алатау и его предгорьевъ.

Пос. *Константиновскій*, Ташк. у. (нѣмцы). Изъ за недостатка воды сѣютъ хлѣба, главнымъ образомъ озимые ячмень и пшеницу, безъ полива; поливъ имѣлъ-бы смыслъ, если бы поливать по 3—4 раза, но на это не хватаетъ воды, однократная же поливка была бы скорѣе вредна; пашутъ также безъ полива—для этого достаточно имѣть хорошіе плуги и сильныхъ лошадей. Хлѣба безъ полива родятся прекрасно, лучше чѣмъ въ другихъ селеніяхъ поливной хлѣбъ; въ среднемъ урожай пшеницы не ниже 70 пудовъ. въ хорошіе годы до 150; неурожаевъ не бывало. Въ послѣдніе годы и въ другихъ сосѣднихъ селеніяхъ (Кауфманское, Черняевское) начинаютъ сѣять подъ дождь; впрочемъ, въ Черняевскомъ пока преобладаютъ поливные посѣвы, но хлѣба родятся хуже. Проживавшіе въ поселкѣ «билетные», нѣмцы, въ числѣ до 50 семей, ходатайствовали о разрѣшеніи имъ водвориться на расположенномъ невдалекѣ Духовскомъ участкѣ, пустующемъ изъ за неимѣнія оросительной воды. При арендѣ за богарныя земли платятъ дороже, чѣмъ за поливныя.

Пос. *Георгіевскій*, Чимк. у. Посѣвы производятъ частью на поливной землѣ, частью подъ дождь; богарные посѣвы — частью на надѣльной землѣ, частью—на арендуемой у киргизъ, ближе къ горамъ; тамъ хлѣбъ родится постоянно, въ виду чего за хорошія богарныя земли платятъ при арендѣ до 5 рублей--дороже, нежели за поливныя. На надѣльныхъ земляхъ богарные посѣвы по однимъ показаніямъ даютъ въ хорошій годъ не свыше 80 пудовъ, въ сухіе года урожайность ихъ падаетъ и до 20 пудовъ; по другимъ показаніямъ урожай только однажды падалъ ниже 40 пудовъ, въ среднемъ богара даетъ пудовъ 70, въ дождливые же годы—до 140—150 пудовъ съ десятины. Богару стали сѣять всего лѣтъ 6 тому назадъ—раньше не сѣяли, потому что скота не хватало на обработку и поливной земли, да притомъ боялись,—думали, что не можетъ родиться. А затѣмъ стали понемногу пробовать—сначала на бугрѣхъ съ хорошею почвой, куда не было возможности вывести воды, а когда вышло хорошо, стали сѣять безъ полива и на другихъ земляхъ. Разницы между урожаями на поливной землѣ и посѣвами подъ дождь не замѣтно. Въ послѣдніе годы, по примѣру крестьянъ, и окрестные киргизы стали сѣять безъ полива.

Пос. *Петропавловскій*, того-же у. Поселокъ существуетъ всего три года. Первый годъ почти не поливали—не умѣли взяться; но дождей было много, десятина давала по 100 пудовъ и болѣе.

Пос. *Бѣловодовскій* (того-же у.; показаніе учительницы г-жи Панкратовой). Безъ полива на надѣльной землѣ не сѣютъ — никто не пробовалъ: считаютъ, что такіе посѣвы не могутъ удаваться. Сѣютъ безъ полива только на арендованной землѣ, ближе къ горамъ.

Пос. *Антоновскій* (того же у.). Нѣкоторые снимаютъ землю для посѣвовъ подъ дождь, ближе къ горамъ,—хлѣбъ родится лучше, нежели поливной. На надѣльной землѣ сѣять подъ дождь нельзя—не родится; крестьяне не пробовали, но знаютъ, что нельзя: если мало полить--и то худо родится. «Новенькіе» намѣтили себѣ мѣсто подъ горами, гдѣ богачъ-киргизъ обѣща-

етъ имъ устроить арыкъ; «да и не нужно, безъ полива еще лучше родится»; отъ холодовъ тоже опасности нѣтъ.

С. *Ванновское*, (того-же у., показанія свящ. о. Өивейскаго). Безъ полива крестьяне не сѣютъ; самъ о. Өивейскій сѣялъ 2 года подрядъ по полудесятинѣ; хлѣбъ родился не хуже, нежели на поливной землѣ, но поспѣлъ слишкомъ рано, и его стравили воробьи. А крестьянамъ нужды не было пробовать безполивной посѣвъ—у нихъ поливной земли много.

Пос. *Высокій*, того-же у. Безъ полива сѣютъ больше на арендованной киргизской землѣ, подъ горами, верстахъ въ десяти отъ поселка—тамъ лучше родится. Но сѣютъ и на надѣльной землѣ; вначалѣ, когда по недостатку скота распахивали мало, поливали по четыре раза; увеличили запашки—стали поливать по 2 раза—тоже не хуже родится; а когда и вовсе не польешь—тоже бѣды нѣтъ: безъ полива родится не хуже поливной. Еще и то, что въ первые годы въ горахъ дождь, а у насъ ничего нѣтъ; а теперь какъ въ горахъ, дождь такъ и у насъ туманъ заклубится и дождь пойдетъ; оттого и стало можно безъ полива сѣять.

Пос. *Ключевой*, Ауліеатинск. у. Безъ полива никто не сѣялъ, ни на надѣлѣ, ни на арендованной землѣ.

Пос. *Романовскій*, того-же у. (меннониты). Посѣвовъ безъ полива вовсе не производятъ—земля бѣлая и потому безъ полива ничего не родится. Даже выгонные участки, и тѣ поливаютъ по 2—3 раза. Дождя въ сущности довольно,—если бы въ Россіи (въ Самарской губ.) столько было, какіе бы хлѣба родились! Въ трактовыхъ поселкахъ Чимкентскаго уѣзда можно сѣять безъ полива, потому что мѣста выше и земля лучше, а здѣсь нельзя.

Пос. *Орловъ* того-же у. (меннониты). Посѣвовъ подъ дождь вовсе нѣтъ и быть не можетъ; только на плоскогорьѣ по правому берегу Таласа есть хорошія черныя земли—киргизы иногда сѣютъ богару, которая въ дождливый годъ даетъ хорошій урожай.

Пос. *Александровскій* (того-же у.; (показанія нѣмца Терксена, содержателя постоялаго двора). Земли гораздо лучше, чѣмъ выше по Таласу, въ меннонитскихъ колоніяхъ—подпочвенная вода ближе, полива требуется меньше. Однако, богарныхъ посѣвовъ не дѣлаютъ—никто не пробовалъ.. Только гдѣ-то за горой одинъ изъ крестьянъ видѣлъ богарные посѣвы. Лично Т. знаетъ отличныя земли на плоскогорьѣ надъ дорогой въ городъ—если бы былъ здоровъ, непремѣнно попробовалъ бы пахать безъ полива.

По убѣжденію бывшаго уѣзднаго начальника *г.-м. Калаура*, богарныхъ посѣвовъ въ уѣздѣ нѣтъ и быть не можетъ. Во всемъ уѣздѣ богары—не болѣе 500—600 дес. подъ горами, на потныхъ земляхъ. Дѣло въ томъ, что Ауліеатинскій уѣздъ расположенъ на западномъ склонѣ горъ,—поэтому весна бываетъ холодная, посѣвы запаздываютъ и потому часто страдаютъ отъ холодовъ,—лѣтомъ же дуютъ сѣверные вѣтры и приносятъ сильные жары. Притомъ и земель подходящихъ въ горахъ нѣтъ—горы по большей части оголенныя.

Б. **Районъ Каратаускихъ горъ** (главн. обр. Чимкентскаго уѣзда).

По свидѣтельству бывшаго участковаго пристава, нынѣ помощника Ауліеатинскаго уѣзднаго начальника, капитана *Масича*, богарные посѣвы въ горахъ около Туркестана очень хороши. Про неурожаи на богарѣ г. Масичъ не слыхалъ, хотя думаетъ, что урожаи на богарѣ въ общемъ хуже, нежели на поливной землѣ. Лично г. Масичъ видѣлъ хорошіе богарные посѣвы въ Актюбинской и Каратаевской волостяхъ, къ сѣверо-востоку отъ Туркестана; впрочемъ, посѣвы эти не велики и имѣютъ пока характеръ опыта.

Лѣсничій г. *Прейсъ* видѣлъ хорошіе богарные посѣвы во многихъ мѣстахъ, въ особенности на высокихъ лѣтовкахъ; такъ, напримѣръ, богарные посѣвы практикуются въ Каратаускихъ горахъ вокругъ оз. Бійликуль; урожаи при переложномъ хозяйствѣ достаточно постоянны. Несомнѣнно возможны богарные посѣвы въ верховьяхъ Таласа, верстъ 30 выше Дмитріевки. Для окрестностей города Ауліеата опыта не имѣется. Г. Прейсъ приводитъ однако фактъ, заставляющій усомниться въ безусловной необходимости полива: именно, въ одномъ изъ послѣднихъ годовъ по случайнымъ причинамъ, остался неполитымъ древесный питомникъ, — насажденіе не пострадало и не дало замѣтнаго уменьшенія прироста.

По показанію волостного управителя *Каракольской волости*, богарныхъ посѣвовъ въ горахъ много. На юго-западномъ склонѣ горъ богару сѣютъ уже давно, на сѣверо-восточномъ склонѣ начали сѣять всего второй годъ. Урожаи на богарѣ не бываютъ ниже самъ 5, въ среднемъ—самъ 7—8 (на поливныхъ земляхъ средній урожай самъ 8—9), въ лучшій годъ самъ 10—12 и болѣе. Богарные посѣвы настолько разрослись, что многіе киргизы перестали ходить въ горы на лѣтовку—богарныя пашни стѣсняютъ.

По показанію волостного управителя *Джилыбулакской волости*, богару въ горахъ сѣютъ почти всѣ—неурожаевъ не бываетъ; самый малый урожай—самъ 5, самый большой самъ 10 и выше. Впрочемъ, на богарѣ сѣютъ только пшеницу—проса не имѣютъ.

По показанію солдата *Ивана Гудкова*, до 30 лѣтъ живущаго и ведущаго хозяйство на хуторѣ въ Каратаускихъ горахъ, богарные посѣвы «выгоднѣе», лучше поливныхъ: обычный урожай, при посѣвѣ 10—12 пудовъ, самъ 10—12, самый плохой урожай самъ 6. На поливныхъ земляхъ посѣвы очень страдаютъ отъ жаровъ послѣ полива, притомъ поливныя земли скоро истощаются (вода вымываетъ почву), а богарныя земли, напротивъ, улучшаются. Безъ полива сѣютъ подрядъ 6 лѣтъ пшеницу и ячмень, съ поливомъ не болѣе 4 хлѣбовъ. Въ ближайшихъ къ хутору мѣстностяхъ богарныя земли расположены мелкими клочками,—южнѣе много сплошныхъ пространствъ хорошихъ богарныхъ земель.

Выводы изъ этихъ наблюденій.

Казалось бы, что по отношенію къ горному и предгорному району Чимкентскаго и Ташкентскаго уѣздовъ, охватывающему, съ одной стороны, предгорья Таласскаго Алатау, съ другой удобныя для культуры долины и склоны невысокихъ Каратаускихъ горъ,

приведенныя данныя рѣшительно не оставляютъ мѣста никакому сомнѣнію въ возможности получать отъ культуры подъ дождь достаточно высокіе урожаи, не оставляющіе притомъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ ихъ устойчивости. Не входя затѣмъ въ подробности, я долженъ сказать, что по условіямъ рельефа, почвы и по травяному покрову, состоящему главнымъ образомъ изъ злаковъ (съ преобладаніемъ въ однихъ мѣстахъ ковыля, въ другихъ—повидимому дикаго ячменя или степного овса и т. п.), тѣ весьма значительныя некультурныя площади, по которымъ пролегаетъ трактъ отъ Ташкента на Чимкентъ и дальше до границы Ауліеатинскаго уѣзда, представляютъ, по согласному мнѣнію г. Шкапскаго и моему, полное сходство съ землями, напр., пос. Константиновскаго, Георгіевскаго и другихъ, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ практикуются богарные посѣвы,—и это обстоятельство, въ связи съ характеромъ травяного покрова, требующаго для своего произрастанія приблизительно тѣхъ-же условій, какія нужны для колосовыхъ хлѣбовъ,—позволяетъ прійти къ опредѣленному выводу, что и эти пространства должны быть пригодны для безполивного земледѣлія. Возможность этого послѣдняго въ разсматриваемомъ районѣ, косвенно доказывается, между прочимъ, еще и тѣмъ фактомъ, что крестьяне въ поселкахъ Георгіевскомъ, Корниловскомъ и нѣкоторыхъ другихъ запустили подъ покосъ болѣе или менѣе значительную часть прежнихъ поливныхъ пашенъ; и на этихъ покосахъ при естественномъ орошеніи родится превосходная густая трава—въ наибольшей части та самая люцерна, подъ которую принято производить особенно усиленный поливъ.

Напротивъ, по отношенію къ Ауліеатинскому уѣзду мнѣ не удалось получить никакихъ данныхъ, которыя позволили бы отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ на вопросъ о возможности и надежности богарныхъ посѣвовъ. Эти послѣдніе—по крайней мѣрѣ въ посѣщенной мною части уѣзда—мало практикуются [1]),—а по единодушному мнѣнію какъ крестьянъ, такъ и интеллигентныхъ мѣстныхъ дѣятелей, они если не невозможны, то во всякомъ случаѣ не способны давать сколько нибудь надежныхъ результатовъ. Это отрицательное мнѣніе требуетъ однако, какъ мнѣ кажется, повѣрки и не можетъ не возбу-

[1]) Въ сообщенномъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ главнымъ мѣстнымъ начальствомъ «Сводъ свѣдѣній» о количествѣ государственныхъ земель состоящихъ въ польз кочевн., по Ауліеатинскому у показано однако 28,143 д. богары.

ждать, по крайней мѣрѣ для такихъ мѣстностей, какъ верхнее теченіе Таласа и г. п., самыхъ серьезныхъ сомнѣній. Дожди здѣсь, несомнѣнно, выпадаютъ въ изобиліи, травяной покровъ на некультурныхъ площадяхъ достаточно богатый и зеленый,—если же почвы долины верхняго теченія Таласа дѣйствительно плохи, то ихъ недостатки должны исправляться не поливомъ, а такими мѣрами, какъ унаваживаніе и т. п. [1]). Считать богарные посѣвы въ горныхъ и предгорныхъ мѣстностяхъ Ауліеатинскаго уѣзда невозможными или думать, что они не могутъ давать удовлетворительныхъ результатовъ,—мнѣ кажется, имѣется тѣмъ меньше основанія, что Ауліеатинскій уѣздъ лежитъ по срединѣ между Чимкентскимъ, гдѣ возможность и надежность богарныхъ посѣвовъ вполнѣ доказывается вышеприведенными фактическими данными,—и Семирѣченскою областью, для которой возможность вести, съ хорошими результатами, культуру подъ дождь не составляетъ, повидимому, и вопроса. Не могу не упомянуть, что по мнѣнію г. Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ условія даже болѣе благопріятны для богарныхъ посѣвовъ, нежели въ остальныхъ южныхъ уѣздахъ области.

Я не имѣлъ возможности лично собрать на мѣстѣ какихъ-либо данныхъ относительно степени надежности посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія на такъ называемыхъ «потныхъ земляхъ» [2]), т. е. такихъ, которыя не нуждаются въ поливѣ, такъ какъ въ достаточной мѣрѣ увлажняются просачивающеюся снизу подпочвенною водою. Наиболѣе распространеннымъ типомъ такихъ земель являются повидимому тугайныя земли, которыя, какъ видно изъ приведенныхъ выше литературныхъ указаній, уже фактически въ довольно большихъ размѣрахъ засѣваются безъ полива; въ бытность мою въ Голодной Степи я имѣлъ случай узнать, что посѣвы этого рода производятъ крестьяне, напр., пос. Волынскаго, которые цѣликомъ сдаютъ въ аренду свои поливныя земли и сѣютъ хлѣбъ исключительно на потныхъ богарныхъ земляхъ. А какіе при этомъ могутъ достигаться результаты,—видно хотя бы изъ указаній, приводимыхъ въ уже цитированной мною статьѣ завѣдывающаго государственными имуществами г. Тилло, который свидѣтельствуетъ, что

---

[1]) Н. А. Дингельштедтъ указываетъ на распространенность у туземцевъ полива, какъ средства *удобренія* истощенной почвы (т. I, стр. 87, 174)

[2]) См. у кн. В. Масальскаго, назв. соч., стр. 10.

въ засушливомъ 1899 г. неполивная пшеница на нѣкоторыхъ урочищахъ этого типа давала до самъ 50; такое совершенно необычайное плодородіе, при отсутствіи полива, г. Тилло объясняетъ тѣмъ, что ежегодные разливы Сыръ-Дарьи не только увлажняютъ широкую прибрежную полосу, но и наносятъ массу ила, вслѣдствіе чего почва долины отличается здѣсь большимъ плодородіемъ,— причемъ, что весьма важно, посѣянные послѣ весенняго разлива хлѣбные злаки успѣваютъ созрѣвать до лѣтняго половодья.

Значеніе вопроса о богарѣ для дѣла русской колонизаціи.

Между тѣмъ, рѣшеніе вопроса о хозяйственномъ значеніи богарныхъ посѣвовъ въ томъ направленіи, какое съ достаточною, казалось бы, ясностью намѣчается для цѣлаго ряда мѣстностей вышеприведенными данными, частью мною лично собранными на мѣстѣ, частью сообщенными мнѣ мѣстными дѣятелями или почерпнутыми изъ литературныхъ источниковъ, имѣетъ, какъ мнѣ кажется, первостепенно-важное значеніе для будущности русской колонизаціи Туркестанскаго края. Я въ значительной мѣрѣ склоненъ присоединиться къ мнѣнію тѣхъ представителей высшей администраціи края и другихъ мѣстныхъ дѣятелей, которые полагаютъ, что переселенцевъ нельзя будетъ водворять на *однихъ* только богарныхъ земляхъ, и что имъ необходимо предоставлять хотя бы нѣкоторую площадь поливной земли подъ устройство усадебъ, огородовъ и подъ высшія культуры,—хотя считаю очень вѣроятнымъ, что многіе изъ тѣхъ переселенцевъ, которые водворятся въ горныхъ мѣстностяхъ, сами вовсе не пожелаютъ получать поливной земли сверхъ необходимаго для усадебъ и огородовъ количества и предпочтутъ, вмѣсто того, получить соотвѣтственно-увеличенное количество неполивныхъ земель. Но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что *во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ будетъ съ положительностью установлена возможность ожидать отъ безполивной культуры такихъ-же хорошихъ результатовъ,* какіе достигаются въ горныхъ и предгорныхъ районахъ Ташкентскаго и Чимкентскаго уѣздовъ,—*поливныя земли можно будетъ отводить въ значительно пониженномъ противъ допущенной закономъ предѣльной душевой нормы размѣрѣ,*—можетъ быть въ размѣрѣ одной десятины на душу или даже еще меньше,—*а взамѣнъ того отводить вдвое или втрое увеличенное противъ нормы количество неполивной земли, пригодной для культуры подъ дождь.*

Въ виду отмѣченныхъ въ предыдущей главѣ [1]) особенностей крестьянскаго хозяйства есть полное основаніе думать, что земельное

[1]) Стр. 31—39.

устройство на такихъ основаніяхъ даже въ большей мѣрѣ удовлетворитъ самихъ переселенцевъ, нежели отводъ имъ сравнительно небольшой площади поливной земли. Крестьяне, какъ выше выяснено, охотнѣе всего занимаются не интенсивными культурами, при которыхъ 3-десятинный надѣлъ поливной земли былъ бы болѣе нежели достаточенъ, — а культурой зерновыхъ хлѣбовъ; въ тѣхъ мѣстностяхъ, поэтому, гдѣ уже нынѣ доказана или гдѣ будетъ твердо установлена возможность получать съ неполивной земли такіе-же или почти такіе-же урожаи этихъ хлѣбовъ, какъ при искусственномъ орошеніи, они конечно предпочтутъ получить большее количество богарныхъ земель, нежели удовольствоваться меньшимъ количествомъ поливныхъ земель, которыя собственно для *крестьянскаго зернового* хозяйства не представляютъ почти никакихъ преимуществъ передъ неполивными. А между тѣмъ, если въ горныхъ и предгорныхъ районахъ, которыхъ естественныя условія и вообще уже мало благопріятствуютъ или вовсе не благопріятствуютъ интентенсивнымъ культурамъ, отводить въ надѣлъ главнымъ образомъ богарныя земли, предназначая подъ поливъ лишь небольшую часть надѣла,—то та вода, которая иначе была-бы затрачиваема здѣсь на поливку трехъ или даже пяти (ибо въ такихъ мѣстностяхъ надѣлы, конечно, будутъ отводиться въ возможно повышенномъ размѣрѣ) десятинъ разсчитаннаго исключительно на поливное хозяйство надѣла, въ наибольшей своей части останется свободною. Ее можно будетъ использовать для поливки земель въ мѣстностяхъ, лежащихъ ниже по теченію рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ съ одной стороны культура дѣйствительно невозможна безъ искусственнаго орошенія, а съ другой — болѣе жаркій климатъ создаетъ благопріятныя условія для интенсивныхъ культуръ. Сказаннымъ путемъ создается, съ одной стороны, возможность, вообще, расширить ту площадь, которая можетъ быть колонизована насчетъ сравнительно ограниченныхъ водныхъ запасовъ края, а съ другой—будетъ достигнуто расширеніе той площади, которая можетъ быть предназначена подъ высшія южныя культуры, которыя конечно въ гораздо большей мѣрѣ окупятъ связанные съ развитіемъ ирригаціонной сѣти расходы.

Необходимость опытнаго изслѣдованія вопроса въ землеотводныхъ цѣляхъ.

Для всего этого необходимо, однако, чтобы надежность богарнаго хозяйства, въ каждой данной мѣстности, была *дѣйствительно установлена и доказана*, и притомъ доказана не только въ глазахъ тѣхъ правительственныхъ органовъ, на которыхъ будетъ лежать

дѣло земельнаго устройства переселенцевъ, но и въ глазахъ какъ наличнаго населенія края, такъ и будущихъ его колонизаторовъ. Для меня лично, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ и всей совокупности впечатлѣній, полученныхъ во время пребыванія въ Туркестанѣ, возможность обосновать колонизацію въ такихъ мѣстностяхъ, какъ горные и предгорные районы Ташкентскаго и Чимкентскаго уѣздовъ, если не исключительно, то преимущественно на богарныхъ земляхъ, представляется безусловно доказанною. Этимъ, конечно, не снимается съ той партіи, которая будетъ заниматься отводомъ земли переселенцамъ, обязанность произвести даже по отношенію къ названнымъ только-что районамъ ближайшую провѣрку справедливости изложеннаго моего заключенія, каковая провѣрка будетъ состоять, очевидно, въ болѣе полномъ и детальномъ изученіи, нежели это было для меня возможно, условій земледѣльческаго хозяйства мѣстныхъ киргизъ и существующихъ въ названной мѣстности русскихъ поселеній [1]). Весьма возможно, что этимъ-же способомъ можно будетъ придти къ совершенно опредѣленнымъ заключеніямъ и для нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. каковы, напримѣръ, описанные Коржинскимъ «адыры» Ферганской области, предгорья Самаркандской или Семирѣченской областей и т. п. Для такихъ мѣстностей, для которыхъ опытъ существующаго земледѣльческаго хозяйства не даетъ возможности придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ относительно дѣйствительнаго или возможнаго значенія посѣвовъ подъ дождь, но гдѣ условія рельефа, высоты, характеръ дикой растительности, позволяютъ предполагать возможность подобнаго рода посѣвовъ, въ видахъ положительнаго выясненія вопроса должны быть организованы прежде всего метеорологическія наблюденія, веденныя параллельно съ подобными-же наблюденіями, поставленными въ мѣстностяхъ. гдѣ надежность посѣвовъ подъ дождь уже доказана опытомъ существующаго хозяйства. Подобнымъ же образомъ должно быть поведено изученіе почвенныхъ условій и дикой растительности. Сопоставленіе результатовъ изученія почвъ, растительности, количества осадковъ и т. п. дастъ возможность установить бо́льшую или меньшую степень сходства не имѣющихъ за собою въ данномъ отношеніи практическаго опыта

[1]) При этомъ будетъ надлежать, между прочимъ, выяснить вопросъ, не должны ли быть столь благопріятные результаты посѣвовъ подъ дождь отнесены на счетъ наступившаго, въ силу отмѣченной въ 1-й главѣ этого отчета періодичности, временнаго увеличенія количества осадковъ.

мѣстностей съ мѣстностями, гдѣ значеніе богарныхъ посѣвовъ уже выяснено практикой,—откуда возможно будетъ придти къ апріорнымъ заключеніямъ относительно возможности или напротивъ—невозможности разсчитывать въ данной мѣстности на благопріятные результаты земледѣлія безъ искусственнаго орошенія. Но эти апріорныя заключенія необходимо будетъ подвергать опытной провѣркѣ, которая можетъ быть достигнута, гдѣ посѣвы подъ дождь не практикуются населеніемъ, не иначе, какъ путемъ заложенія возможно бо́льшаго числа опытныхъ посѣвовъ; результаты этихъ посѣвовъ, если они будутъ положительными, съ одной стороны позволятъ соотвѣтствующимъ правительственнымъ органамъ придти къ окончательнымъ заключеніямъ по вопросу о значеніи для данной мѣстности посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія, а съ другой—убѣдятъ и населеніе въ возможности обосновать свое благосостояніе если не цѣликомъ, то въ наибольшей части, на неполивныхъ земляхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, — что особенно важно, — пробные посѣвы познакомятъ населеніе съ тѣмъ подборомъ культуръ и съ тѣми пріемами обработки земли, которые въ наибольшей мѣрѣ способны обезпечить успѣхъ безполивного хозяйство.

Организація его

Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстное содѣйствіе въ данномъ отношеніи окажутъ дѣлу колонизаціи Туркестана существующія въ краѣ опытныя учрежденія, — изъ которыхъ напр. Ташкентская опытная станція считаетъ, въ числѣ своихъ разнообразныхъ и сложныхъ задачъ, также и «изученіе культуръ, возможныхъ безъ искусственнаго орошенія». Однако, разсчитывать въ этомъ отношеніи исключительно не существующія опытныя учрежденія, конечно, нѣтъ возможности, прежде всего уже въ виду самого разнообразія ихъ задачъ, среди которыхъ изученіе условій неполивной культуры неизбѣжно будетъ занимать одно изъ послѣднихъ мѣстъ,—а затѣмъ и въ виду соображенія, на которое я уже указывалъ, говоря о постановкѣ изученія вопроса о нормахъ необходимаго полива: каждое такое опытное учрежденіе можетъ обслуживать только свой ближайшій районъ, и выводы, полученные, напримѣръ, на Ташкентской станціи, будутъ имѣть очень мало значенія даже для Чимкентскихъ предгорій, обращенныхъ къ сѣверу, а тѣмъ болѣе—для горныхъ районовъ, предгорій или высокихъ степей Ауліеатинскаго уѣзда; во всякомъ случаѣ, притомъ, опыты станціи останутся неизвѣстны мѣстному населенію и слѣдовательно совершенно не будутъ имѣть показательнаго значенія. Чтобы на-

мѣчаемое изслѣдованіе достигло цѣли, необходимо, чтобы оно постепенно охватило всѣ тѣ мѣстности, которыя будутъ намѣчаться для веденія землеотводныхъ работъ, и чтобы оно велось въ непосредственной связи съ этими послѣдними. А для этого нужно, чтобы веденіе изслѣдованій подобнаго рода было включено въ число задачъ того самого учрежденія, на которое будетъ возложено образованіе переселенческихъ участковъ и всѣ необходимыя для этой цѣли предварительныя работы. Въ общихъ чертахъ организація этого дѣла должна быть сходна съ тою, которая намѣчена въ первой части настоящаго отчета въ цѣляхъ выясненія сельско-хозяйственнаго и колонизаціоннаго значенія сѣро-желтыхъ полынныхъ степей Уральской и Тургайской областей. Для рѣшенія намѣченной на предыдущихъ страницахъ задачи можно только обойтись, по моему мнѣнію, безъ приглашенія особаго ученаго спеціалиста, такъ какъ районъ предстоящаго изслѣдованія, по крайней мѣрѣ на ближайшіе годы, будетъ сравнительно ограниченъ, и потому установленіе сходства или различія почвенныхъ и растительныхъ типовъ будетъ связано съ гораздо меньшими затрудненіями; притомъ рѣшеніе подлежащихъ выясненію вопросовъ о нормахъ полива и о безполивныхъ посѣвахъ потребуетъ не столько крупной ученой подготовки, сколько возможно близкаго знакомства съ мѣстною оросительною техникою и, вообще, съ условіями мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства, — каковому условію можетъ вполнѣ удовлетворить назначенный въ составъ партіи агрономъ, если онъ будетъ приглашенъ изъ числа лицъ, служившихъ въ краѣ и знакомыхъ не только теоретически, но и практически, съ мѣстными условіями и техникою сельскаго хозяйства. Это лицо, состоя подъ общимъ руководствомъ начальника партіи и въ частности—получая отъ него заданія въ смыслѣ, главнымъ образомъ, выбора районовъ, подлежащихъ изслѣдованію, займется организаціею метеорологическихъ наблюденій, въ чемъ ему окажетъ, конечно, содѣйствіе Ташкентская метеорологическая станція; оно-же будетъ вести сравнительное изученіе почвъ и растительнаго покрова,—причемъ потребные анализы можно будетъ либо возложить на Ташкентскую станцію, либо поручить какому-либо изъ занимающихся подобнаго рода работами центральныхъ учрежденій. И оно же, конечно, организуетъ и будетъ вести подъ своимъ ближайшимъ наблюденіемъ пробные посѣвы. Что̀ касается до числа пунктовъ для метеорологическихъ наблюденій и пробныхъ посѣвовъ, то конечно было-бы

желательно по возможности увеличить число какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ. Въ частности, желательно было-бы на ближайшую очередь изслѣдовать, въ данномъ направленіи, не только горные и предгорные районы, но напримѣръ и такія мѣстности, какъ степь, лежащая къ сѣверо-западу отъ Ауліеата, по дорогѣ къ перевалу Турланъ, такъ какъ характеръ травяного покрова позволяетъ предполагать, что и на этой степи посѣвы безъ полива не безусловно невозможны. Но къ сожалѣнію придется считаться съ отсутствіемъ лицъ, которымъ можно было-бы поручить, въ подобныхъ мѣстностяхъ, веденіе метеорологическихъ наблюденій. На первый разъ, по крайней мѣрѣ, придется поэтому ограничиться четырьмя или пятью пунктами, взявъ ихъ въ горной и предгорной полосѣ Чимкентскаго или Ауліеатинскаго уѣздовъ. Число же пунктовъ, гдѣ будутъ поставлены пробные посѣвы въ цѣляхъ выясненія какъ поливныхъ нормъ, такъ и возможности хозяйства безъ полива, желательно возможно увеличить, чтобы исчерпать по возможности все разнообразіе условій высоты надъ уровнемъ моря, рельефа, почвенныхъ условій и т. п.,—и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать производимые опыты и ихъ результаты возможно шире извѣстными наличному и имѣющему водвориться въ краѣ населенію.

Условія, отъ которыхъ будетъ зависѣть возможность заселенія.

Сводя воедино вышеизложенныя соображенія, нетрудно видѣть, что въ очень многихъ случаяхъ, если не въ видѣ правила, возможность заселенія тѣхъ или другихъ земельныхъ пространствъ окажется стоящею въ зависимости отъ ряда такихъ условій, которыя либо по самому существу дѣла, либо въ виду неполноты нашихъ свѣдѣній объ условіяхъ природы и хозяйства въ Туркестанскомъ краѣ, могутъ выясниться лишь по истеченіи нѣкотораго числа лѣтъ съ того момента, когда извѣстная мѣстность будетъ поставлена на очередь необходимыхъ въ землеотводныхъ цѣляхъ изслѣдованій, а затѣмъ и работъ собственно по выдѣлу могущихъ оказаться свободными земель подъ русскія поселенія. Прежде всего, въ видѣ правила, изъ котораго будетъ, вѣроятно, лишь мало исключеній, заселенію должно будетъ предшествовать устройство оросительныхъ системъ, все равно, будетъ-ли предназначена подъ орошеніе *вся* предполагаемая къ отводу въ надѣлъ переселенцамъ земля, или только *нѣкоторая*, небольшая ея *часть*; между тѣмъ, конечно, работы по образованію участковъ, на какихъ бы сложныхъ пред-

варительныхъ изслѣдованіяхъ онѣ ни основались, будутъ идти гораздо быстрѣе, нежели сооруженіе оросительныхъ каналовъ. Лишь въ видѣ исключенія ирригаціонныя работы будутъ настолько просты и потребуютъ столь небольшихъ затратъ, что ихъ окажется возможнымъ выполнить непосредственно вслѣдъ за утвержденіемъ предположеній о выдѣлѣ земель въ участки; общимъ правиломъ будутъ такіе случаи, когда между утвержденіемъ участковъ и тѣмъ моментомъ, когда они будутъ надлежащимъ образомъ орошены, пройдетъ извѣстное число лѣтъ; во-первыхъ потому, что самое выполненіе менѣе простыхъ сооруженій потребуетъ извѣстнаго промежутка времени, и во-вторыхъ потому, что какъ финансовыя соображенія, такъ и трудность веденія оросительныхъ сооруженій одновременно въ слишкомъ многихъ мѣстахъ и широкихъ размѣрахъ едва-ли позволятъ приступить къ исполненію, разомъ, всѣхъ тѣхъ ирригаціонныхъ работъ, которыя потребуются, чтобы оживить всѣ тѣ площади, которыя окажется возможнымъ предназначить подъ заселеніе.

Сказаннымъ, однако, дѣло далеко не ограничивается. Какъ видно изъ изложенныхъ на предыдущихъ страницахъ соображеній, самая возможность заселенія многихъ мѣстностей, а затѣмъ размѣры надѣльныхъ нормъ, распредѣленіе надѣловъ на поливную и неполивную части, наконецъ во многихъ случаяхъ самая конфигурація отдѣльныхъ участковъ, которые будутъ отводиться подъ заселеніе, будутъ зависѣть отъ исхода тѣхъ изслѣдованій, которыя намѣчаются въ цѣляхъ выясненія нормъ расхода поливной воды и возможности земледѣлія безъ искусственнаго орошенія. Такое изслѣдованіе, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется достаточнаго земледѣльческаго опыта, потребуетъ трехъ, скорѣе даже пяти лѣтъ, и только по завершеніи его окажется возможнымъ приступить, въ однихъ случаяхъ, къ ирригаціоннымъ работамъ въ цѣляхъ использованія тѣхъ излишковъ воды, которые освободятся по урегулированіи существующаго водопользованія, въ другихъ — къ заселенію участковъ въ разсчетѣ на культуру подъ дождь; самый составъ угодій въ отводимыхъ участкахъ будетъ совершенно различный въ зависимости отъ того, окажется ли въ данной мѣстности культура подъ дождь достаточно надежною, или не окажется: въ послѣднемъ случаѣ въ счетъ установленной закономъ надѣльной нормы придется отвести однѣ лишь такія земли, которыя по условіямъ своего рельефа могутъ быть орошены, въ первомъ—такихъ земель будетъ отведено,

на данное число душъ, въ нѣсколько разъ меньше, но за то въ составъ каждаго участка будетъ введено соотвѣтствующее количество неполивныхъ земель. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ слишкомъ скорое окончательное сформированіе и заселеніе участковъ было-бы связано съ прямымъ и значительнымъ ущербомъ для колонизаціонной ёмкости края; такъ, отводъ участка въ разсчетѣ на чисто-поливное хозяйство въ мѣстности, которая впослѣдствіи оказалась бы годною для культуры подъ дождь, съ одной стороны повелъ-бы къ непроизводительной затратѣ той воды, которая могла бы быть употреблена, иначе, на орошеніе соотвѣтствующей площади земли, лежащей гдѣ-либо ниже и дѣйствительно пригодной лишь для поливного хозяйства, а съ другой—обезцѣнилъ бы оставшіяся внѣ границъ отведеннаго участка неполивныя земли.

Наконецъ, задержка въ заселеніи можетъ быть обусловлена, въ особенности въ горныхъ районахъ, необходимостью предварительнаго проложенія проѣзжихъ дорогъ, отсутствіе которыхъ можетъ, какъ показываетъ напр. опытъ поселенія на Чаткалѣ, повести за собой полную неудачу колонизаціи земель, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ безусловно для того пригодныхъ.

Условный выдѣлъ земель подъ заселеніе.

Между тѣмъ, ждать съ выдѣломъ въ переселенческіе участки тѣхъ земель, которыя окажутся, по изслѣдованію, свободными, до тѣхъ поръ пока не создадутся или не выяснятся условія, допускающія ихъ заселеніе въ наибольшемъ соотвѣтствіи не только съ потребностями даннаго момента, но и съ общимъ планомъ колонизаціи края,—ждать, напримѣръ, пока будетъ построена въ одной мѣстности ирригаціонная сѣть, пока будетъ проложена, въ другой, необходимая дорога, пока выяснится, въ третьей, слѣдуетъ ли заселять данный районъ въ разсчетѣ на одну поливную или напротивъ—преимущественно на богарную культуру, представлялось бы нецѣлесообразнымъ, прежде всего, въ виду того чисто практическаго соображенія, что при такой постановкѣ дѣла землеотводную партію или иное подобное учрежденіе приходилось бы направлять въ каждую данную мѣстность—уѣздъ или часть уѣзда, по многу разъ, по мѣрѣ того какъ наступало-бы время заселенія тѣхъ или другихъ свободныхъ площадей; это было бы неизбѣжно въ виду, въ особенности, того обстоятельства, что всѣ тѣ данныя, на основаніи которыхъ опредѣляется свободность или несвободность земель, используемыхъ кочевниками,—составъ населенія, количество скота, бытовыя границы отдѣльныхъ общинныхъ группъ, направленіе и

характеръ кочевокъ—весьма измѣнчивы, особенно при той быстрой эволюціи, которую претерпѣваетъ скотоводческо-кочевой бытъ всѣхъ вообще и въ особенности туркестанскихъ киргизъ, и потому результаты изслѣдованій, произведенныхъ въ данномъ году въ какомъ-либо уѣздѣ или части уѣзда, черезъ немного лѣтъ рисковали бы оказаться не соотвѣтствующими дѣйствительному положенію землевладѣнія и хозяйства. Съ этимъ тѣсно связывается другое, крайне серьезное соображеніе. Какъ мнѣ придется подробнѣе говорить въ слѣдующей главѣ, киргизскія запашки растутъ чрезвычайно быстро; вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ, особенно въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области, все новыя оросительныя системы,—и вообще все бо̀льшая и бо̀льшая часть используемой или могущей быть используемою киргизами территоріи поступаетъ изъ-подъ первобытныхъ, экстенсивныхъ формъ хозяйственной эксплоатаціи подъ такія болѣе интенсивныя формы, какъ пашня, сѣнокосъ, пріусадебная площадь и т. п. Конечно, процессъ осѣданія киргизъ и перехода ихъ къ земледѣльческой культурѣ не только неизбѣженъ, но и безусловно желателенъ, и Министерство Земледѣлія, руководя землеотводными работами въ киргизскихъ областяхъ, всегда считалось не только съ современнымъ положеніемъ земледѣлія и сѣнокошенія у киргизъ, но также и съ возможнымъ развитіемъ этихъ отраслей хозяйства въ будущемъ. Но дѣло въ томъ, что при современномъ положеніи дѣла, пока киргизы свободно пользуются, на основаніи ст. 270 и слѣдующихъ Турк. положенія, всею территоріею степей, ихъ посѣвы и т. п. угодья разбрасываются по всей этой территоріи въ зависимости отъ усмотрѣнія каждаго отдѣльнаго кибитковладѣльца или небольшой группы киргизъ, причемъ, естественно, занимаются прежде всего именно тѣ площади, которыя наиболѣе интересны также и въ колонизаціонномъ отношеніи. Этимъ-же путемъ эволюція киргизскаго землевладѣнія будетъ идти и дальше, причемъ, конечно, въ первую голову будутъ занимаемы именно тѣ мѣстности, гдѣ правительствомъ будутъ предприняты ирригаціонныя работы, гдѣ будетъ начата постройка дороги и т. п. А это грозитъ—если заблаговременно не будутъ приняты соотвѣтственныя мѣры, серьезно затруднить землеотводныя работы и затормазить успѣхъ русской колонизаціи края. Конечно, распаханныя или обращенныя въ покосъ площади не сдѣлаются, тѣмъ самымъ, безусловно неприкосновенными; но изъятіе такихъ земель будетъ дѣломъ гораздо болѣе сложнымъ, нежели изъятіе извѣстной части

чисто-пастбищныхъ угодій, и будетъ требовать, вѣроятно, вознагражденія киргизъ въ формѣ либо денежныхъ выдачъ за проложенные киргизами арыки, либо предоставленія имъ части орошенной на средства Правительства земли. Съ другой стороны, процессъ обращенія пастбищныхъ степей подъ пашню и сѣнокошеніе сопровождается и расчлененіемъ самаго землевладѣнія—общее пользованіе пастбищемъ смѣняется обособленнымъ владѣніемъ отдѣльныхъ зимовочныхъ, арычныхъ, сѣнокосныхъ и т. п. группъ. Въ то время поэтому, какъ выдѣлъ излишковъ пастбищныхъ степей является сравнительно простымъ дѣломъ, выдѣлъ пашни, сѣнокоса и т. п. потребуетъ гораздо болѣе детальныхъ изслѣдованій, входящихъ во всѣ подробности условій раздробившагося землевладѣнія, и гораздо болѣе сложныхъ работъ по удовлетворенію однихъ группъ кочевого населенія, непосредственно затронутыхъ выдѣломъ земли въ участки, насчетъ другихъ.

Въ виду всего изложеннаго, я считалъ бы существенно необходимымъ держаться при предстоящихъ въ Туркестанскомъ краѣ землеотводныхъ работахъ такого порядка:

Разъ предварительное рекогносцировочное изслѣдованіе (см. слѣдующую главу) выяснило, что данная мѣстность—волость, часть волости, нѣсколько волостей—представляетъ интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи,—эта мѣстность и заинтересованное въ пользованіи ею населеніе должны быть подвергнуты изслѣдованію съ тою степенью подробности, какая будетъ соотвѣтствовать выясненной рекогносцировкою совокупности мѣстныхъ условій. На основаніи данныхъ этого изслѣдованія должно быть выяснено, какое количество земли и въ какихъ именно мѣстностяхъ необходимо для кочевниковъ въ разсчетѣ какъ на существующее ихъ хозяйство, такъ и на будущее развитіе у нихъ земледѣлія и на будущій переходъ къ осѣдлому быту,—другими словами, сдѣлать все то, что требуется выполнить для образованія переселенческихъ участковъ по смыслу циркуляра отъ 19 мая 1898 г. № 5 и имѣющихъ замѣнить его для Туркестанскаго края инструкцій. Затѣмъ, тѣ площади, которыя окажутся излишними для заинтересованныхъ киргизъ, должны быть выдѣлены въ распоряженіе Правительства не только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ окажутся пригодными для немедленнаго заселенія, но и въ тѣхъ, когда возможность послѣдняго будетъ зависѣть отъ сооруженія арыковъ, проложенія дорогъ, отъ результатовъ агрономическаго изслѣдованія и т. п., и слѣдо-

вательно наступитъ лишь по истеченіи нѣкотораго времени. Въ первомъ случаѣ будутъ образовываться непосредственно переселенческіе участки, которые тотчасъ-же будутъ поступать подъ заселеніе. Во второмъ случаѣ участки будутъ утверждаться какъ-бы условно, или иначе сказать—на условно-пригодныя подъ заселеніе площади будетъ налагаться запрещеніе, связанное съ изъятіемъ ихъ изъ неограниченно-свободнаго пользованія киргизъ по ст. 270 Турк. пол. До наступленія того момента, когда такія площади окажется дѣйствительно возможнымъ и своевременнымъ заселять, нѣтъ, конечно, надобности запрещать киргизамъ пасти на нихъ скотъ, косить траву, даже можетъ быть производить распашки [1]). Но всѣ такіе виды пользованія будутъ разсматриваться уже только какъ временно-допускаемое пользованіе землею, принятою въ единственное владѣніе и непосредственное распоряженіе казны. А когда наступитъ время заселять подобнаго рода площади,—это будетъ дѣлаться уже безъ какихъ-либо новыхъ изслѣдованій, и заселенію будетъ предпосылаться только разбивка условно-изъятыхъ площадей на участки, примѣнительно къ выяснившимся условіямъ ирригаціоннаго или богарнаго хозяйства.

Считая своею обязанностью доложить, что изложенныя соображенія являются, въ значительной мѣрѣ, развитіемъ мысли, которую неоднократно высказывалъ, при бесѣдахъ со мною, г. Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ,- я вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что проектируемое условное утвержденіе или иначе сказать—наложеніе запрещеній на интересныя въ колонизаціонномъ отношеніи площади, если оно будетъ основано на предварительномъ изслѣдованіи землепользованія и хозяйства киргизъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ повести къ ущербу для этихъ послѣднихъ. Киргизы и послѣ таковыхъ запрещеній смогутъ продолжать вести на оставленной имъ землѣ хозяйство существующаго у нихъ типа и сохранятъ возможность расширять свои запашки, обзаводиться осѣдлостью и т. п.,— но только они будутъ введены при этомъ въ нѣкоторыя границы, и этимъ будетъ обезпечена возможность использовать для цѣлей русской колонизаціи, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, такія земли, которыя въ данный моментъ еще не могутъ поступить подъ заселеніе.

[1]) Можетъ быть, впрочемъ, предпочтительно установить за пользованіе такими землями какое либо, хотя бы самое умѣренное обложеніе въ пользу казны, чтобы этимъ подчеркнуть измѣнившійся характеръ правъ киргизъ на условно изъятые участки.

Глава третья.

Обзоръ особенностей быта туркестанскихъ киргизъ въ связи съ соображеніями объ организаціи землеотводныхъ работъ.

Какъ неоднократно указывалось высшею администраціею Туркестанскаго края и какъ отмѣчено, между прочимъ, въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента по командировкѣ въ Туркестанъ [1]), для цѣлей русской колонизаціи этого края будутъ служить если не исключительно, то въ громадномъ большинствѣ, земли, находящіяся нынѣ въ пользованіи кочевого населенія.

Существеннѣйшею задачею при предстоящей организаціи землеотводныхъ работъ въ Туркестанскомъ краѣ является поэтому возможно правильное и безпристрастное выясненіе дѣйствительныхъ земельныхъ потребностей кочевого населенія, а слѣдовательно — и тѣхъ излишковъ, которые могли бы быть обращены подъ русскую колонизацію безъ ущерба какъ для современнаго хозяйства кочевниковъ, такъ и для совершающагося въ ихъ средѣ процесса осѣданія и перехода къ земледѣльческому быту. Между тѣмъ, рѣшеніе вопроса о правильной и цѣлесообразной организаціи тѣхъ предварительныхъ изслѣдованій, которыя необходимы собственно въ указанныхъ видахъ, стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости, съ одной стороны, отъ количества земель, могущихъ, по чисто естественнымъ и агрикультурно-техническимъ условіямъ, поступить подъ заселеніе, а съ другой и главнымъ образомъ — отъ условій быта и хозяйства тѣхъ кочевниковъ, отъ которыхъ предполагается брать излишнія земли. Въ частности, большой практическій интересъ представляетъ вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ условія быта и хозяйства туркестанскихъ киргизъ сходны съ условіями быта и

---

[1]) Стр. 76—77.

Условія быта Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ по сравненію съ киргизами Степного края.

хозяйства киргизъ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей, уже подвергнутыхъ, въ землеотводныхъ цѣляхъ, болѣе или менѣе сплошному изслѣдованію. Если бы отвѣтъ на этотъ вопросъ оказался утвердительнымъ—то изъ этого вытекала бы возможность, съ одной стороны, болѣе или менѣе цѣликомъ распространить на Туркестанскій край тѣ инструкціонныя указанія, которыя установлены въ видахъ огражденія насущныхъ земельныхъ правъ и интересовъ кочевниковъ Степного Генералъ-Губернаторства и Тургайской области, а съ другой—примѣнить тѣ-же самые пріемы какъ мѣстнаго изслѣдованія, такъ и обработки собраннаго послѣднимъ матеріала въ направленіи вывода нормъ киргизскаго землепользованія и исчисленія имѣющихся въ пользованіи киргизъ излишковъ.

Апріорно слѣдуетъ, казалось-бы, дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Извѣстно, что кочевники Туркестанскаго края и въ частности Сыръ-Дарьинской области связаны въ земельномъ отношеніи съ кочевниками Акмолинской и Тургайской областей: извѣстная часть первыхъ пользуется правомъ лѣтованія, а частью и дѣйствительно лѣтуетъ, въ предѣлахъ Тургайской и Акмолинской областей, а Тургайскіе кочевники, или по крайней мѣрѣ наиболѣе богатая скотомъ часть ихъ, если не ежегодно, то въ годы «джутовъ», откочевываетъ на зиму въ предѣлы Туркестанскаго края. Казалось бы, что такая общность кочевого землепользованія свидѣтельствуетъ объ общности, вообще, условій землевладѣнія и хозяйства Туркестанскихъ киргизъ, съ одной стороны, и киргизъ Акмолинской и Тургайской областей съ другой. Такое заключеніе, въ общемъ совершенно правильное, требуетъ однако одного очень серьезнаго ограниченія: условія быта и хозяйства Туркестанскихъ киргизъ представляютъ сходство съ условіями хозяйства и быта киргизъ *южной* полосы Тургайской области, а именно—Иргизскаго и Тургайскаго уѣздовъ, въ Акмолинской же области—тѣхъ собственно киргизъ, которые зимуютъ на р. Чу и на ближайшихъ къ ней южныхъ окраинахъ Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ и только на лѣто откочевываютъ въ сѣверную полосу тѣхъ-же уѣздовъ. Это ограниченіе имѣетъ весьма существенное практическое значеніе: всѣ правила, касающіяся образованія участковъ изъ излишнихъ земель киргизскаго пользованія, выработаны примѣнительно къ условіямъ землепользованія и быта киргизъ *сѣверной* и лишь частью—средней полосы Акмолинской и Тургайской областей; при-

мѣнительно къ тѣмъ-же условіямъ были выработаны и методы самого изслѣдованія землепользованія и хозяйства киргизъ, и въ особенности—пріемы построенія, по даннымъ этого изслѣдованія, земельныхъ нормъ и вычисленія размѣровъ земельныхъ излишковъ.

Насколько я могъ составить себѣ понятіе частью по весьма немногочисленнымъ указаніямъ, имѣющимся въ литературѣ, и по сообщеніямъ мѣстныхъ дѣятелей, частью—по наблюденіямъ, сдѣланнымъ мною лично во время экскурсіи по Сыръ-Дарьинской области,—особенности землепользованія и хозяйства Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ сводятся къ двумъ, на первый взглядъ другъ друга исключающимъ чертамъ: къ *поливодному земледѣлію* и къ *гораздо большей первобытности формъ быта и землевладѣнія*.

Развитіе земледѣлія у киргизъ

Развитіе земледѣлія въ средѣ кочевниковъ Туркестанскаго края и въ частности—въ Сыръ-Дарьинской области пошло усиленнымъ темпомъ непосредственно вслѣдъ за покореніемъ края. «Киргизское земледѣліе—говоритъ покойный генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ въ своемъ отчетѣ за 14 лѣтъ управленія краемъ [1]), годъ отъ году дѣлаетъ все болѣе значительные успѣхи и составляетъ въ настоящее время весьма важное подспорье скотоводческому хозяйству. Развитію зачатковъ земледѣльческаго быта среди кочевниковъ содѣйствуетъ неотразимо вся совокупность новыхъ условій, въ которыя поставлено степное населеніе со времени умиротворенія степи и введенія въ ней русскаго управленія. До этого умиротворенія—такъ поясняетъ К. П. фонъ-Кауфманъ эту безспорно справедливую мысль—экономическое благосостояніе кочевниковъ опредѣлялось исключительно силою того или другого киргизскаго рода; оно поддерживалось хищничествомъ, барантой, и выпадало на долю родовъ, военно-разбойническая организація которыхъ оказывалась болѣе развитою..... Ни трудовое, ни поземельное начала до русскаго владычества не могли быть основою благосостоянія въ этой родово-военной организаціи кочевыхъ обществъ. И земледѣліе, и самое скотоводство въ эпоху степныхъ междоусобій сильно страдали отъ хищничества, и потому могли держаться въ степи лишь въ предѣлахъ того крайняго минимума, какой былъ необходимъ въ продовольственномъ смыслѣ, какъ матеріальное обезпеченіе войнолюбиваго «батырства» степныхъ предводителей съ подчиненными имъ шайками степной вольницы. Трудъ,

[1]) Стр. 286 и сл

задавленный, парализованный аристократическими родовыми условіями и войною, былъ удѣломъ однихъ только «игинчей», этихъ паріевъ киргизскаго общества, и доселѣ не вездѣ освободившихся еще отъ полурабскаго закрѣпощенія, въ какомъ они жили до русскаго завоеванія; онъ былъ презираемымъ, подневольнымъ ремесломъ однихъ кочевыхъ пролетаріевъ, причемъ трудовая роль послѣднихъ въ родовомъ хлѣбопашествѣ никогда не бывала самостоятельною; это были подневольные батраки, закабаленные своей бѣдностью на земледѣльческую работу изъ за скуднаго пропитанія». Совершенно измѣнилось положеніе дѣлъ послѣ присоединенія края. «Уничтоженіе баранты и разбоевъ сразу освободило и скотоводство, и земледѣліе у кочевниковъ отъ насилій, до того дѣлавшихъ невозможностью правильное и спокойное развитіе народной промышленности»; оживленіе караванной торговли, обусловленное возросшею безопасностью передвиженія по степи, и уничтоженіе прежняго аристократически-родового управленія—управленіемъ, организованнымъ по временному положенію 1867 года,— всѣ эти обстоятельства «ввели гражданскую жизнь массы степного населенія въ широкое русло мирной гражданственности, освободивъ ее отъ насилій и деспотизма аристократической доли народа—его «бѣлой кости»—султановъ, манаповъ и правителей». Благодаря всей этой совокупности обстоятельствъ земледѣліе, въ короткій періодъ отъ покоренія края до времени составленія цитируемаго отчета, сдѣлало, дѣйствительно, огромные успѣхи. Такъ, въ Ходжентскомъ уѣздѣ [1]) площадь посѣвовъ за время съ 1868 по 1881 годъ учетверилась; въ Кураминскомъ уѣздѣ общая площадь обработанной земли (включая сюда, впрочемъ, также и обрабатывавшуюся осѣдлымъ населеніемъ) въ 1869 г. составляла всего 63,160 дес., въ 1877 г.—97,500 дес.; въ 1878 г. площадь однихъ только орошенныхъ земель достигала уже 126,406 десятинъ (въ нынѣшнемъ Ташкентскомъ уѣздѣ площадь орошаемыхъ пашенъ — 270 тыс. дес.); за пятилѣтіе съ 1872 по 1877 годъ общее число киргизъ-хлѣбопашцевъ возросло съ 40 тыс. до 53 тыс. семействъ количество высѣяннаго ими хлѣба—съ 478 до 794 тыс. пудовъ. Развитіе это шло, однако, и до настоящаго времени идетъ весьма неравномѣрно: «въ однихъ уѣздахъ (Кураминскій, Чимкентскій, Ауліеатинскій) благодаря близости рынковъ и сартовскихъ посе-

[1]) Тамъ же, стр. 212—213

леній и особенно благопріятнымъ природнымъ условіямъ, киргизское земледѣліе не только развилось до размѣровъ, отвѣчающихъ продовольственнымъ потребностямъ кочевниковъ, но и имѣетъ сбытъ хлѣба на сторону; въ другихъ, при противоположныхъ, не благопріятствующихъ ему условіяхъ, оно остановилось покуда на самой первоначальной ступени..... Расширяясь количественно, киргизское земледѣліе единовременно улучшается и со стороны качественной. Къ посѣвамъ проса, которое еще недавно составляло почти исключительный видъ киргизскаго хлѣбопашества [1]), все въ большей степени присоединяются посѣвы пшеницы, ячменя, овса (въ Семирѣченской области), а въ южной полосѣ степей культура риса, джугары и даже травосѣяніе (люцерна) вмѣстѣ съ древесными посадками».

Въ томъ-же направленіи идетъ эволюція киргизскаго хозяйства и въ настоящее время, причемъ съ особенною рѣзкостью ростъ размѣра хлѣбопашества выражался въ послѣдніе годы въ сѣверныхъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ распространеніе земледѣлія началось значительно позднѣе, нежели на югѣ [2]): въ уѣздахъ Перовскомъ и Казалинскомъ, гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. къ концу управленія краемъ К. П. фонъ-Кауфмана) числилось всего 8,000 дес. киргизскихъ посѣвовъ, теперь таковыхъ числится болѣе 100 дес. десятинъ [3]). Серьезный толчекъ въ этомъ отношеніи далъ, прежде всего, какъ и въ другихъ областяхъ, населенныхъ киргизами, небывалый «джутъ» 1879 года. «Кочевники — говоритъ Н. И. Гродековъ въ своемъ трудѣ «Киргизы и каракиргизы Сыръ-Дарьинской области [4]),—со времени голода въ годъ зайца (голодная зима съ 1879 на 1880 годъ), сознавъ непрочность скотоводства на принятыхъ началахъ, обратились къ устройству запасовъ травы на зиму и къ земледѣлію». Не безъ вліянія оказалось и водвореніе въ краѣ русскихъ поселеній. Вліяніе это, правда, было довольно сложнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже и вреднымъ для развитія у киргизъ самостоятельнаго хлѣбопашества: въ первой главѣ настоящаго отчета мнѣ приходилось говорить о томъ огромномъ развитіи, какого достигли аренды и въ особенности испольныя

[1]) Интересно вспомнить, что такое же значеніе посѣвы проса сохраняютъ и по настоящее время - напримѣръ въ средней части Уральской области.

[2]) См напр въ работѣ И В Аничкова, «Мат для стат Сыръ-Дарьинской обл », гл V, стр. 177

[3]) Энц словарь, полут 67, стр 187

[4]) Стр 102—103

сдѣлки въ Чимкентско-Ауліеатинскомъ районѣ русской колонизаціи,— приходилось и упоминать о томъ, что въ окрестностяхъ при-Таласскихъ поселковъ Ауліеатинскаго уѣзда довольно многіе киргизы, ранѣе пахавшіе землю, совершенно перестали заниматься хлѣбопашествомъ, такъ какъ нашли для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ получать готовый хлѣбъ отъ своихъ испольщиковъ. Но съ другой стороны даже крестьянскія аренды послужили нѣкоторымъ толчкомъ и къ самостоятельному развитію киргизскаго земледѣлія: какъ я тоже упоминалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ киргизы стали сдавать подъ распашку крестьянамъ такія цѣлины, подъемъ которыхъ былъ имъ не подъ силу, и затѣмъ уже, послѣ перваго посѣва, сами продолжаютъ обрабатывать поднятую арендаторами землю. Гораздо сильнѣе, однако, водвореніе русскихъ вліяетъ на развитіе земледѣлія у киргизъ другимъ путемъ: крестьяне, какъ тоже упоминалось, въ весьма широкихъ размѣрахъ прибѣгаютъ къ найму киргизъ на полевыя работы; многіе киргизы, ранѣе не занимавшіеся земледѣліемъ, живя въ работникахъ у крестьянъ, пріучаются къ обработкѣ земли и затѣмъ, вернувшись домой съ заработанными деньгами, начинаютъ вести собственное земледѣльческое хозяйство.

Замѣчается и вліяніе крестьянскихъ поселеній на технику киргизскаго хозяйства (хотя обратное вліяніе, конечно, во много разъ сильнѣе). Такъ, нѣкоторые изъ живущихъ въ окрестностяхъ с. Ванновскаго киргизы начали пахать такими-же желѣзными плугами, какими пашетъ большинство переселенцевъ, причемъ плуги эти выписывались черезъ посредство мѣстнаго священника. Ауліеатинскій уѣздный начальникъ сообщалъ мнѣ, что въ окрестностяхъ существующихъ уже 30 лѣтъ русскихъ поселковъ Чалдавара и Карабалты у киргизъ появились превосходныя земледѣльческія хозяйства, совершенно напоминающія по виду и по постановкѣ дѣла хорошіе русскіе хутора.

Потребительное значеніе земледѣлія.

Относительно потребительнаго значенія хлѣбопашества въ хозяйствѣ Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ я не имѣю достаточно полныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній. Въ Чимкетско-Ауліеатинскомъ горномъ и предгорномъ районѣ, гдѣ уже во время К. П. фонъ-Кауфмана земледѣліе, какъ выше упоминалось, не только удовлетворяло продовольственнымъ потребностямъ, но имѣло цѣлью сбытъ хлѣба на сторону, — размѣры этого сбыта въ общемъ, какъ позволительно думать, должны были съ тѣхъ поръ сильно возрасти, — причемъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что киргизы, до сихъ поръ еще

страдающіе свойственною первобытнымъ племенамъ безпечностью и легкомысліемъ, нерѣдко покупаютъ обратно, по двойнымъ и тройнымъ цѣнамъ, болѣе или менѣе значительную часть того хлѣба, который они продали тотчасъ-же по снятіи урожая или еще чаще—задолго до того запродали, конечно за безцѣнокъ, мѣстнымъ или наѣзжимъ кулакамъ изъ сартовъ, а иногда и изъ русскихъ поселенцевъ. Киргизы сѣверной части Сыръ-Дарьинской области, говоря вообще, еще не производятъ хлѣба на посторонній сбытъ, но уже приближаются къ тому состоянію, при которомъ хлѣбъ сдѣлается ихъ привычною пищей и будетъ цѣликомъ доставляться имъ собственными запашками. Уже въ 1896 году г. Аничковъ [1]) свидѣтельствовалъ, что «въ благопріятный годъ, при сносномъ урожаѣ, населеніе Казалинскаго уѣзда мало нуждается въ привозномъ хлѣбѣ», и что только въ неурожайный годъ хлѣбъ въ этотъ уѣздъ ввозится въ болѣе значительныхъ количествахъ изъ Ходжентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ. Приблизительно также обстоитъ дѣло по Перовскому уѣзду. «Въ текущемъ году—пишетъ, напримѣръ, И. И. Гейеръ въ представленномъ Главному Начальнику края докладѣ по совершенной лѣтомъ 1903 года поѣздкѣ въ Перовскій уѣздъ, по заявленію почтенныхъ киргизовъ, были уже рѣдкіе случаи покупки хлѣба на Перовскомъ базарѣ»; рисъ же, по сообщенію того-же И. И. Гейера, въ значительныхъ размѣрахъ вывозится изъ Перовскаго уѣзда въ одну сторону до Казалинска, въ другую — до Туркестана. Киргизы расположенныхъ къ сѣверо-западу отъ Ауліеата волостей, напримѣръ Тастюбинской, не только продовольствовались собственнымъ хлѣбомъ, но и продавали нѣкоторую часть его на сторону,—и только въ послѣдніе два года, благодаря опустошеніямъ саранчи, опять начали покупать хлѣбъ. Во время моей поѣздки по области я разспрашивалъ киргизъ и имѣющихъ прикосновеніе къ нимъ мѣстныхъ дѣятелей относительно того, въ какой мѣрѣ хлѣбъ, при этомъ, вошелъ въ привычное потребленіе киргизъ. И—насколько я могу довѣрять подобнаго рода разспроснымъ свѣдѣніямъ—оказалось, напримѣръ, что у киргизъ Каратаускаго района питаніе хлѣбомъ въ видѣ лепешекъ, боурсаковъ и главнымъ образомъ похлебки сдѣлалось для киргизъ привычною необходимостью («дѣти безъ этого не могутъ», говорили мнѣ киргизы); то-же самое я могу констатировать также и относительно болѣе сохранившихъ кочевой

[1]) Тамъ-же, стр 190.

типъ киргизъ Перовскаго уѣзда: къ хлѣбу они привыкли вполнѣ, берутъ съ собой запасы хлѣба въ дальнія перекочевки, и если имъ—чаще всего въ виду легкомысленно сдѣланныхъ продажъ—своего хлѣба не хватаетъ, прикупаютъ недостающее, платя, какъ было напримѣръ въ 1903 году, 3 руб. и болѣе за пудъ [1]). Наиболѣе отставшими въ этомъ отношеніи являются, повидимому, Чуйскіе киргизы: они питаются хлѣбомъ въ теченіе только того времени (приблизительно полгода), которое проводятъ на зимовыхъ стойбищахъ, на лѣтовкахъ же питаются одними животными продуктами. И тѣмъ не менѣе киргизамъ этого района не хватаетъ своего хлѣба, такъ что они обычно покупаютъ хлѣбъ на базарахъ въ Ауліеата и Мерке.

Все, что я сказалъ до сихъ поръ, относится не спеціально къ поливному, а къ киргизскому земледѣлію вообще. Но киргизское земледѣліе, въ сущности, почти совершенно покрывается или по крайней мѣрѣ—до самаго послѣдняго времени исчерпывалось поливною культурой: посѣвы подъ дождь стали пріобрѣтать болѣе извѣстное распространеніе только въ самое послѣднее время, въ значительной мѣрѣ—подъ вліяніемъ примѣра русскихъ поселенцевъ; преобладающую часть киргизскихъ запашекъ даже въ такихъ районахъ наибольшаго развитія посѣвовъ подъ дождь, какъ предгорья Таласскаго Алатау въ предѣлахъ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, и посейчасъ составляютъ посѣвы съ искусственнымъ орошеніемъ, — а въ такихъ районахъ, какъ южная и средняя часть Ауліеатинскаго уѣзда, Чуйскій районъ, а также, по всей вѣроятности, уѣзды Перовскій и Казалинскій, если не считать ничтожныхъ посѣвовъ на «потныхъ» земляхъ, повидимому вовсе нѣтъ другихъ посѣвовъ, какъ на искусственно орошаемыхъ или затопляемыхъ земляхъ.

Переходъ къ осѣдлости.

Развитіе земледѣлія вообще и поливного земледѣлія въ частности идетъ болѣе или менѣе параллельно съ постепеннымъ переходомъ къ осѣдлому быту, выражающимся прежде всего въ по-

[1]) У киргизъ Казалинскаго уѣзда — говоритъ г Аничковъ въ уже цитировавшейся выше статьѣ «Забытый край», (стр 189)—«явилась уже потребность въ растительной пищѣ въ видѣ разныхъ суррогатовъ изъ зерна: безъ похлебки изъ ячменя или проса едва-ли проживетъ киргизская семья, и даже въ кибиткѣ завзятаго кочевника она составляетъ главную пищу, особенно осенью, когда кончается молоко, вслѣдствіе этого продукты земледѣлія являются главнымъ источникомъ пропитанія киргизской массы, а продукты скотоводства лишь подспорьемъ, у богачей же—роскошью, безъ которой бѣдняки вынуждены обходиться Приблизительно то же самое—замѣчаетъ г. Аничковъ—можно сказать о Перовскомъ уѣздѣ, который находится въ еще болѣе благопріятныхъ для земледѣлія условіяхъ, нежели Казалинскій».

явленіи и постепенномъ развитіи у киргизъ усадебныхъ осѣдлостей. Этотъ процессъ успѣлъ уже сдѣлать значительные успѣхи къ тому времени, когда составлялся отчетъ К. П. фонъ-Кауфмана. «Повсюду— говоритъ покойный главный начальникъ края, за исключеніемъ однихъ только Кызылъ-Кумскихъ кочевниковъ, рядъ киргизскихъ зимовокъ (кстау) представляютъ собою уже и въ настоящее время сѣть болѣе или менѣе окрѣпшихъ осѣдлостей, гдѣ живетъ постоянное земледѣльческое населеніе (игинчи) и гдѣ запасаются хлѣбъ и сѣно для аульныхъ потребностей. Лучшія же зимовки, напримѣръ зимовки Кураминскаго уѣзда, разбросанныя окрестъ сартовскихъ поселеній и до сихъ поръ называющіяся аулами, какими они были при организаціи 1869 года, ничѣмъ почти не отличаются и отъ осѣдлостей самихъ сартовъ; зимовки эти утопаютъ въ садахъ, окружающихъ глинобитныя сакли обыкновеннаго туземнаго типа, и расположены въ центрахъ обширныхъ сплошныхъ киргизскихъ запашекъ». Къ этой мѣткой характеристикѣ я могу прибавить лишь весьма немногое на основаніи личныхъ наблюденій. Скажу только, что вдоль всѣхъ рѣкъ, рѣчекъ и арычныхъ системъ, пересѣкаемыхъ Ташкентско-Ауліеатинскимъ трактомъ, тянется непрерывная цѣпь киргизскихъ курганчей — глинобитныхъ построекъ довольно разнообразныхъ типовъ, по большей части—съ небольшими при нихъ древесными насажденіями и всегда — со скирдами люцерны на плоскихъ крышахъ. По близости къ Ташкенту эти курганчи, окруженныя глинобитными же заборами, представляютъ собою настоящія осѣдлости съ жилищами, амбарами и хлѣвами для скота. Дальше отъ Ташкента, а также въ сторонѣ отъ тракта, въ особенности въ лежащей сѣвернѣе при-Таласской степи, курганчи представляютъ собою совершенно незначительныя по размѣрамъ постройки, служащія по большей части не для жилья, а лишь для склада хлѣба и другого имущества и для помѣщенія, зимою, нѣкоторой части скота — жилищемъ же, круглый годъ, продолжаютъ служить юрты. Мѣстами однако, напримѣръ въ окрестностяхъ Ауліеата и выше по Таласу, а также въ районѣ предгорій Каратаускихъ горъ, киргизскія усадьбы также принимаютъ характеръ настоящихъ осѣдлостей, группирующихся притомъ въ нѣчто въ родѣ болѣе или менѣе значительныхъ селеній — кишлаковъ. Мнѣ лично пришлось останавливаться, по выходѣ изъ Каратаускихъ горъ, въ подобномъ кишлакѣ, гдѣ каждая усадьба представляла собою, какъ и въ при-ташкентскомъ районѣ, цѣлый комплексъ построекъ, и си-

дѣть въ тѣнистыхъ садахъ, окруженныхъ солидно-сложенными глинобитными стѣнами. Весьма характерно при этомъ, что въ предѣлахъ Ташкентскаго уѣзда большее или меньшее развитіе у киргизъ усадебной осѣдлости, равно какъ и вообще степень дѣйствительнаго приближенія къ осѣдлому образу жизни, не стоитъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ оффиціальной принадлежности киргизъ къ разряду осѣдлаго или кочевого населенія. Въ предѣлахъ какъ этого, такъ, тѣмъ болѣе, и другихъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области, кочевыми продолжаютъ числиться киргизскіе аулы, имѣющіе весьма развитую усадебную осѣдлость и если не прекратившіе, то во всякомъ случаѣ—сильно сократившіе свои кочевки и переставшіе ходить на дальнія лѣтовки. И наоборотъ—во время экскурсіи по области мнѣ пришлось проѣзжать мимо зимовокъ перечисленнаго въ осѣдлые Каферзадинскаго общества, Акджарской волости; курганчи въ этихъ зимовкахъ имѣли весьма жалкій видъ, насажденія при нихъ совершенно незначительны, запашки очень невелики,— и, какъ мнѣ сообщилъ г. Шкапскій, киргизы этого общества на лѣто откочевываютъ въ горы Каржанъ-тау; подобнымъ же образомъ, по сообщенію того-же лица, въ осѣдлое состояніе перечислены киргизскія волости Шарапханская и Джитысуйская, — тогда какъ усадебная осѣдлость у нихъ даже еще менѣе развита, и вообще кочевой типъ быта и хозяйства сохранился въ гораздо болѣе чистомъ видѣ.

Первобытность формъ землепользованія и хозяйства.

И параллельно съ несомнѣнными признаками быстро прогрессирующаго осѣданія и перехода къ земледѣльческому типу хозяйства, бытъ Туркестанскихъ киргизъ, какъ я уже говорилъ, поражаетъ наблюдателя, по сравненію съ бытомъ киргизъ сѣверныхъ степей, своей крайнею первобытностью и такими сохранившимися еще формами чисто кочевого хозяйства, которыя уже болѣе или менѣе вымерли у киргизъ сѣверной полосы Акмолинской, Тургайской и Уральской областей. Такъ, значительная часть, если не большинство, киргизъ Сыръ-Дарьинской области проводитъ лѣто и зиму въ войлочныхъ юртахъ, которыя на зиму либо располагаются въ пескахъ или горныхъ ущельяхъ, либо ставятся около курганчей или внутри окружающихъ послѣднія глинобитныхъ стѣнъ. Весьма значительная часть населенія продолжаетъ совершать дальнія перекочевки, размахъ которыхъ измѣряется многими сотнями и даже тысячею верстъ, откочевывая на лѣто либо на дальнія степныя лѣтовки Тургайской и Акмолинской областей, либо на горныя

пастбища Каратаускихъ горъ, Таласскаго Алатау и Александровскаго хребта, весну и осень проводя по преимуществу на полынно-лессовыхъ степяхъ, окаймляющихъ горы, а на зиму откочевывая, опять-таки, частью въ горы, главнымъ же образомъ—въ пески. Съ этимъ тѣсно связано весьма незначительное, говоря вообще, развитіе сѣнокошенія—весьма значительная часть скота продолжаетъ лѣто и зиму оставаться на подножномъ корму. Въ области чисто-бытовыхъ фактовъ, тѣсно связанныхъ, конечно, съ основами хозяйственнаго строя, нельзя не отмѣтить такихъ явленій, какъ совершенное отсутствіе у киргизъ (кромѣ мѣстностей, непосредственно прилегающихъ къ сартовскимъ поселеніямъ и къ большимъ городамъ) арбъ и вообще какихъ-бы то ни было колесныхъ экипажей. На протяженіи отъ Ауліеата и почти до самаго Туркестана я не видѣлъ ни одной арбы, и совершенное отсутствіе арбяныхъ слѣдовъ доказываетъ, что арбъ здѣсь, дѣйствительно, вовсе не имѣется. Обычныя передвиженія совершаются исключительно верхомъ на лошадяхъ, для перекочевокъ же и грузового движенія служатъ главнымъ образомъ верблюды. Можно указать затѣмъ на далеко чище, нежели на сѣверѣ, сохранившійся типъ киргизской одежды, на совершенное отсутствіе, даже у самыхъ богатыхъ киргизъ, не только керосиновыхъ лампъ (которыя при жизни въ юртахъ были бы опасны), но даже свѣчей,—тогда какъ у сѣверныхъ киргизъ тѣ и другія вошли, болѣе или менѣе, во всеобщее употребленіе.

Качественная дифференціація киргизъ.

Противорѣчіе между видимыми признаками быстро развивающейся осѣдлости и земледѣльческой культуры и между такою живучестью первобытныхъ формъ жизни и хозяйства, однако, только кажущееся. Оно находитъ себѣ ключъ въ одной весьма существенной, превосходно выясненной въ томъ-же отчетѣ К. П. фонъ-Кауфмана чертѣ, отличающей хозяйственный бытъ Туркестанскихъ киргизъ отъ хозяйственнаго быта киргизъ сѣверныхъ областей и уѣздовъ: именно, въ дифференціаціи киргизъ на нѣсколько рѣзко другъ отъ друга отличающихся слоевъ или классовъ. Дифференціація, и тоже рѣзкая, замѣчается и въ сѣверныхъ степяхъ; и тамъ богачи, «бàи», рѣзко выдѣляются изъ массы заурядныхъ, среднихъ киргизъ, и эти послѣдніе, опять-таки, рѣзко отличаются отъ болѣе или менѣе закабаленныхъ байгушей или джатаковъ. Но на сѣверѣ эта дифференціація—главнымъ образомъ, если можно такъ выразиться, *количественная:* богачъ имѣетъ всего *больше*, нежели среднесостоятельный киргизъ, а тѣмъ болѣе—нежели джа-

такъ; но онъ имѣетъ *все то-же*, что имѣютъ и они. Будучи крупнымъ скотоводомъ и въ силу этого совершая, со своимъ скотомъ, дальнія перекочевки, онъ въ то-же время въ большихъ размѣрахъ занимается земледѣліемъ, имѣетъ большій домъ, заготовляетъ много сѣна и во всемъ этомъ идетъ, обыкновенно, впереди своихъ среднесостоятельныхъ и бѣдныхъ сородичей. Совсѣмъ не то у Туркестанскихъ киргизъ: у нихъ дифференціація является не только количественною, но и, такъ сказать, *качественною* богачъ имѣетъ не только *большее по размѣрамъ*, но и *совершенно другое по характеру* хозяйство, а вмѣстѣ съ тѣмъ ведетъ и совершенно иной образъ жизни, нежели бѣднякъ, причемъ среди Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ богачи являются не только не прогрессивнымъ, но наоборотъ — наиболѣе отсталымъ элементомъ. «Рядомъ съ улучшеніемъ условій земледѣльческаго труда у кочевниковъ, говоритъ К. П. фонъ-Кауфманъ въ своемъ отчетѣ [1]), какъ на причину, не менѣе значительно вліяющую на постепенное расширеніе и распространеніе хлѣбопашества, слѣдуетъ указать и на ту сторону переживаемаго кочевниками экономическаго переворота, которая выражается въ постепенномъ *обособленіи степного скотоводства, какъ промысла одной лишь состоятельной доли киргизскаго населенія, отъ земледѣлія, какъ достоянія бѣдныхъ*» [2]). Какъ выше упоминалось, уже и до присоединенія края земледѣліе было удѣломъ однихъ только пришлыхъ — въ то время полузависимыхъ, закабаленныхъ пролетаріевъ. То-же, въ существѣ, осталось и до настоящаго времени: «наиболѣе богатые родовичи и теперь, когда киргизское земледѣліе значительно развилось и расширилось, всего менѣе занимаются хлѣбопашествомъ; и теперь земледѣліе у киргизъ — промыселъ бѣдныхъ, не имѣющихъ достаточныхъ стадъ для выгоднаго занятія скотоводствомъ» [3]). Въ самомъ дѣлѣ: «по самому характеру своему кочевое скотоводство экономически выгодно и возможно лишь при извѣстномъ и притомъ довольно высокомъ уровнѣ кочеваго благосостоянія. Средній размѣръ опредѣляющій скотоводческое хозяйство кочевой кибитки, въ предѣлахъ отъ 7 до 10 головъ крупнаго

---

[1]) Стр 186—190

[2]) «Въ настоящее время, говоритъ г Аничковъ въ уже цитированной статьѣ, чистыми кочевниками осталась меньшая часть,—и то главнымъ образомъ люди состоятельные, а большинство или исключительно занимается земледѣліемъ, а скотоводствомъ въ видѣ подспорья къ нему—или же, кто кочуетъ на рѣкѣ и у моря, занимается рыболовствомъ» (стр 188).

[3]) Отчетъ К. П фонъ-Кауфмана, стр 223

и около 24 барановъ, съ одной стороны неминуемо превосходитъ дѣйствительное состояніе небогатыхъ киргизъ. а съ другой стороны и самъ по себѣ не достаточно значителенъ, чтобы обезпечить и съ прибылями любимый киргизами родъ экономическаго существованія. Ко всѣмъ трудностямъ и невыгодамъ кочеванія съ небольшимъ количествомъ стадъ слѣдуетъ прибавить вліяніе падежей скота отъ джутовъ и безкормицы въ бѣдственныя зимы. разоряющія главнымъ образомъ бѣднѣйшихъ скотоводовъ, затѣмъ всеобщее распаденіе родово-патріархальныхъ связей въ народѣ, обезпечивавшихъ нѣкогда обычную поддержку и помощь для бѣдныхъ, наконецъ самое увеличеніе кибитокъ и стадъ, постепенно ограничивающее все болѣе предѣлы и удобства кочеванія. Совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ приводитъ естественно къ тому. что число скотоводческихъ хозяйствъ все болѣе сокращается, и кочевка все болѣе получаетъ характеръ аристократическаго промысла, доступнаго лишь для меньшей сравнительно доли киргизскаго населенія, причемъ масса, большинство киргизъ, по нуждѣ обращается къ земледѣлію. Первые года такой обѣднѣвшій киргизъ-земледѣлецъ съ грустью и завистью провожаетъ на лѣтовку своихъ кочующихъ сородичей, но привыкнувъ къ тяжелому труду хлѣбопашца, онъ мирится съ нимъ и съ своею долей, въ виду большей обезпеченности этой послѣдней передъ праздной и пріятною, но подверженною серьезному риску долей небогатаго скотовода [1]). И при всемъ этомъ несомнѣнно улучшилось и соціальное положеніе игинчей-хлѣбопашцевъ: «значительная доля ихъ,—по крайней мѣрѣ въ полосѣ степей, примыкающихъ къ сартовскому осѣдлому Туркестану,—уже успѣла частью стать хозяевами самостоятельными, частью перейти изъ положенія кабальныхъ батраковъ къ положенію дольщиковъ-половниковъ, получающихъ за свой трудъ не только скудное пропитаніе, какъ прежде, но и заработокъ, обезпечивающій возможность сбереженій и слѣдовательно—средства къ заведенію самостоятельныхъ хозяйствъ».

Я ничего не могу прибавить по существу къ этой блестящей и, какъ мнѣ кажется, безусловно-вѣрной характеристикѣ той дифференціаціи, которая происходитъ въ средѣ Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ. Какъ сообщенія всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ дѣятелей, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать, такъ и личныя наблюденія, при-

[1]) Стр 289—290.

водятъ меня къ положительной увѣренности, что «шаблоннаго киргиза нѣтъ»,—повторяя выраженіе г. Помощника Губернатора, старожила края, П. И. Хомутова. Вездѣ, и въ окрестностяхъ Ташкента, и въ Ауліеатинскомъ районѣ, и въ полосѣ, окаймляющей Каратаускія горы, богатые киргизы рѣзко отличаются отъ бѣдняковъ,—и между тѣми и другими иногда стоитъ еще третій, промежуточный слой, который хотя и не порвалъ окончательно съ кочевыми традиціями, но кочуетъ въ сравнительно ограниченномъ районѣ и такимъ образомъ комбинируетъ кочевое или вѣрнѣе—полукочевое (ибо зимою скотъ кормится уже сѣномъ) скотоводство съ земледѣліемъ и зимнею осѣдлостью.

Не подлежитъ сомнѣнію, что склонность къ кочеванію весьма сильна еще болѣе или менѣе у всего киргизскаго населенія: «у кого только нѣсколько головъ скота—разсказывали мнѣ меннониты въ пос. Орловъ,—тотъ «бай» и уходитъ кочевать въ горы, не думая о томъ, что будетъ зимой». Но чтобы уйти на дальнюю перекочевку, независимо отъ всего остальнаго, необходимо имѣть, при самомъ маломъ размѣрѣ хозяйства, не менѣе четырехъ верблюдовъ для перевозки имущества,—и не имѣющіе ихъ силою вещей вынуждены отказаться отъ дальнихъ перекочевокъ [1]). Чтобы нагляднѣе иллюстрировать характеръ совершающейся среди киргизъ дифференціаціи, я позволю себѣ привести нѣсколько конкретныхъ данныхъ, касающихся характера кочевокъ и т. п. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія по данному вопросу во время моей поѣздки по Сыръ-Дарьинской области.

Тастюбинская киргизская волость, Ауліеатинскаго уѣзда. Богатые имѣютъ по 400—500 и даже до 1,000 овецъ; такихъ—человѣкъ по десяти въ каждомъ административномъ аулѣ. Гораздо больше бѣдныхъ, которые

[1]) Любопытныя данныя по этому вопросу можно найти въ двухъ запискахъ чиновника по сельскохоз. и оброчн частямъ г. Шкапскаго (отъ 2 іюня с г. № 33 и 19 августа № 36) съ отчетомъ о поѣздкахъ въ горнопастбищные райны Ташкентскаго уѣзда. Изъ этихъ записокъ видно между прочимъ, что въ видѣ исключенія на горныя лѣтовки заходятъ и бѣдные киргизы—именно тѣ, которыхъ зимнія жилища находятся въ непосредственно-прилегающей къ лѣтовкамъ мѣстности Насколько же средній уровень лѣтующихъ на горныхъ пастбищахъ киргизъ превышаетъ средній уровень всѣхъ вообще киргизъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, лично собранныхъ г Шкапскимъ на урочищахъ Майданъ-талъ и Ойганка: здѣсь было зарегистрировано на лѣтовкѣ 163 домохозяйства,—и у нихъ оказалось: лошадей 125, верблюдовъ 308, рогатыхъ 583, барановъ 17,255, козъ 513,—въ среднемъ на домохозяйство 12,8 головъ крупнаго и 109 головъ мелкаго скота И это—при сравнительной близости и доступности горныхъ пастбищъ Ташкентскаго уѣзда Средній уровень домохозяйствъ, откочевывающихъ на лѣтовки Тургайской и Акмолинской областей, несомнѣнно гораздо выше.

имѣютъ, примѣрно, 20 овецъ, 3—4 рогатыхъ, одну или двѣ лошади; такіе могутъ сами пахать и гостей принимать. Очень много бангушей, совсѣмъ безъ скота; такіе сами не пашутъ и работаютъ на богатыхъ изъ половины Прежде на дальнія лѣтовки ходили болѣе или менѣе всѣ—главнымъ образомъ на урочища Джитытюбе, Минбулакъ и т. д., въ предгорьяхъ Чимкентскаго уѣзда. Со времени большого «куяна» 1879 года ходятъ только богатые, у кого въ той мѣстности есть «свои»: до «куяна» никто ничего не говорилъ, а теперь не пускаютъ. Въ видѣ правила теперь кочуютъ только въ предѣлахъ своей волости. Затѣмъ, однако, и въ чертѣ послѣдней богатые проводятъ годъ иначе, нежели бѣдные: курганчи и пашни гѣхъ и другихъ сосредоточиваются, главнымъ образомъ, въ восточной части волостного района: бѣдные тутъ-же и лѣтуютъ около зимовокъ; богатые откочевываютъ на лѣтовки за нѣсколько десятковъ верстъ, въ восточный конецъ волости, а на зимнюю тебеневку до 50 кибитокъ самыхъ богатыхъ заходятъ въ сосѣднюю Уюковскую волость, гдѣ имѣется излишекъ пастбищъ и гдѣ, притомъ, мѣста болѣе удобны для тебеневанія.

Уюковская волость, того-же уѣзда. Самый богатый скотоводъ Уюковской волости имѣетъ 500 барановъ, 150 лошадей, 40 верблюдовъ. Такіе сами не пашутъ, а держатъ испольщиковъ — до 5—6 «кошей» или кибитокъ; условія испольщины такія: богатый даетъ пару быковъ, батманъ пшеницы для посѣва, 3—4 или болѣе коровъ для пропитанія семьи испольщика. Испольщикъ исполняетъ на причитающейся на его «кошъ» землѣ всѣ работы, до молотьбы включительно, и продуктъ дѣлится пополамъ. Болѣе состоятельная часть киргизъ, начиная съ имѣющихъ 30—40 барановъ и соотвѣтственное количество остального скота (такихъ въ каждомъ административномъ аулѣ до 30—40 кибитокъ), ведутъ кочевое хозяйство. Лѣтовки они имѣютъ на Каратау, осень проводятъ на степи между Каратаускими горами и р. Асой, зиму—въ Муюнъ-кумахъ или на Чу, весну—на урочищѣ Арыкъ-балыкъ, въ предгорьяхъ Каратау. Значительное большинство имѣетъ около 15—20 барановъ, 2—3 рогатыхъ—такіе не кочуютъ, а лѣто и зиму проводятъ на Таласѣ; пашутъ такія кибитки самостоятельно.

Учактинская волость того-же уѣзда. Въ волости до 200 кибитокъ джатаковъ, «самыхъ бѣдныхъ». Изъ остальныхъ, до половины или нѣсколько больше — средніе, которые не кочуютъ, а лѣто и зиму проводятъ въ мѣстностяхъ по р. Таласу. Такіе пашутъ сами и косятъ сѣно («на 30 или 50 барановъ можно сѣна накосить!»). Кочуютъ только богатые, имѣющіе 300, 500, 1,000 барановъ; они зимуютъ въ Кумахъ и на Чу, лѣтовки имѣютъ въ Каратаускихъ горахъ. Сѣна богатые не косятъ—скотъ пасется всю зиму; при «джутѣ» угоняютъ скотъ дальше въ пески или покупаютъ сѣно у бѣдныхъ; пашутъ испольщиками.

Каракольская волость, Чимкентскаго уѣзда. «Самыхъ бѣдныхъ» въ волости не болѣе 150 семей. Изъ остальныхъ, примѣрно, половина богатыхъ, половина среднихъ. Вовсе не кочуютъ—у кого менѣе 4 верблюдовъ. У кого 4 верблюда (при чемъ бываетъ уже не менѣе 30—50 барановъ), тотъ непремѣнно *долженъ* кочевать, потому что верблюды лѣтомъ не могутъ оста-

ваться ни въ горахъ, гдѣ нѣтъ подходящаго корма, ни въ камышахъ—изъ-за мошки. Но среднія семьи имѣютъ малый районъ кочевки: лѣто проводятъ на степи подъ Каратаускими горами, зиму—на Таласѣ; состоятельные, имѣющіе не менѣе 200—300 барановъ, зимуютъ въ пескахъ или на Чу, лѣто проводятъ въ горахъ, осень—въ степяхъ между горами и Таласомъ. Кочевки въ горы въ послѣднее время значительно сократились, вслѣдствіе развитія тамъ богарныхъ посѣвовъ, стѣсняющихъ выпасъ скота. Жилыхъ домовъ не имѣютъ ни богатые, ни средніе,—а только нѣкоторые бѣдняки.

и т. д.

Такимъ образомъ получается такое, приблизительно, расчлененіе: самые бѣдные киргизы, по большей части, живутъ въ курганчахъ, совершенно не кочуютъ, чаще всего даже вовсе не имѣютъ скота, и являются испольщиками у богатыхъ, отъ которыхъ получаютъ въ пользованіе инвентарь и дойный скотъ въ количествѣ, необходимомъ для продовольствія семьи молочными продуктами, и сѣмена для посѣва, и которымъ за это уступаютъ половину урожая. Киргизы, имѣющіе примѣрно 15—20 головъ барановъ и при этомъ минимальное количество рабочаго скота, быковъ или лошадей, пашутъ самостоятельно, заготовляютъ сѣно для своего скота, живутъ зимою либо въ домахъ, либо въ юртахъ, которыя на зиму ставятъ въ оградахъ своихъ курганчей, и совершенно не кочуютъ, лѣтомъ же пасутъ скотъ на ближайшихъ къ курганчамъ и пашнямъ пастбищахъ. Обладающіе нѣсколько большимъ количествомъ скота (такая группа, повидимому, выдѣляется не вездѣ)—примѣрно 30—50 и нѣсколько болѣе барановъ и соотвѣтствующее количество другихъ видовъ скота—также пашутъ сами, косятъ сѣно, какъ и болѣе бѣдные, но на лѣто откочевываютъ на не слишкомъ далекое разстояніе, чтобы имѣть возможность своевременно подкочевать къ сѣнокосу и уборкѣ хлѣба. Наконецъ, наиболѣе богатые сами не занимаются ни хлѣбопашествомъ, ни сѣнокошеніемъ, а получаютъ хлѣбъ отъ испольныхъ «кошей» и круглый годъ содержатъ скотъ на подножномъ корму, съ чѣмъ неизбѣжно связана необходимость перекочевокъ на дальнія разстоянія. Они совершенно не имѣютъ жилищъ, и живутъ лѣто и зиму въ юртахъ; ихъ курганчи являются исключительно складами хлѣба и инвентаря и частью—жилищами для неимѣющихъ собственнаго жилища испольщиковъ; лѣто богатыя семьи проводятъ либо въ горахъ, либо откочевываютъ далеко на сѣверъ, въ предѣлы Акмолинской и Тургайской областей; зиму онѣ проводятъ либо въ пескахъ, либо въ камышахъ, главнымъ образомъ на Чу, весну и осень—либо въ предгорьяхъ, либо на

полынныхъ лессовыхъ степяхъ, которыя весною и осенью даютъ скоту превосходный кормъ. Самый составъ скота въ разныхъ мѣстностяхъ очень разнообразенъ, въ зависимости главнымъ образомъ отъ свойствъ пастбищъ и отъ степени развитія сѣнокошенія или посѣвовъ люцерны и другихъ кормовыхъ растеній. Существующее въ этомъ отношеніи разнообразіе достаточно ясно видно изъ нижеслѣдующихъ поуѣздныхъ данныхъ, подсчитанныхъ по любезно сообщенныхъ мнѣ Сыръ-Дарьинскимъ Областнымъ Правленіемъ свѣдѣніямъ, собраннымъ для «Обзора» области за 1902 годъ:

Характеръ скотоводства и земледѣлія

Въ уѣздахъ.	Дворовъ	Лошадей	Рогатыхъ.	Верблюдовъ.	Овецъ и козъ [2]).
Ташкентскомъ [1]) .	8.996	11.615	18.370	1.275	8.816
Чимкентскомъ . .	44.934	159.634	80.331	95.160	139.248
Ауліеатинскомъ. .	38.682	183.403	129.318	71.753	163.048
Перовскомъ . . .	24.360	27.097	18.180	49.607	61.910
Казалинскомъ . .	28.915	59.160	38.121	100.306	124.604

что составляетъ въ процентахъ:

Въ уѣздахъ.	Лошадей.	Рогатыхъ.	Верблюдовъ.	Овецъ и козъ.
Ташкентскомъ . .	28,9	45.8	3,2	21,9
Чимкентскомъ . . .	33,7	17,1	20,0	28,9
Ауліеатинскомъ. .	33,5	23,6	13,1	29,8
Перовскомъ	17,3	11,6	31,6	39,4
Казалинскомъ . . .	18,3	11,9	31,1	38,7

Изъ таблички этой ясно, что въ Ташкентскомъ уѣздѣ преобладаетъ рогатый скотъ, количество котораго почти равно количеству головъ всѣхъ остальныхъ видовъ скота, взятыхъ вмѣстѣ, количество же верблюдовъ совершенно ничтожно,—что вполнѣ соотвѣтствуетъ всей совокупности условій Ташкентскаго уѣзда: близости большого города и преобладанію осѣдлаго и полуосѣдлаго населенія. Прямую противоположность составляютъ два уѣзда, занимающіе сѣверо-западную часть области—Перовскій и Казалинскій: здѣсь центръ тяжести скотоводства лежитъ въ овцеводствѣ и въ разведеніи

[1]) За невозможностью выдѣлить чисто-кочевое населеніе, по этому уѣзду приведены данныя и по тѣмъ волостямъ, населеніе которыхъ частью осѣдлое, частью кочевое.

[2]) Въ этой табличкѣ, въ видахъ большей сравнимости цифръ мелкаго скота съ цифрами, показывающими количество головъ разныхъ видовъ крупнаго скота, количество овецъ и козъ приведено раздѣленное на шесть — приблизительный коэффиціентъ для перевода мелкаго скота на крупный

верблюдовъ, что̀ опять-таки совершенно естественно, такъ какъ Перовскій и Казалинскій уѣзды представляютъ собою мѣстности съ наиболѣе сохранившимся кочевымъ типомъ быта и хозяйства и притомъ съ преобладаніемъ такихъ односторонне-годныхъ кормовыхъ угодій, какъ пески, солонцы и лёссовыя пустыни. Среднее, до нѣкоторой степени, мѣсто занимаютъ Чимкентскій и Ауліеатинскій уѣзды: здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ коневодство и овцеводство, но существенную роль играетъ также разведеніе рогатаго скота и верблюдоводство, причемъ изъ этихъ послѣднихъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ болѣе развито первое, въ Ауліеатинскомъ второе. Такой характеръ скотоводства въ этихъ уѣздахъ является, какъ слѣдуетъ думать, результатомъ особаго разнообразія мѣстностей, принадлежащихъ къ ихъ составу, въ отношеніи какъ естественныхъ условій, такъ и степени перехода къ осѣдлому быту: съ одной стороны—при-Дарьинскіе и Чуйскіе киргизы съ ихъ сравнительно сохранившимся кочевымъ бытомъ, съ другой—полуосѣдлые киргизы предгорій Таласскаго Алатау и Александровскаго хребта. Въ частности, въ южномъ, предгорномъ районѣ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ преобладаютъ повидимому лошади и рогатый скотъ; у киргизъ, центромъ кочевій которыхъ является полоса между Таласомъ и Каратаускими горами—верблюды и бараны; на побережьи Чу—верблюды и рогатый скотъ; у совершающихъ дальнія перекочевки киргизъ побережья Сыръ-Дарьи—опять-таки верблюды и бараны. Весьма существенныя, нерѣдко, различія замѣчаются въ данномъ отношеніи и между болѣе мелкими сосѣдними районами и группами киргизскаго населенія, въ зависимости главнымъ образомъ отъ характера кормовъ. Въ видѣ примѣра можно указать на двѣ сосѣднія волости Чимкентскаго уѣзда—Джилыбулакскую и Каракольскую, центромъ кочевій которыхъ является пространство между Таласомъ и горами Каратау: пастбища первой изъ нихъ имѣютъ по преимуществу характеръ полынныхъ степей, и потому здѣсь держатъ сравнительно мало лошадей и много верблюдовъ, Каракольская же волость имѣетъ отличныя горныя пастбища, мало пригодныя для верблюдовъ,—а потому имѣетъ очень много лошадей и почти не имѣетъ верблюдовъ.

Меньшее разнообразіе замѣчается, повидимому, въ отношеніи характера земледѣльческаго хозяйства у киргизъ. Нѣсколько особое мѣсто занимаютъ въ этомъ отношеніи только ближайшія окрестности Ташкента, гдѣ киргизы въ значительной мѣрѣ усвоили

пріемы земледѣльческой культуры, издавна существующіе у осѣдлаго сартовскаго населенія и, между прочимъ, въ большихъ размѣрахъ занимаются хлопководствомъ и другими интенсивными культурами. Въ остальныхъ частяхъ Сыръ-Дарьинской области хозяйство имѣетъ, по преимуществу зерновой характеръ, съ посѣвами главнымъ образомъ пшеницы и ячменя, мѣстами въ озимыхъ, мѣстами въ яровыхъ разновидностяхъ,—а также проса, частью обыкновеннаго крупнаго (тарыкъ), частью мелкаго кормового (кунакъ), впрочемъ также употребляемаго киргизами въ пищу; въ мѣстностяхъ, изобилующихъ водою, какъ Сыръ-Дарьинскіе туган и побережье Чу, въ послѣдніе годы стала очень распространяться культура риса. Затѣмъ, болѣе или менѣе повсемѣстно сѣютъ люцерну, въ южной подгорной полосѣ больше, съ сѣверной, степной, какъ кажется, меньше; мѣстами—джугару, и болѣе или менѣе повсемѣстно разводятъ бахчевыя растенія, продукты которыхъ составляютъ любимую пищу киргизъ. Затѣмъ,—что особенно важно съ чисто практической точки зрѣнія,—земледѣліе повсемѣстно, за исключеніемъ, можетъ быть, ближайшихъ окрестностей Ташкента, ведется безъ помощи навознаго удобренія и имѣетъ залежный характеръ, примѣненіе той или иной разновидности залежной системы зависитъ главнымъ образомъ отъ степени земельнаго простора въ каждой данной мѣстности и въ особенности—отъ отношенія между площадью земель, пригодныхъ для культуры по почвеннымъ условіямъ и доступныхъ для полива изъ имѣющихся въ распоряженіи населенія водныхъ источниковъ,—и степенью изобилія воды въ этихъ послѣднихъ. Въ южныхъ частяхъ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, гдѣ населеніе довольно скучено, земельный просторъ и въ частности—относительное, по сравненію съ населеніемъ, количество земель, доступныхъ для полива, сравнительно ограничено, а вода имѣется въ изобиліи, каждое поле засѣвается по нѣскольку лѣтъ подрядъ, съ соблюденіемъ извѣстнаго чередованія высѣваемыхъ растеній; въ районѣ тугаевъ Перовскаго уѣзда, гдѣ населеніе располагаетъ въ изобиліи и землею, и водою, и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ выводъ воды принятыми у киргизъ пріемами не представляетъ никакого затрудненія, земледѣльческое хозяйство имѣетъ совершенно безпорядочный, кочевой характеръ: выведя воду на какую-либо площадь, киргизы засѣваютъ ее, пока хорошо родится хлѣбъ, а при малѣйшемъ пониженіи урожайности выводятъ воду на какую-либо другую площадь и переносятъ туда свои посѣвы. Наконецъ, на предгорьяхъ Каратау, или точнѣе—въ окай-

мляющихъ эти горы степяхъ, площадь удобныхъ для поливной культуры земель чрезвычайно обширна, количество воды—весьма ограничено; и въ соотвѣтствіи съ этимъ здѣсь господствуетъ такой типъ залежнаго хозяйства, при которомъ вся площадь земель, могущихъ быть политыми изъ извѣстнаго воднаго источника, какъ-бы разбивается на нѣсколько смѣнъ, изъ которыхъ каждая засѣвается только одинъ годъ, а затѣмъ остается въ залежи все время, пока посѣвы обходятъ остальныя части той-же площади; число лѣтъ залежи зависитъ такимъ образомъ, по преимуществу, отъ болѣе или менѣе благопріятнаго отношенія между пространствомъ земли, на которое распространилась сѣть выведеннымъ изъ даннаго воднаго источника арыковъ, и количествомъ воды, могущей быть использованною для полива; мнѣ лично, во время моей экскурсіи по области, пришлось видѣть такія поля, которыя послѣ каждаго посѣва отдыхаютъ 10 и даже 15 лѣтъ,—но пришлось видѣть и такія, на которыхъ число лѣтъ отдыха падаетъ до пяти, трехъ и даже ниже. Достойно при этомъ замѣчанія, что внѣшній видъ пахатныхъ полей—по крайней мѣрѣ въ при-Каратауской полосѣ, а также, повидимому, въ окрестностяхъ Ауліеата,—не имѣетъ ничего общаго съ внѣшнимъ видомъ ихъ въ сѣверныхъ степяхъ и въ особенности—въ переходной, южной полосѣ Акмолинской, Тургайской и Уральской областей; въ этихъ послѣднихъ киргизскія пашни разбрасываются, по большей части, безпорядочными, мелкими клочками, слѣдуя за мельчайшими деталями въ рельефѣ и характерѣ почвы. Въ Сыръ-Дарьинской области приблизительно также, въ зависимости отъ возможности вывести воду, располагаются пашни только въ горныхъ мѣстностяхъ. Въ степныхъ районахъ болѣе или менѣе давно разбитая правильная сѣть оросительныхъ канавъ охватываетъ, обыкновенно, обширныя сплошныя пространства, въ предѣлахъ которыхъ посѣвы переходятъ, въ соотвѣтствіи съ принятымъ чередованіемъ, съ одного мѣста на другое.

Перехожу теперь къ характеристикѣ формъ землепользованія у туркестанскихъ киргизъ, по скольку я могъ уяснить ихъ себѣ по личнымъ наблюденіямъ и по весьма немногимъ извѣстнымъ мнѣ литературнымъ источникамъ.

Родовое землепользованіе.

Къ сожалѣнію, я могъ извлечь изъ этихъ источниковъ чрезвычайно мало свѣдѣній собственно по вопросу о характерѣ тѣхъ формъ пользованія землею, которыя существовали у киргизъ во время присоединенія края. Но сущность этихъ формъ, повидимому,

не можетъ возбуждать сомнѣній. «При кочеваніи—говоритъ Н. И. Гродековъ [1])—киргизы и до настоящаго времени слѣдуютъ *древнему обычаю.* Кочуютъ обществами одного рода, допуская въ свои аулы изъ другихъ родовъ лишь родственниковъ по женской линіи или бѣдняковъ, нанимающихся въ работники; каждый родъ имѣетъ опредѣленныя мѣста лѣтнихъ (жайляу) и осеннихъ (куздяу) кочевокъ». Весьма кратко, по существу подобнымъ-же образомъ, характеризуетъ тогдашніе порядки землепользованія К. П. фонъ-Кауфманъ [2]) въ проектѣ всеподданнѣйшаго отчета: «права владѣнія и пользованія землею, говоритъ онъ, опредѣляются родово-общественными отношеніями»; въ частности—«пахатныя земли считаются, по обычному воззрѣнію, общимъ достояніямъ рода, и пользованіе ими открыто для всѣхъ родовичей, занимающихся хлѣбопашествомъ». Родовое владѣніе, при этомъ, въ значительной мѣрѣ основывалось на правѣ сильнаго. «Пользованіе пастбищами—говоритъ К. П. фонъ-Кауфманъ—при кочевкахъ и стойбищными мѣстами на зимовьяхъ и лѣтовьяхъ кочевниковъ соразмѣрялось также главнымъ образомъ съ силой отдѣльныхъ родовъ и было постояннымъ предметомъ родовыхъ споровъ и столкновеній. Сильные роды безъ нужды, не пользуясь сами захваченными пространствами, вытѣсняли слабѣйшихъ соперниковъ, тѣснившихъ въ свою очередь другіе, еще болѣе беззащитные роды».

Родовое начало было въ значительной мѣрѣ подорвано и потрясено предпринятою послѣ учрежденія Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства «организаціею степныхъ волостей и административныхъ ауловъ, въ основу которой положено территоріальное начало общихъ волостныхъ и аульныхъ зимовокъ». При этой организаціи, по свидѣтельству того-же отчета [3]), «немногіе сильные роды раздѣлены были на отдѣльныя меньшія группы, самостоятельныя и независимыя одна отъ другой. Такое разъединеніе сильныхъ родовъ, невыгодное для родоправителей, оказалось полезно массамъ, получившимъ лучшее представительство и болѣе обезпеченную защиту народнаго интереса въ новой выборной власти, прямо отъ народа зависящей. Мелкіе роды и разсѣянныя части обширныхъ, но давно распавшихся родовъ столько-же выиграли отъ ихъ соединенія въ волости и подчиненія выборному начальству,

[1]) Назв. соч., стр. 109.
[2]) Стр. 223—227.
[3]) Тамъ-же

сколько прежде терпѣли, подчиняясь чужой родовой аристократіи». При этихъ измѣнившихся условіяхъ «обширная территорія Генералъ-Губернаторства, по словамъ К. П. фонъ-Кауфмана, за исключеніемъ полосы осѣдлаго населенія и зимовокъ, закрѣпленныхъ за опредѣленными при организаціи волостями, можетъ быть разсматриваема какъ общее киргизское пастбище, на которомъ кочуютъ аулы киргизовъ всѣхъ родовъ»,—причемъ «кочевое передвиженіе не только не ограничивается территоріею отдѣльныхъ волостей и уѣздовъ,—оно не замыкается и предѣлами областей, а изъ пограничныхъ уѣздовъ нѣкоторые киргизы Туркестанскаго вѣдомства въ лѣтнее время заходятъ и въ пограничные уѣзды смежныхъ областей Оренбургскаго и Сибирскаго вѣдомствъ».

Значеніе административныхъ границъ.

Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ сѣверной полосѣ киргизскихъ степей, административная реформа сыграла въ поземельномъ отношеніи только отрицательную, такъ сказать, роль, если не разрушивъ, то во всякомъ случаѣ—въ значительной мѣрѣ подорвавъ прежній родовой укладъ киргизскаго землевладѣнія; она не создала, да и не задавалась цѣлью создать какихъ-либо единицъ землевладѣнія въ границахъ вновь учрежденныхъ волостей и административныхъ ауловъ. Какъ мало киргизскія кочевки связаны какими-бы то ни было административными границами,—это по отношенію къ сѣверной полосѣ Сырь-Дарьинской области въ достаточной мѣрѣ доказывается продолжающимися и въ настоящее время, хотя и въ значительно сократившихся размѣрахъ, вкочевками Перовскихъ и Казалинскихъ киргизъ въ предѣлы Тургайской области, а киргизъ при-Чуйскаго района Ауліеатинскаго уѣзда—въ Акмолинскую область, не говоря уже о Закаспійскихъ адаевцахъ, огромными массами вкочевывающихъ въ Уральскую область. Чтобы дать понятіе о направленіи кочевокъ и отношеніи ихъ къ административнымъ раздѣленіямъ для южной полосы области, я позволю себѣ привести данныя о кочевкахъ киргизъ Ауліеатинскаго уѣзда, какъ они сообщены мнѣ бывшимъ много лѣтъ начальникомъ этого уѣзда генералъ-маіоромъ Калауромъ:

Волости *Учактинская*, *Уюковская* и *Бійликульская* лѣтуютъ въ Каратаускихъ горахъ, въ предѣлахъ частью своего, частью—Чимкентскаго уѣзда.

Волости *Куюкская* и *Куркуреуская*—на урочищѣ Майдантал, Ташкентскаго уѣзда.

Волости *Карабуринская* (ея зимнія стойбища на Таласѣ, выше гор. Ауліеата) и *Урмаральская* (съ низовьевъ Таласа) — на Чаткалѣ, въ предѣлахъ Наманганскаго уѣзда.

Волости *Конкольская* и *Каракольская*—на другихъ лѣтовкахъ Наманганскаго уѣзда.

Волости *Талканская*, *Аспаринская*, *Курганинская*, *Каракыстакская*, *Чингельская* — на уроч. Сусамыръ, Андижанскаго уѣзда, вмѣстѣ съ киргизами, прикочевывающими изъ Семирѣченской области.

Волости *Ботомайнакско-Алмалинская*, *Микбальская* и *Кумарская*—въ Александровскомъ хребтѣ, въ предѣлахъ своего уѣзда.

Волости *Карабакырская* и *Кученейская*—въ пескахъ своего уѣзда.

Волость *Тастюбинская* на дальнія лѣтовки не ходитъ, но выкочевываетъ въ предѣлы Куюкской волости.

Чуйскіе киргизы лѣтуютъ частью въ пескахъ своего уѣзда, частью—на лѣтовкахъ южной и средней части Атбасарскаго уѣзда, Акмолинской области.

Такимъ образомъ, по отношенію пользованія лѣтовками и вообще пастбищами административныя границы не имѣютъ безусловно никакого значенія, и выкочевываніе даже за предѣлы области связывается только съ нѣкоторыми формальностями административнаго характера, которыя однако также далеко не всегда исполняются [1]). Большее соотвѣтствіе замѣчается, повидимому, между административными границами и границами пользованія такими угодьями, какъ пашни и призимовочныя пастбища, поскольку таковыя лежатъ при зимовкахъ киргизъ, имѣющихъ постоянныя зимнія жилища или по крайней мѣрѣ проводящихъ зиму при своихъ курганчахъ,—и это совершенно естественно, такъ какъ основаніемъ для соединенія киргизъ въ административные аулы и волости была принята если не общность, то во всякомъ случаѣ—смежность пользованія пашнями и призимовочными угодьями. Однако, и здѣсь соотвѣтствіе является далеко не безусловнымъ. Въ видѣ, скорѣе, общаго правила, нежели исключенія, можно повидимому сказать, что такое соотвѣтствіе наблюдается лишь постольку, поскольку рѣчь идетъ о границахъ волостей,—угодья же киргизъ разныхъ административныхъ ауловъ сплошь и рядомъ совершенно перепутаны между собою. Перепутанность эта идетъ однако иногда

---

[1]) «Нашего понятія о волости—говоритъ И. В Аничковъ (назв. соч., стр. 186) здѣсь не можетъ быть, потому что случается такъ: одна часть волости кочуетъ на Сырѣ, другая въ Кызылъ-Кумахъ, третья въ Кара-Кумахъ, четвертая на Аму-Дарьѣ, наконецъ въ Перовскомъ и Иргизскомъ уѣздахъ, около Карабулака, сплошь и рядомъ уходя зимовать въ Букапскія горы, въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, прикочевывая на лѣто, для хлѣбопашества, на Сыръ, Куванъ и Яны-Дарьи, затѣмъ осенью и зимой снова откочевывая въ Иргизскій уѣздъ или Аму-Дарьинскій отдѣлъ: впрочемъ, большинство волостей уже осѣло, отправляя только на лѣто и весну свой скотъ въ Кара-Кумы и на рѣку Иргизъ»

и гораздо дальше: такъ, многіе киргизы волостей, территорія которыхъ пріурочена къ Каратаускому району, Чимкентскаго уѣзда, имѣютъ «свои» пашни, на р. Чу, въ предѣлахъ совершенно другихъ волостей. И обратно—части двухъ административныхъ ауловъ Чуйской волости совершенно не имѣютъ никакого пользованія въ предѣлахъ своей волости, а кочуютъ и пользуются культурными землями на юго-западномъ склонѣ Каратау, въ административныхъ границахъ Нагайкуринской и Хантакской волостей.

Особленіе землевладѣній.

Затѣмъ, нельзя не отмѣтить, что нашедшее себѣ выраженіе въ проектѣ отчета К. П. фонъ-Кауфмана представленіе о всей обширной территоріи края, «какъ объ общемъ киргизскомъ пастбищѣ», на которомъ кочуютъ аулы киргизъ всѣхъ родовъ, едва вполнѣ правильно отражаетъ современную дѣйствительность. Какъ свидѣтельствуетъ между прочимъ Н. И. Гродековъ [1]), «киргизы и до настоящаго времени слѣдуютъ при кочеваніи тому древнему обычаю», сущность котораго была изложена выше—т. е. «кочуютъ обществами одного рода», внутри котораго во время перекочевокъ и пребыванія на того или иного вида пастбищахъ (лѣтнихъ, осенніхъ и т. п.) соединяются въ разнообразныя группы, величина которыхъ соотвѣтствуетъ условіямъ пользованія каждымъ даннымъ пастбищнымъ урочищемъ; каждый родъ «имѣетъ свои опредѣленныя мѣста лѣтнихъ и осеннихъ кочевокъ»,—причемъ въ однихъ мѣстахъ прикочевка постороннихъ киргизъ вовсе не допускается, въ другихъ допускается при соблюденіи тѣхъ или другихъ ограниченій. Административная реформа далеко не уничтожила, между прочимъ, и слѣдовъ тѣхъ насильственныхъ захватовъ, на которыхъ въ дореформенное время основывалось землепользованіе отдѣльныхъ родовъ. Выше, въ I-ой главѣ настоящаго отчета, мнѣ уже приходилось приводить данныя, свидѣтельствующія о томъ, что отдѣльные богатые киргизы и до сихъ поръ признаютъ себя полновластными владѣльцами обширныхъ земельныхъ пространствъ, измѣряемыхъ тысячами и даже десятками тысячъ десятинъ, и считаютъ себя вправѣ не только сдавать «свои» земли въ аренду, но даже продавать ихъ «на вѣчность» русскимъ поселенцамъ. Насколько при этомъ киргизскіе «бàи» не стѣсняются со своими менѣе сильными сородичами, видно хотя-бы изъ такого примѣра: въ 1898 году одинъ богатый киргизъ сдалъ товариществу изъ 11 крестьянъ пос.

[1]) Стр. 109—111.

Антоновскаго на 30 лѣтъ 1,000 десятинъ земли на урочищѣ Каракчи-булакъ, вблизи этого поселка, несмотря на то, что на этой землѣ существовалъ цѣлый киргизскій аулъ; арендаторы тотчасъ же разломали часть зимовокъ, остальнымъ же разрѣшили, за плату, пробыть на мѣстѣ въ теченіе еще одного года; дѣло это доходило до Областного Правленія и даже до Высшей въ краѣ Власти, но повидимому права обиженныхъ киргизъ не возстановлены и до настоящаго времени. Или другой подобный-же примѣръ: на урочищѣ Тюлькубашъ, недалеко отъ Корниловки, земля съ расположенными на ней зимовками киргизъ рода Боккайнакъ и съ кишлакомъ припущенниковъ-сартовъ, была сдана въ аренду совершенно посторонним богатымъ киргизомъ (изъ рода Чульманъ-бекъ) крестьянамъ названной деревни и с. Ванновскаго,—и дѣло объ этой сдачѣ посейчасъ не закончено въ судебныхъ учрежденіяхъ, куда оно было направлено вслѣдствіе иска мѣстныхъ органовъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ [1]). Подъ вліяніемъ съ одной стороны подобныхъ переживаній родового начала, съ другой—такихъ процессовъ распаденія первоначальной общности пользованія, которые являются послѣдствіемъ сокращенія прежняго необъятнаго и неограниченнаго земельнаго простора и развитія, на прежнихъ общихъ пастбищахъ, хлѣбопашества и сѣнокошенія,—подъ вліяніемъ наконецъ, мѣстами, непосредственнаго вмѣшательства администраціи, которая, напримѣръ, въ Перовскомъ уѣздѣ оказывала прямое воздѣйствіе на киргизъ, чтобы ввести пользованіе отдѣльныхъ волостей въ опредѣленныя границы,—современное землевладѣніе и землепользованіе киргизъ Сыръ-Дарьинской области представляетъ собою необычайно пеструю картину, въ которой первоначальная общность и расплывчатость владѣнія и пользованія самымъ причудливымъ образомъ перепутывается съ болѣе или менѣе рѣзкимъ обособленіемъ землепользованія болѣе или менѣе мелкихъ группъ, объединенныхъ частью родовымъ началомъ, частью—простымъ сосѣдствомъ, частью—общностью труда, затраченнаго напримѣръ на проведеніе арыковъ или на устройство защитительныхъ отъ воды сооруженій. Только подробное мѣстное изслѣдованіе будетъ въ состояніи разобраться въ этой путаницѣ. Я же могу привести только нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ частью изъ сообщеній нѣкоторыхъ представителей мѣстной администраціи, частью—изъ моихъ лич-

Пестрота формъ землепользованія

[1]) Подробности того и другого дѣла сообщены мнѣ О. А. Шкапскимъ.

ныхъ наблюденій и бесѣдъ съ киргизами, попадавшимися мнѣ во время моей экскурсіи по степямъ Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ.

Въ Перовскомъ уѣздѣ, по сообщенію бывшаго и. д. уѣзднаго начальника капитана В. П. Колосовскаго, каждая волость пользуется землею въ опредѣленныхъ границахъ, которыя установлены были уѣзднымъ начальникомъ Панкратьевымъ и строго соблюдаются. Изъ 20 волостей уѣзда одна имѣетъ землю на крайнемъ юго-западѣ уѣзда, между Сыромъ и Кызылъ-Кумами, другая—на крайнемъ сѣверо-востокѣ, у озеръ Тиликуль; остальнымъ 18 земля отведена лентами поперекъ Сыръ-Дарьи. Малоземельные не имѣютъ права заходить въ предѣлы земель постороннихъ волостей, а если нуждаются въ землѣ, то большею частью перечисляются въ посторонніе уѣзды, къ сородичамъ. Такимъ образомъ, одна волость во владѣніи другой вовсе не заинтересована; важное значеніе имѣетъ только прогонъ скота, который регулируется точными правилами и совершается по опредѣленнымъ путямъ, такъ какъ киргизамъ крайней юго-западной, Каракуль-Кувалъ-Дарьинской волости приходится прокочевывать черезъ зимовья стойбища волостей, пользующихся землею по Дарьѣ, а киргизамъ этихъ 18 волостей—черезъ угодья Тиликульской волости. Въ Казалинскомъ уѣздѣ, по сообщенію того-же лица, землепользованіе совершенно спутанное и никакихъ опредѣленныхъ границъ не существуетъ. Что касается до лѣтняго кочеванія,—то, по сообщенію Джулекскаго пристава капитана Лукина, киргизы его участка (южная часть Перовскаго уѣзда) лѣтуютъ частью на Каратаускихъ горахъ, частью — на Сарысу, въ предѣлахъ Акмолинской области. Именно, волости Телекульская, Гродековская, Головачевская могутъ лѣтовать только на Сарысу, а на Каратаускія горы ходить не могутъ. Саурамская, Яныкурганская и Прирѣчная лѣтуютъ исключительно въ горахъ, Скобелевская—и въ горахъ, и на Сарысу. Въ горахъ каждая волость имѣетъ свои мѣста для лѣтованія—въ 1902 году былъ съѣздъ для повѣрки распредѣленія лѣтовокъ. На Сарысу границы менѣе точно соблюдаются. Въ Казалинскомъ же уѣздѣ, по сообщенію также бывшаго уѣзднаго начальника, полк. Киселева, выдѣляются 8 волостей, имѣющія зимовья стойбища на побережьѣ Сыръ-Дарьи, главнымъ образомъ въ тугаяхъ; всѣ остальныя волости зимуютъ въ Кызылъ-Кумахъ и Кара-Кумахъ, къ землямъ же, расположеннымъ вдоль Сыра, не имѣютъ никакого касательства: на лѣто состоятельныя кибитки и изъ тѣхъ, и изъ другихъ волостей откочевываютъ на сѣверъ, въ предѣлы Тургайской области.

Тастюбинская волость, Ауліеатинскаго уѣзда. Прежде почти всѣ ходили на дальнія лѣтовки, на урочища Миибулакъ, Тжитытюбе и др., въ нагорной части Чимкентскаго уѣзда. Теперь, со времени большого «куяна» 1879 года, туда не пускаютъ. Раньше были богаты, корма было много, всѣ ходили вмѣстѣ, «пополамъ» — въ горы приходили съ Чу, изъ окрестностей Чимкента, изъ другихъ мѣстностей Чимкентскаго уѣзда,—а теперь каждый кочуетъ въ своей волости. Внутри Тастюбинской волости пашнями пользуются каждый около своей зимовки. Пользованіе лѣтними пастбищами со-

вершенно свободно, причемъ бѣдные, какъ выше упоминалось, пасутъ скотъ около самыхъ зимовокъ, а богатые отгоняютъ скотъ въ восточный конецъ волости и дальше въ предѣлы Уюковской волости; такъ же дѣло обстоитъ и съ зимними тебеневками—скотъ бѣдныхъ и зимою пасется около курганчей, богатые же имѣютъ тебеневки въ предѣлахъ Уюковской волости. Это потому, что въ Уюковской волости земли много—ея кочевья и въ горахъ, и въ пескахъ,—въ Тастюбинской же волости тѣсно—тамъ на одномъ мѣстѣ и лѣтовка, и зимовка; а главное, въ предѣлахъ Уюковской волости мѣста болѣе холмистыя, и зимою извѣстныя площади всегда свободны отъ снѣга и потому пригодны для тебеневанія. Общій выводъ изъ разспросовъ киргизъ Тастюбинской волости и изъ путевыхъ наблюденій,—что землепользованіе совершенно расплывчато и никакихъ опредѣленныхъ границъ нѣтъ—каждый пользуется тѣми или другими угодьями по удобству.

Учактинская волость Ауліеатинскаго уѣзда. Бѣдные и средніе дворы, какъ упоминалось, постоянно остаются на Таласѣ и Асѣ, состоятельные проводятъ зиму въ пескахъ и на Чу, лѣтуютъ въ Каратау. Лѣтовки на Каратау—у нихъ «не свои, а чужія»—киргизъ Чимкентскаго уѣзда; пользуются ими «пополамъ», и за это пускаютъ чимкентскихъ киргизъ гонять свой скотъ на степь можетъ горами и Таласомъ въ теченіе зимы. Провести арыкъ для орошенія можетъ каждый киргизъ Учаткинской волости, а пожалуй и чужихъ волостей; на вопросъ, можно-ли сѣять хлѣбъ на землѣ, орошаемой изъ чужого арыка, киргизы затруднились дать опредѣленный отвѣтъ.

Каракольская волость, Чимкентскаго уѣзда—вся ея территорія лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Каратау. Границы у волостей есть, но «ихъ не караулятъ»: лѣтомъ въ предѣлы Каракольской волости вкочевываютъ волости Учактинская и Джилыбулакская, зимой—нѣсколько волостей изъ-за Каратаускихъ горъ (Аристандинская Кочкаратинская, Саянская, Бугинская): за горами мѣста хороши для лѣта и осени, а зимой не годятся, поэтому приходятъ зимовать въ камыши по Таласу и Асѣ. Внутри волостей каждый паситъ скотъ гдѣ ему угодно, пашня же и покосъ распредѣляются по родовымъ группамъ. Внутри такихъ группъ пашни въ свободномъ пользованіи: если кто посѣялъ, то это не мѣшаетъ другому посѣять тутъ-же на слѣдующій годъ. Покосы «у каждаго свои».

Джилыбулакская волость, того-же уѣзда Пашни состоятъ въ общемъ пользованіи родовыхъ группъ, совмѣстно проводившихъ арыки. Однѣ и тѣ-же группы имѣютъ пашни на степи между Каратаускими горами и Таласомъ, въ Каратаускихъ горахъ и на Чу; внутри каждой группы, въ очередной посѣвной смѣнѣ, каждый засѣваетъ любую полосу. Въ предѣлы Джилыбулакской волости вкочевываютъ только Чуйскіе киргизы, сами же Джилыбулакцы вкочевываютъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, въ Каракольскую волость. Это потому, что Каракольская волость имѣетъ отличныя высокогорныя пастбища и вообще—является самою многоземельною, а потому туда всѣ и вкочевываютъ.

Нагайкуринская волость, Чимкентскаго уѣзда. Степь къ юго-западу отъ Каратау—лѣтнія и частью зимнія пастбища Нагайкуринской, Хантакской и

Аристандинской волостей; зиму киргизы этихъ волостей проводятъ въ горахъ (частью же скотъ ихъ тебенюетъ на ближайшей степи) лѣто на пространствѣ между горами и Сыръ-Дарьей. Здѣсь же, въ предѣлахъ Нагайкурпинской и Аристандинской волостей, имѣютъ всѣ свои угодья киргизы двухъ ауловъ Чуйской волости.

По сообщенію Туркестанскаго участковаго пристава капитана Лалекина, въ этой мѣстности каждая родовая группа имѣетъ свои опредѣленные пути и площади кочеванія. Заходъ кого-либо на чужую кочевую дорогу часто влечетъ за собою тяжбу,—и въ такомъ случаѣ народный судъ ограждаетъ установившіяся права. Однако, изъ этаго общаго правила есть и изъятія—мѣста, которыми могутъ совершенно свободно пользоваться всѣ киргизы даннаго района; такъ, въ общемъ пользованіи находятся нѣкоторыя соленосныя площади, куда всѣ киргизы пригоняютъ свой скотъ въ извѣстной очереди; общіе для всѣхъ пути, которыми пользуются, чтобы прогонять скотъ мимо могилъ святыхъ—покровителей скота; въ свободномъ-же общемъ пользованіи состоятъ площади со специально-верблюжьимъ кормомъ. Неограниченно-свободно пользованіе песками въ случаѣ джута За этими исключеніями, по мнѣнію г. Лалекина, границы отдѣльныхъ пастбищныхъ группъ строго соблюдаются, и на чужія пастбища киргизы не ходятъ.

Я намѣренно привелъ почти дословно нѣкоторыя относящіяся къ данному вопросу записи изъ своихъ путевыхъ замѣтокъ, такъ какъ онѣ достаточно ясно показываютъ крайнюю пестроту и въ то-же время сбивчивость формъ пользованія, существующихъ у Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ. Наибольшіе успѣхи расчлененіе землепользованія сдѣлало, повидимому, въ горныхъ мѣстностяхъ южной полосы области — Чимкентскаго, Ташкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, а также въ Каратаускихъ горахъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь обособленіе землепользованій отнюдь не имѣетъ какого-либо окончательнаго характера; выше были приведены нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе, что обособленіе горныхъ кочевій въ Каратаускомъ районѣ не мѣшаетъ киргизамъ стѣсненныхъ въ пастбищахъ группъ пригонять свой скотъ на горныя пастбища болѣе многоземельныхъ волостей. Относительно же района Таласскаго Алатау я могу привести тотъ фактъ, что въ послѣдніе годы сюда прикочевала масса киргизъ съ побережья Сыръ-Дарьи, гдѣ корма уничтожались саранчею. Совершенно неопредѣленнымъ представляется, повидимому, пользованіе степными пастбищами и особенно песками. Если здѣсь каждая родовая группа и имѣетъ свои мѣста для стоянокъ и для лѣтняго, зимняго и т. п. выпаса скота и свои кочевые пути, то такія площади и пути слѣдуетъ разсматривать, повидимому, не столько какъ обособившіяся единицы землевладѣнія или

землепользованія, сколько какъ обычные пути и мѣста кочеванія, которыхъ каждая группа держится просто по привычкѣ и въ силу соображеній практическаго удобства, но которые въ случаѣ надобности могутъ быть используемы и всѣми другими.

Я ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы поручиться, что картина землевладѣнія въ Сыръ-Дарьинской области именно такова, какъ я только что набросалъ на основаніи своихъ бѣглыхъ наблюденій,—повторяю, что это можетъ быть выяснено только подробнымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ. Единственное, что́ кажется мнѣ не возбуждающимъ никакого сомнѣнія, это необыкновенная пестрота формъ пользованія, представляющихъ самые разнообразные переходы отъ совершенной общности до довольно яснаго обособленія отдѣльныхъ землепользованій, причемъ однако преобладаютъ, повидимому, неопредѣленныя и расплывчатыя формы, соотвѣтствующія неопредѣленности и неустойчивости кочевого и полукочевого быта въ разнообразныхъ встрѣчающихся въ области его разновидностяхъ. Сказанное, впрочемъ, вполнѣ справедливо лишь по отношенію къ разнымъ типамъ пастбищныхъ угодій. По отношенію къ такимъ угодьямъ, какъ пахатныя земли, сѣнокосы, курганчи съ прилегающими къ нимъ пастбищами, наблюдается, какъ кажется, гораздо бо́льшее обособленіе: право пользованія пашнями опредѣляется главнымъ образомъ участіемъ въ проложеніи оживляющей данную площадь пашенъ арычной системы. Обращеніе подъ поливную культуру неразработанныхъ степей, повидимому, свободно для каждаго, причемъ однако трудность устройства новой оросительной системы заставляетъ киргизъ соединяться для этой цѣли въ особые союзы или группы, составляющіяся по большей части изъ сородичей; внутри каждой такой группы, тамъ, гдѣ земли и воды много, каждый распахиваетъ гдѣ и сколько ему угодно, сообразуясь только съ установленною для полива очередью пахатныхъ смѣнъ; гдѣ воды мало, она распредѣляется равномѣрно между всѣми участниками арычной группы, и этимъ самымъ ограничивается и размѣръ запашки каждаго участника. Мѣста, занятыя курганчами, и непосредственно прилегающія къ нимъ площади состоятъ въ исключительномъ, конечно, пользованіи владѣльцевъ курганчей, занятіе же мѣстъ подъ новыя курганчи внутри каждой данной, частью родовой, частью сосѣдской группы болѣе или менѣе свободно. Наконецъ покосы въ однихъ мѣстахъ состоятъ въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ кибитокъ или небольшихъ сосѣдскихъ группъ, въ другихъ,

гдѣ сѣнокосы обширны (главнымъ образомъ въ районахъ прирѣчныхъ камышей), а сѣнокошеніе еще мало развито, пользованіе сѣнокосомъ совершенно свободно.

Соображенія о земельныхъ излишкахъ

Данныя, которыми можно располагать въ настоящее время для сужденія о количествѣ земель, излишнихъ для туземнаго кочевого населенія и потому безъ ущерба для него могущихъ, поскольку то допускаютъ почвенныя и ирригаціонныя условія, быть использованными для колонизаціи, крайне недостаточны и не даютъ права на сколько-нибудь опредѣленный выводъ. По просьбѣ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, общія данныя о численности кочевого населенія и о количествѣ состоящихъ въ его пользованіи земель были сообщены мѣстнымъ начальствомъ въ видѣ особаго краткаго «свода свѣдѣній» и напечатаны въ приложеніяхъ къ представленію Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ въ подготовительную при Комитетѣ Спб. ж. д. коммисію по вопросу объ изслѣдованіи Туркестанскаго края [1]). Но въ той части своей, которая относится къ неорошаемымъ выгонамъ и пастбищамъ, составляющимъ подавляющее большинство используемыхъ кочевниками земель, эти данныя не внушаютъ особаго довѣрія или во всякомъ случаѣ должны быть понимаемы въ какомъ-либо условномъ смыслѣ: изъ этихъ данныхъ оказывалось-бы именно, что въ пользованіи киргизъ Перовскаго, Ауліеатинскаго и Казалинскаго уѣздовъ состоитъ пастбищныхъ угодій всего 442, 871 и 386 тыс. дес.,—что совершенно неправдоподобно въ виду огромности общей площади этихъ уѣздовъ, подавляющая часть пространства которыхъ, несомнѣнно, въ то или другое время года, используется или можетъ использоваться кочевниками для выпаса тѣхъ или иныхъ видовъ скота. Я воспользуюсь цифрами, взятыми изъ этого источника, только для Ташкентскаго уѣзда, для котораго я не имѣю возможности воспользоваться никакими другими данными. Для того же, чтобы дать общее понятіе о количествѣ кочевого населенія и пространствѣ тѣхъ земель, которыми оно можетъ пользоваться, я воспользуюсь свѣдѣніями, собранными для «Обзора области» за 1902 годъ, и сопоставлю эти свѣдѣнія съ цифрами общей площади земель каждаго даннаго уѣзда, за вычетомъ земель, отведенныхъ русскимъ селеніямъ. Эти цифры, конечно, не будутъ точно совпадать съ количествомъ тѣхъ земель, которыми могутъ пользоваться кочев-

[1]) 18 ноября 1902 г, № 17401

ники, такъ какъ въ Чикментскомъ и Ауліеатинскомъ уѣздахъ есть земли, состоящія въ пользованіи осѣдлаго населенія и подлежащія отводу ему по 255 ст. Турк. пол., есть городскія земли и абсолютно неудобныя пространства—рѣки и озера,—но соотвѣтственные вычеты будутъ сравнительно невелики, и потому сопоставленіе указанныхъ величинъ, при всей своей грубости и неточности, сможетъ дать первоначальное представленіе объ отношеніи площади, могущей быть использованною для кочевій, къ количеству пользующагося ею населенія. Данныя эти изобразятся въ слѣдующемъ видѣ:

Въ уѣздахъ:	Пространство, тыс десят	Число домохозяйствъ кочевниковъ.	Всей земли на домохозяйство
Ташкентскомъ	3,442	1,803	1,909
Чикментскомъ	10,450	44,934	232
Аульеатинскомъ	7,025	38,682	181
Перовскомъ	9,980	24,360	409
Казалинскомъ	6,193	28,915	214

Цифры эти, однако, не даютъ права ни на какіе, хотя бы грубо приблизительные выводы. Прежде всего, къ этимъ цифрамъ слѣдовало бы прибавить площадь тѣхъ пастбищъ, которыя используются болѣе состоятельною частью Перовскихъ и Казалинскихъ, а частью—Чимкентскихъ и Аульеатинскихъ киргизъ въ предѣлахъ Тургайской и Акмолинской областей, во время ихъ лѣтнихъ откочевокъ, изъ цифры же по Ташкентскому уѣзду слѣдовало бы вычесть всю ту площадь, которая состоитъ въ пользованіи осѣдлаго населенія и будетъ закрѣплена за нимъ при будущихъ дополнительныхъ поземельно-податныхъ работахъ; какъ велики эти прибавки и вычеты, объ этомъ нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія. Затѣмъ, для сужденія о томъ, какая часть общаго пространства уѣздовъ могла бы быть признана излишнею, было бы необходимо располагать какими либо данными для хотя бы приблизительнаго рѣшенія вопроса о нормально-необходимомъ для киргизъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, количествѣ земли,—для этого, опять таки, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Наконецъ, нельзя не считаться съ тѣмъ еще соображеніемъ, что въ общую площадь уѣздовъ входятъ пространства, вовсе не эксплоатируемыя киргизами и не могущія быть эксплоатированными ни для какой хозяйственной цѣли, и о размѣрѣ этихъ пространствъ тоже нѣтъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Въ проектномъ всепод-

даннѣйшемъ отчетѣ Генералъ-Адъютанта фонъ-Кауфмана [1]) сдѣлана попытка вычислить, въ общихъ цифрамъ по областямъ, размѣры свободнаго излишка, могущаго поступить для колонизаціонныхъ цѣлей. Покойный устроитель края береть именно площади, состоящія подъ пастбищами кочевниковъ, за вычетомъ изъ нихъ безплодныхъ степей и горъ, и сопоставляетъ ихъ съ численностью кочевого населенія. Площадь пастбищъ и другихъ земель кочевого населенія онъ принимаетъ: по Семирѣченской области въ 18 милл., по Сыръ-Дарьинской тоже 18 милл.. по Ферганской 3 милл., по Зеравшанскому округу 1,300 тыс., по Амударьинскому отдѣлу 1,300 тыс. дес.; число кибитокъ кочевниковъ по тремъ областямъ—162 тыс., 124 тыс. и 25 тыс., по Амударьинскому отдѣлу 8,156. откуда въ среднемъ на кибитку получается: по Семирѣченской области 110 дес., по Сыръ-Дарьинской 145, по Ферганской—160, по Аму-Дарьинскому отдѣлу 160 десятинъ. «Если принять во вниманіе, разсуждаетъ далѣе К. П. фонъ-Кауфманъ, что Семирѣченское кочевое скотоводство ведется не сокращаясь, а напротивъ—увеличиваясь, при данныхъ условіяхъ, даже и въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оно значительно стѣснено привилегіями казачьяго населенія, то можно думать, что 100-десятинное пастбище на каждую кибитку представляется совершенно достаточнымъ», откуда дѣлается выводъ, что «четвертая часть степныхъ пастбищъ, т. е. около 10 милл. десятинъ. можетъ быть распахана подъ земледѣліе безъ стѣсненій кочевому хозяйству, т. е. не стѣсняя настоящихъ его размѣровъ». Однако, и этотъ разсчетъ не можетъ послужить основаніемъ для какихъ либо опредѣленныхъ практическихъ заключеній,—хотя-бы уже потому, съ одной стороны, что норма дѣйствительнаго пользованія, выведенная по одной области, не можетъ быть распространяема на другую, сосѣднюю, безъ тщательнаго соображенія съ ея естественными и хозяйственными условіями; съ другой стороны, что совершенно исключать изъ разсчета горы и безплодныя степи было-бы правильно лишь въ томъ случаѣ, если-бы вычислялась площадь земель, могущихъ поступить подъ земледѣльческое хозяйство. При вычисленіи же земельной площади, состоящей въ пользованіи кочевниковъ, необходимо принимать въ соображеніе и пески, имѣющіе для чисто-кочевого населенія огромное хозяйственное значеніе, какъ зимнее пастбище, и очень значительную часть горной страны,

[1]) Стр. 215

имѣющую большую цѣнность въ качествѣ лѣтнихъ пастбищъ. Но если бы внести соотвѣтственныя поправки, то всѣ разсчеты совершенно измѣнились бы, и въ частности—Семирѣченская область—гдѣ количество песковъ и горныхъ пастбищъ весьма значительно, вѣроятно уже не могла бы быть принимаема за исходную точку для опредѣленія размѣра излишковъ по другимъ областямъ.

Наводящія данныя

а) Аренда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и всякіе другіе разсчеты, которые можно было бы дѣлать при данномъ состояніи свѣдѣній о землепользованіи и хозяйствѣ киргизъ, были бы не менѣе произвольны и не менѣе неспособны послужить основаніемъ для какихъ-либо практическихъ заключеній. Что земельные излишки весьма значительны—объ этомъ можно, однако, судить по цѣлому ряду косвенныхъ, наводящихъ данныхъ. Прежде всего здѣсь приходится остановиться на такомъ фактѣ, какъ значительное развитіе арендъ вездѣ, гдѣ только есть спросъ на киргизскую землю, и въ частности—въ южной полосѣ Сыръ-Дарьинской области, т. е. какъ разъ въ той ея части, гдѣ киргизское населеніе наиболѣе сгущено и гдѣ, поэтому, можно было бы ожидать сравнительной стѣсненности киргизскаго землепользованія. Какъ я упоминалъ въ 1-й главѣ настоящаго отчета, количественныхъ данныхъ, хотя бы приблизительныхъ, о размѣрахъ арендъ не имѣется, и таковыя не могли бы быть получены иначе, какъ путемъ экспедиціоннаго мѣстнаго изслѣдованія. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ горной и предгорной полосѣ Ташкентскаго, Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ количество ежегодно сдаваемой въ аренду земли исчисляется десятками тысячъ десятинъ. Однако, факту распространенности арендъ я не склоненъ придавать рѣшающаго значенія въ вопросѣ о степени ощущаемаго киргизами избытка въ земельныхъ угодьяхъ, прежде всего уже потому, что киргизы отличаются свойственною всѣмъ вообще первобытнымъ племенамъ безпечностью и потому часто сдаютъ такія земли, которыя, будучи, можетъ быть, ненужны имъ въ данный моментъ, легко могутъ оказаться вовсе не излишними, если принимать въ соображеніе потребности даже ближайшаго будущаго; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ сдача земли въ аренду русскимъ поселенцамъ имѣетъ временный характеръ въ сознаніи даже самихъ киргизъ — они сдаютъ въ распашку цѣлины, съ тѣмъ, чтобы самимъ воспользоваться послѣдующими посѣвами на поднятой арендаторами цѣлинѣ. Наконецъ, нельзя не принимать въ соображеніе еще и того обстоя-

тельства, что при господствующемъ среди киргизъ правѣ сильнаго богатыя и вліятельныя лица сдаютъ иногда, какъ было выше указано, даже совершенно чужія земли; тѣмъ чаще случаи, когда стоящій во главѣ родовой группы «бай» сдаетъ въ аренду не нужныя *собственно ему* земли, вовсе не считаясь съ потребностями, не только будущими, но даже можетъ быть и настоящими, своихъ безгласныхъ и фактически безправныхъ сородичей. Словомъ, еще разъ повторяю, фактъ сдачи земли въ аренду, самъ по себѣ, далеко еще не служитъ безусловнымъ доказательствомъ того, что сдаваемая земля дѣйствительно излишня. Но въ ряду другихъ данныхъ распространенность арендъ является, несомнѣнно, однимъ изъ косвенныхъ доказательствъ того, что общая площадь землепользованія киргизъ значительно превышаетъ ихъ дѣйствительную потребность.

Гораздо большее значеніе имѣютъ факты другого рода,—напримѣръ та легкость, съ которою киргизы уступали и уступаютъ землю подъ устройство русскихъ поселеній. Не останавливаясь уже на фактахъ, относящихся къ прошлому времени, достаточно напомнить объ уже отмѣченномъ въ 1-й главѣ настоящаго отчета фактѣ уступки киргизами земли подъ самовольный поселокъ Карымбавку — уступкѣ, которая совершилась хотя и по иниціативѣ уѣзднаго начальника, но повидимому безъ какого-либо особаго давленія (которое было бы и немыслимо при существующемъ нынѣ весьма внимательномъ отношеніи высшей администраціи края къ земельнымъ правамъ и нуждамъ туземнаго населенія) и безъ всякихъ возраженій со стороны киргизъ; или упомянуть о тѣхъ довольно, повидимому, частыхъ случаяхъ, когда киргизы, задумавъ провести новый арыкъ и оросить какую-либо площадь земли, по собственной иниціативѣ предлагаютъ уступить часть имѣющей быть орошенною земли подъ устройство русскаго поселенія или вообще—въ распоряженіе Правительства. Но еще важнѣе тотъ фактъ, что извѣстная часть той территоріи, на пользованіе которою киргизы имѣютъ право по закону, фактически совершенно вышла изъ ихъ обычнаго, бытового пользованія и состоитъ въ распоряженіи торговцевъ-скотопромышленниковъ. Это относится прежде всего къ горнымъ пастбищамъ юга Сыръ-Дарьинской области и въ частности—Ташкентскаго уѣзда. Лѣтомъ 1903 года командированнымъ въ горы для выясненія даннаго вопроса чиновникомъ по сельско-хозяйственной и оброчной частямъ при Сыръ-Дарьинскомъ

б) Пользованіе торговцевъ-гуртовщиковъ

Областномъ Правленіи О. А. Шкапскимъ было положительно установлено, что на одномъ только урочищѣ Актау выпасалось, этимъ же лѣтомъ, до 300 тыс., на урочищѣ Майданъ-талъ—до 170 тыс. барановъ, принадлежавшихъ торговцамъ-гуртовщикамъ,—дальнѣйшіе же разспросы г. Шкапскаго выяснили, что «всѣ горы Ташкентскаго уѣзда служатъ для откармливанія барановъ и другого скота, закупаемаго въ Семирѣченской области, въ Ауліеата, въ Туркестанѣ и Сайрамѣ (большой торговый кишлакъ Чимкентскаго уѣзда) для рынковъ гг. Ташкента и Коканда», причемъ, напримѣръ, въ Актаускомъ пастбищномъ районѣ «обычаемъ уже установилось, что наманганцы (прикащики торговцевъ скотомъ) занимаютъ всю восточную и южную части Актау по правому берегу Ангрена»,— другими словами, что эта часть урочища Актау совершенно и окончательно ушла изъ того собственно пользованія кочевого населенія, которое имѣется въ виду ст. 270-ю Турк. пол. Нѣчто сходное, какъ сообщалъ мнѣ г. Помощникъ Военнаго Губернатора П. И. Хомутовъ, происходитъ, можетъ быть даже и въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, въ Казалинскихъ степяхъ: огромныя пространства пастбищъ служатъ здѣсь мѣстомъ выпаса не киргизскаго скота, а огромныхъ гуртовъ, принадлежащихъ Оренбургскимъ купцамъ-татарамъ, держащимъ въ рукахъ чуть не весь названный уѣздъ. Такіе факты прежде всего свидѣтельствуютъ о томъ, что въ предѣлахъ области имѣются весьма значительныя площади, превышающія хозяйственныя потребности туземнаго кочевого населенія,—а съ другой стороны, какъ настоятельно подчеркивалъ въ бесѣдахъ со мною г. Помощникъ Губернатора, заставляютъ желать скорѣйшаго упорядоченія, въ томъ или иномъ направленіи, пользованія пастбищами, такъ какъ иначе могутъ возникнуть, на почвѣ давности и ссылокъ на неуловимый мѣстный обычай, такія притязанія на весьма обширныя пространства земли, которыя очень затруднятъ использованіе, въ государственныхъ видахъ, земельныхъ запасовъ края. Въ тѣхъ-же запискахъ г. Шкапскаго, изъ которыхъ, въ значительной мѣрѣ, почерпнуты приведенныя свѣдѣнія, указывается правда на то, что сохраненіе за гуртовщиками возможности выпасать скотъ въ горахъ весьма важно въ интересахъ снабженія мясомъ Ташкента и Ферганской области,—и можетъ быть, дѣйствительно, часть горныхъ пастбищъ придется для этого оставить въ распоряженіи казны и превратить въ оброчныя статьи. Но для этой цѣли можно будетъ, конечно, ограничиться

болѣе или менѣе незначительною частью горныхъ пастбищъ, остальная же часть неиспользуемыхъ киргизами горныхъ земель можетъ быть предназначена либо для включенія въ надѣлы будущихъ русскихъ поселковъ, поскольку эти земли лежатъ въ предѣлахъ полосы возможнаго земледѣлія или въ непосредственной смежности съ нею, либо послужитъ запасомъ лѣтнихъ пастбищъ для тѣхъ киргизъ, которыхъ пришлось бы потѣснить образованіемъ переселенческихъ участковъ въ нѣсколько ниже лежащей, подгорной полосѣ.

в) Формы землепользованія и хозяйства

Къ числу косвенныхъ доказательствъ большого земельнаго простора несомнѣнно слѣдуетъ причислить, затѣмъ, отмѣченную на предыдущихъ страницахъ крайнюю расплывчатость и неопредѣленность формъ пользованія. Общій фактъ въ исторіи формъ землевладѣнія и землепользованія,—твердо установленный въ частности для киргизскаго землепользованія трудами экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей,—что разнообразныя формы владѣнія и пользованія землею, начиная отъ такихъ, когда «совершенно нѣтъ землевладѣнія, а есть землепользованіе», и кончая такими, когда владѣнія отдѣльныхъ все болѣе мелкихъ группъ отграничиваются опредѣленными естественными или искусственными признаками, «представляютъ собою различныя стадіи процесса обособленія общинноземельныхъ территорій, начиная съ той стадіи, когда... земельный просторъ такъ великъ, что нѣтъ рѣчи о какомъ-либо ограниченіи пользованія землею» [1]). Мы видѣли, что даже въ тѣхъ частяхъ Сыръ-Дарьинской области, гдѣ обособленіе владѣній сдѣлало уже сравнительно замѣтные успѣхи, есть основаніе предполагать еще существованіе довольно большого земельнаго простора; и этотъ просторъ долженъ быть огромнымъ въ той обширной части Сыръ-Дарьинской области, гдѣ сохранились еще совершенно непредѣленныя, расплывчатыя, также трудно уловимыя формы,—гдѣ, употребляя терминологію экспедиціи г. Щербины, дѣйствительно еще нѣтъ *землевладѣнія*, а есть только *землепользованіе*, опредѣляемое съ одной стороны—измѣнчивыми потребностями кочевого хозяйства, а съ другой — возможностью приложенія труда къ орошенію и обработкѣ земли подъ земледѣльческую культуру.

Наконецъ, показателемъ широкаго земельнаго простора является также и весь характеръ земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства киргизъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже продолжающееся существованіе—по крайней мѣрѣ у состоятельной части киргизъ—пере-

[1]) Сборн по Атбасар. у., введеніе, стр X – XI

кочевокъ на дальнія разстоянія; затѣмъ и въ особенности—малое развитіе сѣнокошенія и вообще — заготовки на зиму кормовыхъ запасовъ, развитіе которой всегда является однимъ изъ необходимыхъ сопутствующихъ признаковъ наступающаго утѣсненія, не позволяющаго уже оставаться при первобытныхъ формахъ исключительно пастбищнаго хозяйства; и значеніе этого обстоятельства ничуть не умаляется тѣмъ возможнымъ возраженіемъ, что развитіе сѣнокошенія въ Сыръ-Дарьинской области тормозится недостатокъ мѣстъ, удобныхъ для кошенія: во 1-хъ, такого рода мѣста (главнымъ образомъ камыши) далеко не цѣликомъ используются киргизами, а во 2-хъ—если бы дѣйствительно дѣло было въ недостаткѣ естественныхъ сѣнокосовъ, то наступающее утѣсненіе заставило бы пополнять недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ—какъ дѣлаютъ осѣдлые туземцы—возможно значительными посѣвами люцерны; между тѣмъ посѣвы этой кормовой травы хотя и производятся, но лишь въ ничтожныхъ размѣрахъ, и не имѣютъ въ хозяйствѣ киргизъ серьезнаго значенія. Наконецъ, объ избыткѣ собственно пахатныхъ (или вѣрнѣе—пригодныхъ для земледѣлія) земель свидѣтельствуютъ распространенныя у киргизъ крайне экстенсивныя формы залежнаго хозяйства, при которомъ засѣвается, мѣстами, 10-ая или даже 15-ая часть площади земель, состоящихъ въ пользованіи данной арычной группы киргизъ. Правда, такой характеръ хозяйства объясняется въ значительной мѣрѣ скудостью водныхъ запасовъ, могущихъ быть употребленными для орошенія извѣстной обширной площади лессовой степи. Но если принять въ соображеніе, что киргизское земледѣліе даже въ сѣверной части области въ настоящее время уже почти совершенно покрываетъ продовольственныя потребности киргизъ, то ясно станетъ, что и та ничтожная доля общей площади пашенъ, которая засѣвается въ каждый данный годъ, почти достаточна для наличнаго киргизскаго населенія,—огромная же масса перелоговъ могла бы быть, въ значительной своей части, изъята изъ пользованія киргизъ безъ сокращенія площади ежегоднаго посѣва и слѣдовательно—безъ какого-либо для нихъ ущерба.

Вся совокупность приведенныхъ наводящихъ данныхъ приводитъ меня къ твердому и положительному убѣжденію, которое впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ и взгляду высшей мѣстной администраціи,—что необъятныя пространства, состоящія въ пользованіи Сыръ-Дарьинскихъ киргизъ, далеко превышаютъ количество земли, необходимое имъ, чтобы продолжать вести хозяйство въ тѣхъ раз-

мѣрахъ и болѣе или менѣе въ томъ видѣ, какъ они ведутъ его въ настоящее время. Подъ заселеніе—собственно съ этой точки зрѣнія,—могли бы быть, поэтому, безъ ущерба для киргизъ, изъяты милліоны десятинъ, изъ которыхъ однако лишь относительно очень небольшая часть по условіямъ почвы (пески!) или орошенія (лессовыя степи на безводной равнинѣ!) окажется пригодною для надобностей русской колонизаціи.

Вѣроятная высота нормъ киргизскаго землепользованія

Сказанное заставляетъ съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на вопросѣ о тѣхъ нормахъ киргизскаго землепользованія, которыя должны быть положены въ основу будущихъ землеотводныхъ работъ и на основаніи которыхъ, въ частности, долженъ будетъ разрѣшаться вопросъ о высшихъ предѣлахъ допустимаго, въ каждомъ данномъ случаѣ, изъятія земель подъ русскую колонизацію. Если огромныя пространства, съ весьма значительными—какъ можно думать—излишками, въ предѣлахъ возможнаго предвидѣнія не могутъ быть использованы для цѣлей осѣдлаго водворенія,—то тѣмъ необходимѣе возможно полно использовать тѣ земли, которыя, будучи пригодными для сказанной цѣли, въ то же время не необходимы для туземнаго населенія,—а для этого требуется установить такіе пріемы опредѣленія нормъ и вычисленія излишковъ, которые, при возможной точности, были бы сообразованы *съ дѣйствительнымъ складомъ киргизскаго землепользованія* въ каждой данной мѣстности и *съ значеніемъ для киргизъ различныхъ типовъ угодій*. Я не могу высказать опредѣленныхъ предположеній относительно тѣхъ методовъ, которыми придется пользоваться собственно для вывода нормъ землепользованія сыръ-дарьинскихъ киргизъ—для этого потребуется несравненно болѣе близкое знакомство съ условіями быта и хозяйства киргизъ, нежели какое я могъ пріобрѣсти при краткости моего пребыванія въ краѣ [1]). Но я считаю себя въ правѣ высказать убѣжденіе въ весьма малой примѣнимости, при условіяхъ Сыръ-Дарьинской области, выработаннаго для этой цѣли экспедиціею по изслѣдованію степныхъ областей метода сполна использованныхъ площадей. Если такія площади нелегко было находить даже въ сѣверныхъ степяхъ, то въ Сыръ-Дарьинской области, въ видѣ правила, это будетъ совершенно невозможно: о какихъ, въ самомъ дѣлѣ, сполна использованныхъ площадяхъ можетъ быть рѣчь въ

[1]) Очень можетъ быть, что къ Туркестанскому краю окажется вполнѣ возможнымъ примѣнить тотъ упрощенный пріемъ опредѣленія нормъ по соображенію съ дѣйствительными средними размѣрами скотоводства киргизъ, основанія котораго, въ общихъ чертахъ намѣчены въ 1-й части настоящаго отчета (стр. 55—56).

Кызылъ-Кумскихъ пескахъ или на необъятныхъ лессовыхъ степяхъ, служащихъ осенними и весенними пастбищами, когда здѣсь, во-первыхъ, нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ границъ, когда, во-вторыхъ, пространство такого рода угодій во много разъ превышаетъ потребность пользующихся ими кочевниковъ, и когда наконецъ самая цѣнность ихъ зависитъ не столько отъ ихъ протяженности и отъ ихъ кормового достоинства, сколько отъ такихъ обстоятельствъ, какъ наличность воднаго источника, раннее стаиваніе снѣга весной, заслоненность отъ зимнихъ холодныхъ вѣтровъ (для зимового стойбища) или наоборотъ — свободное дѣйствіе вѣтра, сдувающаго снѣжный покровъ (для тебеновокъ)? Въ горныхъ и предгорныхъ районахъ южной части области существуетъ, правда, представленіе о границахъ, и могутъ даже найтись болѣе или менѣе сполна использованныя площади. Но тѣхъ заключеній, которыя будутъ построены на основаніи подобнаго рода площадей, конечно ни въ малѣйшей мѣрѣ нельзя будетъ распространять, безъ самыхъ грубыхъ и произвольныхъ допущеній, на угодья, расположенныя внѣ предгорной полосы, какъ, напримѣръ, на пески или полынныя степи.

Я считаю затѣмъ долгомъ высказать убѣжденіе, что нормы, выведенныя для степныхъ областей и въ частности—для ихъ сѣвернаго района (отъ 123 до 300 дес. на кибитку)— были бы чрезмѣрно высоки для Сыръ-Дарьинской области. Выше я уже приводилъ разсчеты К. П. фонъ-Кауфмана, который исходя изъ существующаго склада землепользованія и хозяйства въ сравнительно малоземельной Семирѣченской области, признавалъ вполнѣ достаточнымъ для кочевого хозяйства въ существующихъ его размѣрахъ 100 десятинъ на киргизское домохозяйство. Я указывалъ, что тѣ разсчеты, на которыхъ основанъ этотъ выводъ, не могутъ быть приняты безъ серьезныхъ поправокъ. Тѣмъ не менѣе мнѣніе, высказанное столь авторитетнымъ дѣятелемъ, самый «отчетъ» котораго уже достаточно свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи и пониманіи условій мѣстной жизни, не можетъ не имѣть большого вѣса,—и всѣ возможныя поправки къ его разсчетамъ не приведутъ къ увеличенію нормъ до тѣхъ размѣровъ которые приняты для средней полосы Степного края. Я не могу ничего сказать, въ настоящее время, по вопросу собственно о кормовой нормѣ,—т. е. о количествѣ пастбищъ, потребномъ для прокормленія одной головы скота. Но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что «скотоводческія нормы»,—т. е. количество скота принятое экспедиціею по

изслѣдованію Степныхъ областей за необходимое для средняго киргизскаго домохозяйства,—именно 24 головы скота въ переводѣ на крупный, было бы для Сыръ-Дарьинской области сильно преувеличеннымъ. Какъ высказано въ томъ же отчетѣ К. П. фонъ-Кауфмана [1]), «средній размѣръ, опредѣляющій скотоводческое хозяйство кочевой кибитки, въ предѣлахъ отъ 7 до 10 головъ скота крупнаго и около 24 головъ барановъ (что составляетъ, считая 6 барановъ за одну голову крупнаго и даже не принимая во вниманіе разницы въ возрастахъ послѣдняго, всего отъ 11 до 15 головъ крупнаго скота. А. К.), неминуемо превосходитъ состояніе небогатаго киргиза». Правда, К. П. фонъ-Кауфманъ тутъ же оговариваетъ, что такой средній размѣръ не настолько значителенъ, чтобы обезпечить съ прибылями любимый киргизами родъ экономическаго существованія,—т. е. чисто кочевое скотоводческое хозяйство. Но дѣло именно въ томъ, что уже во время К. П. фонъ-Кауфмана, а тѣмъ болѣе теперь, *масса киргизъ Сыръ-Дарьинской области далеко ушла отъ чистаго кочевого типа, и земледѣліе у нихъ соперничаетъ по своему значенію со скотоводствомъ, а при такомъ положеніи вещей, если вообще въ основу вывода общей нормы землепользованія можно полагать количество скота, приведенныя выше цифры должны быть признаны болѣе нежели достаточными.* Эти цифры, притомъ, довольно близко соотвѣтствуютъ и дѣйствительнымъ среднимъ размѣрамъ киргизскаго скотоводства, насколько о нихъ можно судить по имѣющимся оффиціальнымъ источникамъ. Въ нижеприведенной небольшой табличкѣ сведены данныя объ общемъ количествѣ головъ скота (причемъ шесть барановъ приняты за одну голову крупнаго) и о среднемъ его количествѣ на киргизское домохозяйство, подсчитанныя по уже упоминавшимся выше матеріаламъ, собраннымъ для «Обзора» области за 1902 годъ, и для сравненія—аналогичныя данныя, извлеченныя изъ «Путеводителя по Туркестану» г. Гейера и относящіяся, повидимому, къ 1899 г.

	По даннымъ обзора за 1902 г			По даннымъ г. Гейера	
Въ уѣздахъ.	Число киргизскихъ домохозяйствъ	Число головъ скота	Въ среднемъ на домохозяйство головъ	Общее количество скота.	Средняя на домохозяйство.
Ташкентскомъ	8.996	40.086	4,4	?	?
Чимкентскомъ .	44.934	474.373	10,6	414.000	9,8
Ауліеатинскомъ.	38.682	574.522	14,2	560.170	12,5
Перовскомъ .	24.360	156.794	6,4	331.810	14,5
Казалинскомъ .	28.915	322.191	11,1	302.425	11,8

[1]) Стр 289.

За исключеніемъ цифръ по Перовскому уѣзду, которыя въ матеріалахъ для обзора за 1902 г. явно преуменьшены, данныя обоихъ источниковъ очень близки другъ къ другу, что въ извѣстной степени можетъ быть принято порукою ихъ приблизительной достовѣрности. По этимъ даннымъ среднее количество головъ скота по отдѣльнымъ уѣздамъ колеблется между 10 и 14,5 головами. Точный учетъ выяснитъ, по всей вѣроятности, что дѣйствительное количество скота нѣсколько выше этихъ оффиціальныхъ цифръ; но это повышеніе приблизительно уравновѣсится введеніемъ въ разсчетъ тѣхъ коэффиціентовъ, согласно которымъ производится переводъ разныхъ видовъ скота на лошадь,—и въ конечномъ результатѣ дѣйствительные средніе размѣры киргизскаго скотоводства едва ли превысятъ сказанныя цифры.

Основанія исчисленія излишковъ.

Затѣмъ, однако, при той выясненной въ началѣ настоящей главы, не только количественной, но и качественной, дифференціаціи, при которой зажиточные киргизы, сохраняющіе чисто-кочевой типъ быта и хозяйства, пользуются не только *большимъ количествомъ угодій*, но вмѣстѣ съ тѣмъ—*и совершенно иными угодьями*, нежели масса киргизскаго населенія, совершенно переставшая кочевать или совершающая перекочевки лишь въ предѣлахъ извѣстнаго ограниченнаго района, безусловно необходимо не ограничиваться выводомъ одной общей нормы для всѣхъ видовъ пастбищныхъ угодій и вычисленіемъ затѣмъ излишковъ для цѣлей группы киргизскаго населенія, какъ это дѣлалось, съ извѣстнымъ на то правомъ, при обработкѣ матеріаловъ изслѣдованія Степныхъ областей,—а выводить отдѣльно нормы и вычислять отдѣльно излишки (по скольку то окажется необходимымъ) для кочующихъ и отдѣльно для некочующихъ киргизъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—особо для разныхъ видовъ угодій. Какое рѣшающее значеніе для всей будущности землеотводныхъ работъ, а слѣдовательно—и для русской колонизаціи края, имѣетъ правильная постановка вычисленія нормъ и излишковъ, легко видѣть хотя бы на слѣдующемъ, произвольно взятомъ, но вполнѣ соотвѣтствующей мѣстнымъ бытовымъ и хозяйственнымъ условіямъ числовомъ примѣрѣ. Пусть, въ нѣкоторой мѣстности, представляющей интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, пространствомъ въ 12 т. дес., имѣетъ курганчи, призимовочныя пастбища и пашни сто киргизскихъ домохозяйствъ, обладающихъ 2,000 головъ скота въ переводѣ на крупный,—и пусть выведенная, методологическими пріемами экспедиціи по изслѣдованію Степныхъ

областей, норма будетъ равняться шести десятинамъ но голову скота или 120 десятинамъ на среднее домохозяйство. Въ такомъ случаѣ вся данная площадь будетъ подлежать оставленію въ пользованіи киргизъ, и изъятіе какихъ либо земель подъ заселеніе вовсе не окажется возможнымъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности изъ этихъ 100 домохозяйствъ только 80 бѣднѣйшихъ и среднесостоятельныхъ, въ большей или меньшей степени перешедшихъ къ осѣдлости, пользуются землею исключительно въ предѣлахъ разсматриваемой площади, занимаясь здѣсь земледѣліемъ и сѣнокошеніемъ и выпасая, въ среднемъ на домохозяйство, по десяти головъ въ переводѣ на крупный или всего—800 головъ скота; остальные 20, обладающіе 1,200 головами скота, продолжаютъ вести кочевой образъ жизни, причемъ проводятъ зиму, положимъ, въ пескахъ Кызылъ-Кумъ, а лѣто на Тургайскихъ лѣтовкахъ или на горныхъ пастбищахъ Александровскаго хребта. Если принять во вниманіе эти обстоятельства, то разсчетъ излишковъ получится совершенно иной: 1,200 головъ скота, принадлежащія кочующимъ домохозяевамъ, находились въ предѣлахъ изслѣдуемой въ виду ея интереса въ колонизаціонномъ отношеніи, площади, не круглый годъ, а всего, положимъ, три мѣсяца (въ дѣйствительности еще гораздо меньше) или четверть года; слѣдовательно для каждой головы въ предѣлахъ *этой* площади потребуется не 6 десятинъ, а всего 1½ десятины, а на всѣ 1,200 головъ, вмѣсто 7,200 десятинъ, потребуется 1,800 дес.; получается свободный избытокъ, равный 5,400 десятинамъ или почти половинѣ данной площади, который можетъ быть использованъ для цѣлей колонизаціи, поскольку въ остальныхъ 6,600 десятинъ будутъ, въ надлежащей пропорціи, разсчитанной на всѣ 100 домохозяйствъ, земли, годныя для земледѣльческой культуры. И отъ этого, при огромномъ выигрышѣ для дѣла русской колонизаціи, *никто не пострадаетъ*, такъ какъ кочующіе киргизы сохранятъ возможность пасти весь свой скотъ въ такихъ пространствахъ, какъ пески и альпійскія пастбища, которыя не представляютъ интереса для русской колонизаціи края.

Территоріальный принципъ изслѣдованія

Обобщая сказанное по частному примѣру, можно, какъ мнѣ кажется, прійти къ тому заключенію, что *исходною точкой предстоящихъ въ краѣ изслѣдованій*, направленныхъ къ выясненію возможности выдѣла излишнихъ земель подъ русскую колонизацію, *должна быть не группа киргизскаго населенія*—хозяйственный

аулъ, общинно-земельная группа и т. п. по терминологіи г. Щербины,—*а опредѣленная территорія, представляющая интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи.* По отношенію къ каждой такой территоріи должно быть точно выяснено, *кто* изъ киргизъ, *для какой цѣли* (лѣтній, зимній или осенне-весенній выпасъ, земледѣліе, сѣнокошеніе) *и въ теченіе какого времени* пользуется этою территоріею, и соотвѣтственно съ этимъ должно быть исчислено нормально-необходимое количество земли и получающійся излишекъ. Если, напримѣръ, рѣчь будетъ идти о лѣтовочномъ пространствѣ, то будетъ надлежать выяснить, сколько кибитокъ лѣтуетъ на данной площади, съ какимъ количествомъ скота и въ теченіе какого времени; такія же, приблизительно свѣдѣнія надо будетъ собирать для кузеуныхъ площадей. Для призимовочныхъ пространствъ (въ томъ смыслѣ этого слова, какъ оно употребляется экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей) будетъ подлежать выясненію отдѣльно, путемъ подворнаго опроса, количество осѣвшихъ или на половину осѣвшихъ домохозяйствъ, пользующихся угодьями, въ предѣлахъ данной площади, въ теченіе цѣлаго года, вмѣстѣ съ необходимыми данными для характеристики ихъ хозяйства; отдѣльно—количество скотоводовъ-кочевниковъ, которые проводятъ на данной площади только незначительную часть года, и отдѣльно,—если таковыя есть—количество и положеніе хозяйства такихъ семей, которыя, проводя на данной площади, напримѣръ, осень, зиму и весну, на извѣстную часть лѣта откочевываютъ или отгоняютъ свой скотъ на расположенныя внѣ ея лѣтовки. Примѣнительно къ выясненнымъ такимъ образомъ дѣйствительнымъ размѣрамъ пользованія данною площадью должно быть вычисляемо нормально-необходимое количество угодій, причемъ въ числѣ послѣднихъ должны быть оставляемы киргизамъ, кромѣ чисто пастбищныхъ площадей, также и земли пахатныя или пригодныя для распашки въ количествѣ не меньшемъ, по разсчету на домохозяйство, нежели будетъ отводиться водворяемымъ въ данной мѣстности русскимъ переселенцамъ. И въ конечномъ результатѣ будетъ выяснено со всею возможною точностью количество излишнихъ земель въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, гдѣ таковыя дѣйствительно остаются неиспользованными и гдѣ, притомъ, существуютъ наиболѣе благопріятныя условія для колонизаціи.

Вопросъ о сплошномъ изслѣдованіи.

Сказанное естественнымъ образомъ приводитъ къ вопросу, въ какой мѣрѣ необходимо сплошное изслѣдованіе землепользованія и

хозяйства киргизъ Сыръ-Дарьинской области (и вообще Туркестанскаго края), подобное тому, которое производилось, за немногими исключеніями, въ областяхъ Степного края. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, казалось бы, долженъ быть отрицательнымъ. Изслѣдованіе землепользованія и хозяйства кочеваго населенія необходимо— конечно, если смотрѣть на дѣло исключительно съ колонизаціонной точки зрѣнія, — лишь постольку, поскольку населеніе это можетъ оказаться заинтересованнымъ въ могущихъ послѣдовать изъятіяхъ нынѣ используемыхъ (или могущихъ быть использованными имъ) земель подъ водвореніе переселенцевъ. Между тѣмъ, уже нынѣ можно съ полною опредѣленностью сказать, что въ предѣлахъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства имѣются обширныя пространства (по грубому разсчету, сдѣланному въ отчетѣ К. П. фонъ-Кауфмана, не менѣе половины всей площади области) не представляющія рѣшительно никакого интереса въ колонизаціонномъ отношеніи. Таковы, прежде всего, обширныя пространства песковъ— Кызылъ-Кумовъ, Муюнъ-Кумовъ и т. д.; затѣмъ—горныя пастбища, лежащія выше предѣла земледѣльческой культуры или у самаго этого предѣла, и наконецъ всѣ тѣ, также весьма обширныя пространства лессовыхъ и лессовидно-суглинистыхъ степей, для орошенія которыхъ не окажется возможнымъ разыскать и вывести воды. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—что особенно важно,—если не всѣ эти пространства, то большинство ихъ, а именно: всѣ пески (за исключеніемъ конечно мелкихъ участковъ песчаной степи, вкрапленыхъ среди обитаемыхъ киргизами земель другихъ типовъ), высокогорныя пастбища, безводныя степи годныя исключительно для зимней тебеневки, не представляютъ никакого интереса для той бѣдной и среднесостоятельной массы киргизскаго населенія, которая прекратила кочеваніе, а имѣютъ значеніе только для тѣхъ болѣе зажиточныхъ элементовъ, скотъ которыхъ лѣтуетъ или тебенюетъ на данномъ урочищѣ.

Возбуждая, первоначально вопросъ о производствѣ изслѣдованія землепользованія и хозяйства Туркестанскихъ кочевниковъ тѣмъ самымъ порядкомъ, въ какомъ оно велось въ Степномъ краѣ, т. е. путемъ сплошного и полнаго изученія землепользованія и хозяйства цѣлыхъ кочевыхъ уѣздовъ или областей. Главное мѣстное начальство въ лицѣ бывшаго Генералъ-Губернатора Генерала-отъ-Инфантеріи Духовского, и нынѣшняго Генералъ-Губернатора Генералъ-Лейтенанта Иванова [1]),

[1]) Отношеніе Турк. Ген.-Губернатора на имя Министра З и Г. II 5—6 сент. с. г. № 9322

исходило изъ того соображенія, что, по смыслу Положенія объ упр. Турк. краемъ государственныя земли, предоставленныя въ безсрочное общественное пользованіе кочевого населенія не могутъ считаться состоящими въ исключительномъ пользованіи тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ группъ кочевниковъ, т. е. отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ, ауловъ, аульныхъ обществъ, волостей, а иногда даже и отдѣльныхъ уѣздовъ,—ибо тѣ изъ отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ или группъ, которымъ, вслѣдствіе увеличившагося у нихъ количества скота или размѣра хозяйства, недостаетъ земель, предоставленныхъ имъ въ настоящее время для зимовыхъ стойбищъ, имѣютъ законное право требовать добавленія земель за счетъ другихъ группъ кочевниковъ, у которыхъ наличность имѣемаго скота и размѣръ хозяйства не даютъ права на всю землю, предоставленную имъ подъ зимовыя стойбища (ст. 272—274 Турк. пол.). Лѣтнія кочевки (лѣтовки), на которыхъ предоставляется кочевникамъ заниматься хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ, также не находятся въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ группъ кочевниковъ, такъ какъ лѣтовки предоставлены въ общественное пользованіе волостей цѣлаго уѣзда (ст. 277 и 276). Отсюда Главное мѣстное Начальство приходило къ заключенію, что только по производствѣ сплошныхъ изслѣдованій землепользованія и хозяйства кочевниковъ цѣлаго уѣзда могутъ быть правильно поставлены заключенія о томъ, имѣются ли налицо земельные излишки, изъятіе которыхъ не принесетъ ущерба хозяйству кочевниковъ.

Въ настоящее время, въ виду условій дѣйствительнаго склада землепользованія и хозяйства кочевниковъ Туркестанскаго края, подвергнутыхъ подробному разсмотрѣнію на состоявшихся въ августѣ мѣсяцѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, совѣщаніяхъ, Его Высокопревосходительство не считаетъ болѣе необходимымъ настаивать на прежнихъ своихъ представленіяхъ о производствѣ работъ въ Туркестанскомъ краѣ тѣмъ-же сплошнымъ порядкомъ, который былъ принятъ для Степныхъ областей [1]).

И дѣйствительно: фактическій складъ землепользованія кочевниковъ имѣетъ весьма мало общаго съ тѣми общими указаніями, какія содержатся по этому предмету въ Туркестанскомъ и Степномъ Положеніяхъ. Съ одной стороны— поскольку рѣчь идетъ о пользованіи лѣтовками и зимними тебеневками, кочевки киргизъ не стѣсняются границами не только уѣздовъ, но даже областей. Съ

[1]) Тамъ же.

другой стороны, какъ при перекочевкахъ, такъ и въ отношеніи пользованія угодьями, относимыми закономъ къ числу зимовыхъ стойбищъ, кочевое (въ смыслѣ, употребляемомъ въ законѣ) населеніе соединяется въ группы самаго разнообразнаго состава, не имѣющія ничего общаго съ административными подраздѣленіями,—причемъ въ однихъ случаяхъ пользованіе такихъ группъ только фактически пріурочивается къ извѣстнымъ площадямъ угодій и къ извѣстнымъ путямъ кочеванія, въ другихъ возникаетъ и болѣе или менѣе опредѣленное представленіе о границахъ, внутри которыхъ данная группа имѣетъ исключительное право пользованія землею. При той постановкѣ землеотводныхъ работъ, какая существуетъ въ Степномъ краѣ и которая, въ существѣ ея, несомнѣнно будетъ примѣнена въ предѣлахъ Туркестана, подъ заселеніе будутъ обращаться только тѣ земли, которыя будутъ признаны, на основаніи данныхъ соотвѣтствующаго изслѣдованія, излишними для той группы кочевого населенія, въ черту обычнаго пользованія которыхъ эти земли входятъ; а въ такомъ случаѣ изъятіе земель изъ пользованія какой-либо одной или нѣсколькихъ группъ ни въ какомъ случаѣ не отразится неблагопріятнымъ образомъ на землепользованіи другихъ группъ, не затрогиваемыхъ образованіемъ участка въ данной мѣстности. И только въ тѣхъ случаяхъ (которые, какъ надо думать, и въ Туркестанскомъ краѣ будутъ допускаться въ видѣ исключенія). когда въ участки будетъ изъято изъ пользованія какой-либо группы больше, нежели соотвѣтствуетъ исчисленному по даннымъ изслѣдованія излишку, и когда такую группу придется вознаградить землею за счетъ какой-либо другой, многоземельной группы, можетъ оказаться необходимымъ прибѣгнуть къ изслѣдованію также и этой группы, чтобы доказать наличность излишковъ, которые могли бы быть обращены на такое вознагражденіе, если притомъ на этотъ счетъ не послѣдуетъ между заинтересованными добровольнаго соглашенія. Затѣмъ, всѣ тѣ группы, которыхъ пользованіе ни въ той, ни въ другой формѣ не будетъ затронуто выдѣломъ земли въ переселенческіе участки, не будутъ и заинтересованы въ предстоящихъ работахъ по образованію переселенческихъ участковъ, и потому для огражденія *ихъ* интересовъ не будетъ необходимости предпринимать какихъ-бы то ни было изслѣдованій.

Соображенія въ пользу выборочнаго изслѣдованія.

Если теперь обратиться отъ этихъ до нѣкоторой степени теоретическихъ соображеній къ конкретнымъ обстоятельствамъ, то нельзя не остановиться, прежде всего, на необъятныхъ простран-

ствахъ песковъ, занимающихъ такую значительную часть Сыръ-Дарьинской, а также Семирѣченской области. Пески эти, какъ я уже неоднократно упоминалъ, не представляютъ ни малѣйшаго интереса для переселенческаго дѣла и, какъ можно думать, навсегда останутся достояніемъ кочевого населенія. Съ точки зрѣнія интересовъ землеотводнаго дѣла пески представляютъ только отрицательный, такъ сказать, интересъ: ими пользуется въ теченіе извѣстной части года скотъ зажиточныхъ кочевниковъ-скотоводовъ, соотвѣтственно чему уменьшается разсчетъ необходимаго туземному населенію количества земли по тѣмъ районамъ, изъ которыхъ этотъ скотъ угоняется на зиму. Но для землеотводныхъ цѣлей совершенно достаточно простого установленія того факта, что изъ даннаго, въ колонизаціонномъ отношеніи интереснаго района на столько-то зимнихъ мѣсяцевъ, столькими-то домохозяевами угоняется такое-то количество головъ скота, что и можетъ быть установлено путемъ подвернаго опроса въ сказанномъ районѣ; собственно пески не будутъ требовать никакого ближайшаго изслѣдованія въ отношеніи ни ихъ естественно-историческаго характера, ни распредѣленія ихъ между отдѣльными, вкочевывающими туда кибитками или группами, а тѣмъ болѣе не можетъ потребоваться какихъ-либо инструментальныхъ работъ. Съ другого рода случаемъ придется встрѣтиться, напримѣръ, на безводныхъ лессовыхъ степяхъ, съ обѣихъ сторонъ окаймляющихъ Каратаускія горы. Эти степи используются киргизами чрезвычайно слабо, въ видѣ зимнихъ тебеновокъ или, гдѣ весною есть вода, въ видѣ весенняго пастбища, кузеу. Колонизація здѣсь возможна не иначе, какъ при условіи искусственнаго орошенія, — а между тѣмъ, какъ можно думать, для этого даже въ лучшемъ случаѣ удастся вывести лишь весьма незначительное количество свободной въ настоящее время воды, а слѣдовательно — удастся оросить для цѣлей заселенія лишь очень незначительныя площади. Эти площади составятъ столь ничтожную долю даннаго обширнаго тебеневочнаго пространства, что изъятіе ихъ подъ заселеніе не сможетъ сколько-нибудь ощутительно стѣснить тѣхъ киргизъ, которыхъ скотъ тебенюетъ на этомъ пространствѣ, и при неопредѣленности и расплывчатости пользованія этого рода угодьями заинтересованные киргизы сами, безъ всякаго вмѣшательства какой-либо власти, съумѣютъ устроиться между собою и равномѣрно распредѣлить тотъ ущербъ, который причинило бы кому-либо изъ нихъ въ отдѣльности образованіе участка въ его

привычномъ мѣстѣ кочеванія. Въ подобнаго рода случаяхъ совершенно достаточно будетъ какимъ-либо способомъ, — напримѣръ опросомъ волостныхъ управителей, аульныхъ старшинъ и т. д.— установить число домохозяйствъ, участвующихъ въ пользованіи данною площадью, и сопоставить это число съ общимъ ея пространствомъ, чтобы безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій прійти къ заключенію о полной нестѣснительности образованія участка въ данной мѣстности, если же въ этомъ отношеніи возникли бы какія-либо сомнѣнія, то къ учету числа домохозяйствъ прибавить суммарный учетъ выгоняемаго на тебеневку скота. Прямо противоположный случай можетъ представиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной, предгорной части Сыръ-Дарьинской области и въ другихъ подобныхъ районахъ. Здѣсь мѣстами существуетъ уже довольно ясное обособленіе отдѣльныхъ владѣній, — и простое сопоставленіе взятаго хотя бы изъ оффиціальныхъ источниковъ числа домохозяйствъ, пользующихся въ данной мѣстности, съ приблизительною, опредѣленною по даннымъ военно-топографической съемки, площадью состоящихъ въ ихъ пользованіи угодій для нѣкоторыхъ мѣстностей покажетъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо излишкахъ; такія мѣстности можно будетъ опять-таки совершенно исключить изъ сферы дальнѣйшихъ изслѣдованій, такъ какъ вышеуказанный предварительный подсчетъ предвосхититъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ихъ результаты и докажетъ безцѣльность траты времени и средствъ на болѣе подробныя изысканія. Но не мало найдется и такихъ мѣстностей — каковы, напримѣръ, въ общемъ, предгорные районы Чимкентскаго и Ауліеатинскаго уѣздовъ, можетъ быть тугайная полоса Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ, нѣкоторыя мѣстности на лѣвомъ берегу Сыра и на побережьѣ Чу, когорыя представляютъ значительный интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, но въ то-же время болѣе или менѣе интенсивно используются киргизами, такъ что изъятіе для цѣлей заселенія всѣхъ имѣющихся въ данномъ районѣ удобныхъ земель, при соблюденіи притомъ законныхъ интересовъ мѣстныхъ туземцевъ, окажется возможнымъ лишь при подробномъ сплошномъ изслѣдованіи быта и хозяйства всѣхъ участвующихъ въ пользованіи подобнаго рода районами киргизъ и при инструментальномъ опредѣленіи границъ землепользованія отдѣльныхъ родовыхъ и хозяйственныхъ группъ. Въ такихъ случаяхъ, въ виду изложенныхъ выше соображеній, придется входить даже въ бо̀льшія подробности, не-

жели дѣлала, при сплошномъ изслѣдованіи, экспедиція по изслѣдованію степныхъ областей, — именно придется выяснять отдѣльно размѣры пользованія и нормальныя потребности выкочевывающихъ за предѣлы данной группы домохозяйствъ, и отдѣльно — домохозяйствъ осѣдлыхъ или полуосѣдлыхъ, всѣ виды пользованія которыхъ группируются внутри намѣченной къ изслѣдованію территоріи.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, конечно далеко не исчерпывающихъ всего разнообразія условій природы, землепользованія и хозяйства даже одной Сыръ-Дарьинской области, поскольку эти условія представляютъ интересъ съ точки зрѣнія возможности, въ каждомъ отдѣльномъ районѣ, выдѣла земель подъ русскую колонизацію, — въ достаточной мѣрѣ ясно, какъ разнообразны и объемъ, и содержаніе тѣхъ данныхъ, которыми необходимо будетъ располагать, чтобы рѣшить, въ каждомъ данномъ случаѣ, вопросъ о возможности безобиднаго для заинтересованныхъ кочевниковъ выдѣла пригодныхъ для осѣдлаго заселенія земель. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что связанныя съ изслѣдованіемъ затраты оправдываются—конечно оставаясь въ предѣлахъ прямой задачи, подлежащей моему выясненію,—лишь постольку, поскольку данныя изслѣдованія дѣйствительно необходимы для правильнаго рѣшенія вопроса о возможности образованія переселенческихъ участковъ изъ земель, не составляющихъ необходимости для мѣстнаго населенія, я считалъ бы вполнѣ возможнымъ и цѣлесообразнымъ не задаваться по отношенію къ Туркестанскому краю мыслью о сплошномъ изслѣдованіи всей территоріи и всего кочевого населенія, а ограничиться изслѣдованіемъ тѣхъ частей территоріи края, которыя представляютъ интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи, и тѣхъ группъ туземнаго населенія, которыя могутъ оказаться заинтересованными въ образованіи переселенческихъ участковъ; другими словами — *ограничить изслѣдованіе тѣми лишь группами кочевниковъ, у которыхъ, на основаніи предварительныхъ подсчетовъ и общаго рекогносцировочнаго изученія каждаго даннаго района, можно будетъ, съ извѣстною вѣроятностью, ожидать найти излишнія земли, удобныя для устройства поселеній, оставляя вовсе въ сторонѣ ту часть кочевого населенія, используемыя которою земли либо негодны для колонизаціи по почвеннымъ, ирригаціоннымъ и т. п. условіямъ, либо не могутъ быть использованы для колонизаціонныхъ цѣлей въ виду явнаго — по даннымъ предварительнаго грубаго подсчета — малоземелья заинтересованныхъ въ данной территоріи*

Общій принципъ организаціи изслѣдованія.

киргизъ. Самая степень подробности изслѣдованія тѣхъ группъ кочевниковъ. въ пользованіи которыхъ будутъ предвидѣться удобныя для заселенія и, предположительно, излишнія земли, *должна быть сообразована въ каждомъ случаѣ съ дѣйствительными практическими потребностями землеотводнаго дѣла.* Вопросъ о программѣ тѣхъ изслѣдованій, которыя будетъ предстоять выполнить въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ быть разрѣшенъ только на мѣстѣ, когда выяснятся сказанныя практическія потребности. Въ настоящее время можно только формулировать то общее правило, что для землеотводныхъ цѣлей будетъ требоваться *тѣмъ болѣе подробное изслѣдованіе,* связанное, между прочимъ, съ инструментальными опредѣленіями границъ отдѣльныхъ пользованій, *чѣмъ благопріятнѣе данная мѣстность для русской колонизаціи по своимъ естественнымъ условіямъ, чѣмъ она въ то-же время интенсивнѣе использована киргизами и чѣмъ, притомъ, яснѣе выразилось разграниченіе территоріи между отдѣльными группами пользующагося ею населенія,* — каковыя условія, впрочемъ, по самому существу дѣла, окажутся, въ видѣ общаго правила, сопутствующими другъ другу. И наоборотъ, практическія задачи землеотводнаго дѣла позволятъ обойтись тѣмъ болѣе суммарнымъ изслѣдованіемъ (которое иногда будетъ сводиться къ простому подсчету числа заинтересованныхъ кибитокъ), и тѣмъ меньшимъ количествомъ картографическихъ данныхъ, чѣмъ менѣе привлекательна мѣстность по своимъ естественнымъ условіямъ, чѣмъ слабѣе выражено пользованіе киргизъ и чѣмъ полнѣе сохранилась первобытная общность пользованія пастбищами и иными угодьями. Для выполненія этой общей схемы необходимо прежде всего *наметить тѣ районы и площади, которыя можно признать, при условіи искусственнаго орошенія или безъ него, пригодными для заселенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснить, какія именно группы кочевого населенія заинтересованы въ пользованіи этими районами или площадями и насколько интенсивно выражено ихъ дѣйствительное пользованіе;* затѣмъ уже *вторая стадія дѣла будетъ выражаться въ изслѣдованіи, съ соотвѣтствующею выяснившимся при предварительной рекогносцировкѣ обстоятельствамъ степенью подробности, землепользованія и хозяйства тѣхъ именно кочевниковъ, интересы которыхъ могли бы быть задѣты образованіемъ въ данной мѣстности переселенческихъ участковъ, и на основаніи данныхъ этого изслѣдованія будетъ разрѣшаться,* по отношенію къ каждой данной мѣстности, *вопросъ*

о наличности земельныхъ излишковъ и о возможности изъятія ихъ, въ найденныхъ удобными мѣстахъ, изъ пользованія кочевого населенія.

Задачи землеотводной партіи.

Съ сказаннымъ неразрывно связана, конечно, необходимость отказаться отъ лежавшаго въ основѣ организаціи землеотводнаго дѣла въ Степномъ краѣ и Тургайской области принципа производства изслѣдованій землепользованія и хозяйства киргизъ черезъ совершенно обособленную экспедицію, выводы которой въ готовомъ видѣ предлагались къ руководству чинамъ партіи, занимающейся собственно образованіемъ переселенческихъ участковъ. При проектируемой постановкѣ изслѣдованій въ Туркестанскомъ краѣ дѣло изслѣдованія тѣснѣйшимъ образомъ сплетается съ тѣми операціями, которыя лежатъ на землеотводной партіи, и наоборотъ — при нѣкоторыхъ изъ этихъ операцій должны имѣться въ виду и потребности собственно статистическаго изслѣдованія. При предварительныхъ рекогносцировкахъ, прямая задача которыхъ— отысканіе площадей, удобныхъ для обращенія въ переселенческіе участки, должны вмѣстѣ съ тѣмъ собираться общія данныя, необходимыя для рѣшенія общаго вопроса, какія именно группы киргизскаго населенія и съ какою степенью подробности должны быть подвергнуты дальнѣйшему изслѣдованію; а эта задача требуетъ, конечно, близкаго знакомства съ пріемами и методами этого изслѣдованія и лучше всего можетъ быть выполнена тѣми именно лицами, которымъ затѣмъ будетъ предстоять выполнить въ данномъ районѣ самое изслѣдованіе. Съ другой стороны, изслѣдованіе, объемъ и содержаніе котораго должны быть строго сообразованы, въ каждомъ данномъ случаѣ, съ непосредственными задачами землеотводнаго дѣла, будетъ конечно наиболѣе цѣлесообразно поставлено и выполнено тѣмъ самымъ учрежденіемъ—предполагая, конечно, составъ его достаточно освѣдомленнымъ въ вопросахъ статистической техники, — которому затѣмъ предстоитъ на практикѣ использовать его результаты для образованія переселенческихъ участковъ. Это учрежденіе, конечно, постарается запастись всѣми необходимыми данными для тѣхъ случаевъ, гдѣ значительность могущихъ послѣдовать изъятій и сравнительная интенсивность существующаго киргизскаго пользованія заставятъ обставлять предположенія объ изъятіяхъ подробными данными и соображеніями, и оно будетъ, естественнымъ образомъ, стремиться свести къ возможному минимуму работы по изслѣдованію тамъ, гдѣ болѣе де-

тальныя изысканія не оправдывались бы практическими потребностями дѣла,—тогда какъ отдѣльно стоящее статистическое учрежденіе, неизбѣжно, будетъ стремиться къ сплошному изслѣдованію по какому-либо опредѣленному шаблону, который, будучи для однихъ случаевъ чрезмѣрно подробнымъ, въ другихъ можетъ оказаться и не удовлетворяющимъ всей совокупности тѣхъ требованій, которыя возникнутъ при рѣшеніи практическаго вопроса о выдѣлѣ земель въ переселенческіе участки. Выполненіе всѣхъ необходимыхъ—въ цѣляхъ выясненія заинтересованности киргизъ—изслѣдованій должно быть возложено такимъ образомъ на ту самую партію, которая будетъ учреждена для образованія переселенческихъ участковъ. Чины этой партіи будутъ производить рекогносцировочныя изслѣдованія, при которыхъ будутъ намѣчаться интересныя въ колонизаціонномъ отношеніи площади и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ собираться данныя для рѣшенія вопроса о постановкѣ необходимыхъ, по каждой такой площади, дальнѣйшихъ изслѣдованій; они же, при помощи потребнаго числа вольнонаемныхъ сотрудниковъ, выполнятъ необходимыя естественно-историческія и хозяйственно-статистическія изслѣдованія и на основаніи данныхъ этихъ изслѣдованій опредѣлятъ наличность или отсутствіе въ данномъ районѣ земельныхъ излишковъ,—и они же, по утвержденіи ихъ заключеній объ излишкахъ подлежащею властью, выполнятъ, при участіи представителей мѣстной администраціи, и самый выдѣлъ пригодныхъ для того земель, признанныхъ излишними для кочевниковъ, въ переселенческіе участки.

Я позволю себѣ не входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько образованная для землеотводныхъ цѣлей партія можетъ быть признана компетентною вести также и необходимыя для этихъ цѣлей хозяйственно-статистическія изслѣдованія, — и сослаться на 1-ю часть настоящаго моего отчета, посвященную Уральской области [1]), гдѣ я подвергъ этотъ вопросъ достаточно подробному разбору; замѣчу еще только, что сліяніе воедино землеотводнаго дѣла съ выполненіемъ необходимыхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій ставитъ, конечно повышенныя требованія къ тому личному составу партіи, которому придется играть роль одновременно производителей работъ, производящихъ рекогносцировки и, въ конечной стадіи дѣла, образующихъ участки, и

[1]) Стр. 15

статистиковъ, выполняющихъ—гдѣ нужно—сложныя и кропотливыя изслѣдованія землепользованія и хозяйства кочевниковъ, а также обрабатывающихъ статистическій матеріалъ въ соотвѣтствующемъ практическимъ цѣлямъ направленіи и въ частности—въ цѣляхъ обоснованія нормъ и исчисленія земельныхъ излишковъ. И добавлю еще, что для Туркестанскаго края—гдѣ условія киргизскаго землепользованія и хозяйства значительно разнообразнѣе, нежели въ Уральской области, и притомъ гораздо менѣе сходны съ условіями уже описанныхъ экспедиціею Ф. А. Щербины областей Степного края,—гдѣ поэтому въ значительно меньшей мѣрѣ будетъ возможно пользоваться готовыми шаблонами названной экспедиціи, а придется вырабатывать своеобразные, во многихъ отношеніяхъ, методы и пріемы,—еще болѣе, нежели для Уральской области необходимо имѣть въ составѣ партіи, въ качествѣ помощника завѣдывающаго по статистической части, особое лицо, вполнѣ и близко знакомое съ техникою статистическаго изслѣдованія и способное, подъ общимъ, конечно, руководствомъ и наблюденіемъ завѣдывающаго партіею, выработать для каждаго типа случаевъ соотвѣтствующую программу изслѣдованія и инструпровать въ отношеніи пріемовъ статистической техники какъ штатный персоналъ партіи. такъ и имѣющихъ быть приглашаемыми для выполненія второстепенныхъ статистическихъ операцій вольнонаемныхъ сотрудниковъ.

Сбереженіе труда, времени и средствъ.

Я позволю себѣ не повторять также приведенныхъ въ первой части отчета соображеній по вопросу о томъ большомъ сбереженіи труда, которое будетъ достигнуто при проектируемой организаціи дѣла путемъ устраненія тѣхъ повторныхъ работъ въ смыслѣ повѣрки, пополненія, а иногда и исправленія, примѣнительно къ практическимъ потребностямъ землеотводнаго дѣла, собраннаго статистическаго матеріала. которыя были неизбѣжны при производствѣ естественно-историческаго и хозяйственно-статистическаго изслѣдованія черезъ обособленную отъ землеотводной партіи экспедицію. Несравненно больше будетъ однако та экономія труда и средствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—что едва-ли не еще важнѣе—то ускореніе общаго хода дѣла, которыя явятся послѣдствіемъ оставленія внѣ изслѣдованія вовсе неинтересныхъ въ колонизаціонномъ отношеніи районовъ и группъ киргизскаго населенія и сокращенія программъ изслѣдованія малоинтересныхъ районовъ и группъ. Я не имѣю, конечно, возможности привести въ этомъ отношеніи какіе-либо цифровые разсчеты. Но достаточно уже того. что при проектируе-

мой организаціи отпадаетъ всякая необходимость въ сплошныхъ инструментальныхъ работахъ на необъятныхъ пространствахъ песковъ, а также на тѣхъ, въ общемъ также обнимающихъ милліоны десятинъ, пространствахъ, которыя служатъ въ качествѣ кузеу или тебеневокъ, на которыхъ не установилось сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ пользованія отдѣльныхъ группъ киргизскаго населенія; что изслѣдованію не будутъ подвергаться тѣ, въ общемъ, несомнѣнно многочисленныя группы киргизскаго населенія, территоріи которыхъ не представляютъ удобствъ для водворенія русскихъ поселенцевъ; что изслѣдоваться не будутъ также всѣ тѣ мѣстности, гдѣ предварительная рекогносцировка, связанная съ подсчетомъ данныхъ о пространствѣ данной территоріи и о численности заинтересованныхъ въ ней киргизъ, выяснитъ невозможность разсчитывать на какіе-либо излишки,— и что затѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ удобныхъ для заселенія земель мало, а пользованіе киргизъ выражено слабо, вмѣсто полнаго изслѣдованія по подробной программѣ будетъ производиться только болѣе или менѣе суммарный посчетъ нѣкоторыхъ основныхъ данныхъ, достаточный, чтобы выяснить значительность имѣющихся излишковъ и нестѣснительность возможныхъ, по естественнымъ условіямъ, небольшихъ изъятій. Въ конечномъ же результатѣ проектируемая организація землеотводнаго дѣла въ Туркестанскомъ краѣ приведетъ, какъ выражено въ отзывѣ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, «къ сохраненію средствъ казны и скорѣйшему образованію переселенческихъ участковъ», въ виду чего Главное мѣстное Начальство— какъ выражено въ томъ же отзывѣ—и отказывается отъ мысли о сплошномъ изслѣдованіи края черезъ особую экспедицію и выражаетъ свое согласіе на организацію дѣла въ соотвѣтствіи съ вышеизложенными началами.

Интересы киргизъ.

Приведенныя на предыдущихъ страницахъ соображенія, казалось бы, доказываютъ и совершенную достаточность подобнаго рода организаціи съ точки зрѣнія огражденія интересовъ киргизскаго населенія. Оставаясь въ предѣлахъ тѣхъ фактовъ, о которыхъ я упоминалъ въ предыдущемъ изложеніи, совершенно ясно видно, что, напримѣръ, въ образованіи переселенческихъ участковъ въ полосѣ горныхъ лѣтовокъ южной части Сыръ-Дарьинской области заинтересованы исключительно тѣ сравнительно немногочисленные состоятельные кочевники, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ выпасаютъ здѣсь свой скотъ; только съ этими кочевни-

ками и придется здѣсь считаться, и для образованія участковъ въ данной мѣстности нѣтъ никакой необходимости изслѣдовать землепользованіе и хозяйство всѣхъ тѣхъ, гораздо болѣе многочисленныхъ киргизъ, которые принадлежатъ къ тѣмъ-же волостямъ, аульнымъ обществамъ и даже зимовочнымъ группамъ, но совершенно не участвуютъ въ пользованіи данными лѣтовками. Не менѣе ясно, что образованіе участковъ въ при-Чуйскихъ волостяхъ Ауліеатинскаго уѣзда ни въ какой мѣрѣ не затронетъ интересовъ тѣхъ киргизъ, которые имѣютъ курганчи и пахатныя угодья въ предгорной, южной полосѣ того-же уѣзда, и потому образованіе участковъ на Чу—если оно окажется возможнымъ по естественнымъ условіямъ—не потребуетъ изслѣдованія киргизъ южныхъ волостей,—равно какъ для образованія участковъ въ предгорныхъ зимовочныхъ районахъ нѣтъ никакой надобности изслѣдовать киргизъ Чуйскаго района. Въ Перовскомъ уѣздѣ, если бы, напримѣръ, оказалось возможнымъ образовать участки на крайнемъ сѣверо-востокѣ, въ Тиликульской волости,—то это ничѣмъ не затронуло-бы интересовъ всѣхъ тѣхъ волостей, которыя тяготѣютъ къ побережью Сыръ-Дарьи, а потому было-бы возможно безъ изслѣдованія этихъ волостей; и наоборотъ, если бы образованіе участковъ—что́ болѣе вѣроятно—оказалось возможнымъ только на побережьѣ Сыръ-Дарьи, то въ этомъ нисколько не были-бы заинтересованы ни Тиликульская волость, ни имѣющая свои угодья въ юго-западномъ углу уѣзда Каракуль-Куванъ-Дарьинская волость,—которыя поэтому могли-бы остаться совершенно внѣ какихъ-бы то ни было изслѣдованій. Если бы затѣмъ и по отношенію къ Казалинскому уѣзду подтвердилось то предположеніе, что удобныя земли имѣются только на побережьѣ Сыра,—то въ образованіи здѣсь переселенческихъ участковъ были бы заинтересованы только восемь волостей этого уѣзда, имѣющія здѣсь пахатныя угодья, курганчи и т. п.; остальныя волости, какъ совершенно не заинтересованныя въ побережьѣ Сыра, могли бы совершенно не подвергаться изслѣдованію, не рискуя потерпѣть ущерба отъ образованія участковъ. Сказанное касается болѣе крупныхъ подраздѣленій кочевого населенія тѣхъ или другихъ частей Сыръ-Дарьинской области. Но, конечно, тѣ рекогносцировки, которыя составляютъ необходимую составную часть проектируемой организаціи землеотводнаго дѣла, дадутъ болѣе опредѣленныя данныя относительно тѣхъ частей территоріи края и тѣхъ группъ киргизскаго населенія, которыя дѣйствительно будутъ тре-

бовать изслѣдованія въ интересахъ землеотводнаго дѣла: если, напримѣръ, рекогносцировка въ Казалинскомъ уѣздѣ намѣтитъ на побережьѣ Сыра нѣсколько удобныхъ для колонизаціи урочищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ, что они состоятъ въ пользованіи такихъ-то группъ киргизъ, принадлежащихъ къ составу, положимъ, трехъ волостей,—то изслѣдованія въ этомъ уѣздѣ можно будетъ ограничить именно этими группами, совершенно не рискуя затронуть интересы не только остальныхъ пяти волостей, но даже остальныхъ группъ, принадлежащихъ къ составу тѣхъ же трехъ волостей, къ составу которыхъ принадлежатъ группы, заинтересованныя въ намѣчаемыхъ изъятіяхъ. Если такая же рекогносцировка выяснитъ, что изъ горныхъ лѣтовокъ Чимкентскаго уѣзда интересъ въ колонизаціонномъ отношеніи представляютъ только такія-то три или четыре урочища, то послѣдующимъ изслѣдованіямъ придется считаться исключительно съ тѣми кибитковладѣльцами, которые лѣтуютъ на этихъ именно урочищахъ,—такъ какъ образованіемъ здѣсь участковъ вовсе не будутъ затронуты интересы кочевниковъ, лѣтующихъ на другихъ лѣтовкахъ той-же горной полосы Чимкентскаго уѣзда и т. д. Въ томъ фактѣ, что г. Туркестанскому Генералъ-Губернатору, весьма горячо относящемуся къ вопросу объ охраненіи законныхъ правъ и интересовъ ввѣреннаго его попеченію туземнаго населенія, угодно было въ отзывѣ своемъ выразить согласіе на организацію дѣла согласно вышеизложеннымъ общимъ началамъ, которыя въ существенныхъ чертахъ были мною доложены Его Высокопревосходительству и подверглись обсужденію на состоявшемся подъ личнымъ его предсѣдательствомъ совѣщаніи,—заключается признаніе того, что организація эта въ достаточной мѣрѣ ограждаетъ тѣ интересы кочевого населенія, которые могли бы быть дѣйствительно затронуты образованіемъ переселенческихъ участковъ. Вопросъ о томъ, насколько, въ интересахъ киргизъ, возможно ограничиться подобнаго рода частичными изслѣдованіями, былъ затѣмъ подвергаемъ разсмотрѣнію на состоявшемся у г. Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области совѣщаніи при участіи представителей мѣстной администраціи,—а также обсуждался мною съ рядомъ мѣстныхъ дѣятелей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ условіями землепользованія и хозяйства въ краѣ,—и всѣми, въ томъ числѣ и гг. настоящими и бывшими начальниками уѣздовъ, съ которыми я имѣлъ случай бесѣдовать, было признано, что разсматриваемая организація дѣла, съ точки

зрѣнія огражденія интересовъ кочевого населенія, нисколько не уступаетъ той постановкѣ землеотводнаго дѣла, какая существовала въ Степныхъ областяхъ и Тургайской области.

Несвоевременность составленія инструкціи.

Выясненное на предыдущихъ страницахъ своеобразіе и разнообразіе условій землепользованія и хозяйства туземнаго кочевого населенія въ предѣлахъ даже одной только Сыръ-Дарьинской области обусловливаетъ невозможность примѣненія къ сказанной области и вообще—къ Туркестанскому краю тѣхъ инструкціонныхъ указаній, на основаніи которыхъ велись и ведутся работы по образованію переселенческихъ участковъ изъ земель киргизскаго пользованія въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской и которыя, по моему по крайней мѣрѣ убѣжденію, вполнѣ примѣнимы и къ предстоящимъ работамъ по образованію участковъ въ Уральской области или во всякомъ случаѣ—въ сѣверной и средней ея полосѣ. Примѣненіе къ Сыръ-Дарьинской области, цѣликомъ, сказанныхъ указаній, въ тѣхъ собственно частяхъ ихъ, которыя имѣютъ въ виду огражденіе опредѣленныхъ земельныхъ нуждъ и интересовъ кочевого населенія, съ одной стороны оказалось бы, несомнѣнно, неспособнымъ въ достаточной мѣрѣ оградить эти нужды и интересы, какъ они складываются въ Туркестанскомъ краѣ при данныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ и въ особенности—при существованіи здѣсь земледѣльческаго хозяйства съ искусственнымъ орошеніемъ полей; съ другой стороны—оно во многихъ случаяхъ чрезмѣрно стѣснило бы возможность образованія переселенческихъ участковъ даже тамъ, гдѣ изъятіе излишнихъ земель, въ дѣйствительности, вовсе не угрожало бы нарушить какихъ либо дѣйствительно-насущныхъ интересовъ кочевого населенія.

Имѣющій основное значеніе для Степныхъ и Тургайской областей циркуляръ 19 мая 1898 г. № 5 былъ выработанъ исключительно на основаніи данныхъ, собранныхъ экспедиціею по изслѣдованію Степныхъ областей въ Кокчетавскомъ уѣздѣ и въ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ Акмолинскаго и на основаніи опыта землеотводныхъ работъ, производившихся въ сѣверной части Акмолинской области; дальнѣйшій опытъ работъ въ сѣверной полосѣ той же Акмолинской и Тургайской областей далъ матеріалъ для ряда распоряженій, послѣдовавшихъ въ дополненіе и развитіе упомянутаго циркуляра.

Естественно при такихъ условіяхъ, что вся совокупность этихъ распоряженій совершенно не соотвѣтствуетъ тѣмъ условіямъ, какія существуютъ въ Сыръ-Дарьинской области: нѣкоторыя понятія и выраженія, употребляемыя, какъ общепонятныя, въ циркулярѣ 19 мая, даже мало извѣстны въ Сыръ-Дарьинской области или имѣютъ совершенно другое значеніе. Чтобы не быть голословнымъ, упомяну, напримѣръ, о томъ, что по п. 3-му сказаннаго циркуляра въ пользованіи киргизъ, во всякомъ случаѣ, сохраняются «земли, занятыя ихъ зимними жилищами и расположенными въ непосредственной ихъ близости защитными рощами и зимними пастбищами». Между тѣмъ значительная часть киргизъ вовсе не имѣетъ зимнихъ жилищъ; съ большими лишь ограниченіями значеніе зимняго жилища, для части киргизъ, можетъ быть признано за «курганчами», которыя для другихъ являются лишь складами имущества и помѣщеніями для части скота,—роль же зимнихъ пастбищъ для всей состоятельной части киргизъ играютъ пески или безводныя степи, служащія для тебеновки. Тотъ-же пунктъ сохраняетъ за киргизами «обрабатываемыя для удовлетворенія личныхъ потребностей и хозяйственныхъ нуждъ ихъ пашни». Между тѣмъ, казалось бы, нѣтъ никакого основанія признавать неприкосновенною впервые распаханную въ данный годъ и предназначенную, можетъ быть, къ оставленію въ залежь въ будущемъ же году площадь богарныхъ пашенъ.—равно какъ едва ли необходимо всегда и во всѣхъ случаяхъ оставлять за киргизами всѣ тѣ огромныя площади могущихъ быть орошаемыми пахатныхъ земель, изъ которыхъ въ каждомъ данномъ году засѣвается, при существующемъ залежномъ оборотѣ, всего одна десятая или пятнадцатая часть, или тѣ земли въ тугайной полосѣ, которыя хотя и обрабатываются съ искусственнымъ орошеніемъ, но при существующемъ здѣсь «кочевомъ» земледѣліи отнюдь не имѣютъ характера постоянныхъ угодій. Что даже орошаемыя пашни въ этомъ краѣ не имѣютъ того значенія, какъ у осѣдлаго населенія, видно хотя бы изъ того, что зажиточные кочевники Ташкентскаго уѣзда имѣютъ поливныя земли въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, удаленныхъ другъ отъ друга на десятки и даже сотни верстъ. Тотъ же пунктъ сохраняетъ затѣмъ за киргизами «орошенныя арыками площади». Для сѣверной полосы степей онъ имѣлъ, можно сказать, академическое значеніе, въ виду отсутствія тамъ ирригаціоннаго хозяйства. Для Сыръ-Дарьинской области онъ потребуетъ подробной разработки въ видѣ цѣлаго ряда указаній,

регулирующихъ, можетъ быть, вопросъ о правѣ на воду, установляющихъ право Правительства произвести расширеніе существующей арычной системы и использовать вновь орошенную землю и т. п.; весьма важно, въ интересахъ успѣха русской колонизаціи края, оговорить право Правительства, въ случаѣ безусловной въ томъ необходимости, изымать изъ пользованія киргизъ орошаемыя земли вмѣстѣ съ орошающими ихъ арыками, съ отводомъ имъ взамѣнъ того, въ другомъ мѣстѣ, земли, орошенной средствами Правительства, такъ какъ во многихъ случаяхъ только этимъ способомъ будетъ возможно образовать участки безъ созданія вредной черезполосности ихъ съ киргизскими угодьями и зимовыми стойбищами. Можетъ быть окажется возможнымъ, какъ полагаетъ Сыръ-Дарьинская областная администрація, привлечь къ сооруженію новыхъ арыковъ самихъ киргизъ, съ уступкою части вновь орошенной площади подъ русское поселеніе, и т. д. Нѣкотораго пересмотра будутъ, можетъ быть, требовать правила о земельномъ вознагражденіи киргизъ въ случаѣ изъятія изъ пользованія какой-либо группы бо́льшаго количества земли, нежели у нея по даннымъ изслѣдованія имѣется излишка,—такъ какъ въ тѣхъ частяхъ края, гдѣ формы пользованія землею сохранили первобытную неопредѣленность и расплывчатость, вовсе не будетъ необходимости въ какихъ-либо особыхъ мѣрахъ въ этомъ направленіи. Наконецъ, коренной переработки могутъ потребовать и основные пункты циркуляра 19 мая, именно 1-й и 2-й, въ виду какъ вообще предлагаемой для Туркестанскаго края организаціи землеотводнаго дѣла, такъ и въ особенности изложенныхъ выше соображеній относительно основаній вывода излишковъ по разсчету не только на цѣлыя родовыя или сосѣдскія группы и на всю совокупность состоящихъ въ ихъ пользованіи угодій,—но и на существующія различія въ составѣ и размѣрахъ пользованія бѣдныхъ уже осѣвшихъ,—среднихъ, полуосѣдлыхъ,—и состоятельныхъ, чисто кочевыхъ элементовъ киргизскаго населенія. Особыя указанія придется по всей вѣроятности дать для образованія, при наличности извѣстныхъ условій, участковъ безъ полнаго изслѣдованія, а на основаніи одного только суммарнаго подсчета, придется предусмотрѣть условное утвержденіе участковъ при невозможности ихъ немедленнаго заселенія, и т. п.

Пріобрѣтенное мною знакомство съ условіями природы, землепользованія и хозяйства даже одной только Сыръ-Дарьинской

области, не говоря уже о цѣломъ Туркестанскомъ краѣ, недостаточно, чтобы исчерпать всѣ тѣ особенности края и отдѣльныхъ его составныхъ частей, съ которыми придется считаться при выработкѣ инструкцій для образованія въ этомъ краѣ переселенческихъ участковъ,—а тѣмъ болѣе для проектированія подобныхъ инструкцій. Я считаю себя вправѣ только отмѣтить многочисленныя и разнообразныя обстоятельства, заставляющія желать составленія для работъ по образованію участковъ въ Туркестанскомъ краѣ особыхъ инструкцій, которыя, исходя, какъ и циркуляръ 19 мая 1898 г. № 5 [1]), изъ идеи согласованія интересовъ колонизаціоннаго дѣла съ насущными интересами туземнаго населенія и съ сохраненіемъ для него возможности перехода къ осѣдлому быту и хозяйству, въ то-же время были бы сообразованы съ всею совокупностью мѣстныхъ естественныхъ, бытовыхъ и хозяйственныхъ условій. Эти условія будутъ выясняться посредствомъ мѣстнаго, хотя и не сплошного изслѣдованія. На основаніи данныхъ того-же изслѣдованія должны быть поэтому выработаны и тѣ инструкціи, которыя будутъ положены въ основу предстоящихъ въ краѣ землеотводныхъ работъ.

По существу изложенныя соображенія вполнѣ совпадаютъ съ высказанными въ уже неоднократно упоминавшемся отзывѣ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора. «Имѣя въ виду, говоритъ здѣсь Главный Начальникъ края, что условія веденія хозяйства во многомъ и существенно отличаются отъ таковыхъ же условій тѣхъ районовъ Степныхъ областей, гдѣ работали экспедиція Щербины и партіи по образованію переселенческихъ участковъ, а потому инструкціи, изданныя для тѣхъ работъ, окажутся въ нѣкоторыхъ частяхъ несоотвѣтствующими для руководства при веденіи работъ въ Туркестанѣ,—является необходимымъ издать особую инструкцію, вполнѣ согласованную съ тѣми мѣстными условіями, при которыхъ

[1]) Принципы этого циркуляра обсуждались на совѣщаніи у Военнаго Губернатора Сыръ-Дарьинской области, которое единогласно признало ихъ, mutatis mutandis, совершенно достаточными для широкаго огражденія интересовъ кочевого населенія Нѣкоторыя желательныя измѣненія были указаны какъ на этомъ совѣщаніи, такъ и на совѣщаніи у г Главнаго Начальника края, лишь въ процессуальномъ, такъ сказать, отношеніи Такъ, г Военнымъ Губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области было указано на желательность предоставленія завѣдывающему работами, какъ лицу, предсѣдательствующему въ комиссіи, гдѣ членомъ состоитъ начальникъ уѣзда, V класса должности,—и на предоставленіе ему же права личнаго доклада у Генералъ-Губернатора; указывалось также на желательность предоставить уѣздной администраціи, въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ, участіе не только въ разсмотрѣніи и утвержденіи готовыхъ проектовъ выдѣла участковъ, но также и въ подготовительной стадіи,—въ особенности при предъявленіи проектовъ заинтересованнымъ киргизамъ и т. д.

придется выполнять эти работы; но такъ какъ для проектированія такой окончательной инструкціи въ настоящее время нѣтъ достаточныхъ данныхъ, то слѣдовало бы отложить это до указаній опыта работъ, произведенныхъ при мѣстныхъ условіяхъ». Въ виду изложеннаго генер.-лейт. Ивановъ полагаетъ первоначально издать только временную инструкцію на одинъ годъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока Главному мѣстному Начальству было предоставлено войти въ сношеніе съ г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ временной инструкціи, необходимость которыхъ выяснится опытомъ работъ, произведенныхъ при мѣстныхъ условіяхъ.

Со своей стороны я позволилъ бы себѣ пойти въ данномъ отношеніи еще дальше и высказать, что *на ближайшій 1904 г. нѣтъ необходимости въ изданіи даже и такой временной инструкціи.* Въ 1904 г. не будетъ производиться никакихъ изъятій изъ киргизскаго пользованія, а будутъ происходить исключительно: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — предварительныя рекогносцировки, имѣющія цѣлью намѣтить мѣстности, интересныя въ колонизаціонномъ отношеніи, а въ Чимкентскомъ уѣздѣ, южная часть котораго, на основаніи имѣющихся свѣдѣній, признается представляющею въ этомъ отношеніи значительный интересъ—болѣе подробныя изслѣдованія, направленныя къ выясненію, для нѣкоторой части уѣзда, количества имѣющихся въ пользованіи киргизовъ излишнихъ земель. Результаты этихъ изслѣдованій получатъ утвержденіе, несомнѣнно, не раньше зимы 1904—1905 г.г., и слѣдовательно только въ полевой періодъ 1905 г. даже въ этомъ уѣздѣ можно будетъ приступить къ образованію участковъ; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя въ 1904 г. будутъ только рекогносцированы, къ изслѣдованію будетъ приступлено только въ 1905 г., а къ образованію участковъ въ 1906 г. Слѣдовательно, инструкціи, соотвѣтствующія по своему предмету циркуляру 19 мая 1898 г., понадобятся только къ 1905 г., и къ этому же времени исполненныя въ теченіе 1904 г. рекогносцировки и изслѣдованія дадутъ болѣе или менѣе достаточный матеріалъ для ихъ проектированія. Тѣмъ не менѣе и тогда, какъ мнѣ кажется, было бы правильнѣе проектировать лишь временную инструкцію, срокомъ на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобы инструкція эта была затѣмъ пересмотрѣна и утверждена окончательно на основаніи тѣхъ указаній опыта, которыя дадутъ, уже въ 1905 г., работы собственно по образованію пере-

селенческихъ участковъ. На 1904 г. потребуется только указаніе районовъ для рекогносцировокъ и изслѣдованій, и утвержденіе программъ этихъ послѣднихъ. Какъ видно изъ представленія г. Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ Государственный Совѣтъ отъ 28 октября за № 1543, указаніе районовъ для рекогносцировокъ и изслѣдованій имѣется въ виду предоставить единоличному усмотрѣнію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора. Равнымъ образомъ, я считалъ бы вполнѣ умѣстнымъ, по крайней мѣрѣ на первый годъ, когда и самыя изслѣдованія будутъ имѣть, въ значительной мѣрѣ, пробный характеръ, предоставить Главной въ краѣ Власти утверждать, по докладу завѣдывающаго предполагаемою къ учрежденію землеотводною партіею и его помощника по статистической части, программы и инструкціи касающіяся собственно пріемовъ веденія предстоящихъ рекогносцировокъ и изслѣдованій.

Въ заключеніе я считаю долгомъ остановиться на двухъ обстоятельствахъ, съ большею или меньшею вѣроятностью могущихъ затормозить ходъ дѣла образованія переселенческихъ участковъ изъ земель, состоящихъ въ пользованіи кочевого населенія по ст. 270 Турк. пол., а слѣдовательно—и вреднымъ образомъ отразиться на судьбѣ русской колонизаціи края.

Необходимость дальнѣйшихъ мѣръ къ упорядоченію лѣсного дѣла

Одно изъ нихъ—это положеніе въ краѣ лѣсного дѣла. По приблизительному исчисленію, сдѣланному въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента [1]), площадь лѣсовъ трехъ категорій—горныхъ, тугайныхъ и степныхъ, которые на основаніи закона 2 іюня 1897 г. состоятъ въ завѣдываніи казенной администраціи, исчисляется въ 6½ милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ горныхъ 1½ тыс. и другихъ 5 тыс. десятинъ. Изъ нихъ собственно въ Сыръ-Дарьинской области, по опубликованнымъ вскорѣ послѣ посѣщенія края Директоромъ Лѣсного Департамента даннымъ, состоитъ, въ 127 лѣсныхъ дачахъ, 8,786 дес. горнаго лѣса и 5.100.000 тугайныхъ и саксаульныхъ зарослей; изъ числа послѣднихъ 250,000 дес. въ Чимкентскомъ уѣздѣ, 2.000,000 дес. въ Перовскомъ, 1.250,000 дес. въ Казалинскомъ, 600,000 дес. въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ и 1.000,000 д. въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ [2]). Какъ съ опредѣленностью конста-

---

[1]) Стр. 7

[2]) Гейеръ, Путеводитель, стр 178.

тировано въ отчетѣ т. с. Никитина, «при ближайшемъ ознакомленіи съ лѣсами всѣхъ трехъ категорій приходится прійти къ заключенію, что въ дѣйствительности лѣсная площадь занимаетъ во много разъ меньшую поверхность»,—и что «таксаціонные чины слишкомъ увлекались увеличеніемъ площадей образуемыхъ ими лѣсныхъ дачъ, захватывая въ нихъ зачастую обширныя площади, не имѣющія рѣшительно никакого лѣсохозяйственнаго значенія»; даже въ устроенныхъ и обслѣдованныхъ до поѣздки въ край Директора Лѣсного Департамента лѣсахъ, изъ общей ихъ площади 1,5 милл. дес., насчитывалось лѣсныхъ насажденій, полнотою до 0,3, 580 тыс. дес.; остальное занимали рѣдины, безлѣсныя мѣста и неудобныя земли [1]).

Между тѣмъ, взятіе лѣсовъ въ казенное завѣдываніе сопровождалось урегулированіемъ, или, говоря проще, запрещеніемъ пастьбы скота на взятыхъ въ казенное завѣдываніе пространствахъ. А такое запрещеніе или ограниченіе отражалось крайне неблагопріятно на скотоводствѣ кочевыхъ туземцевъ, для котораго зимою возможность выпаса скота на тугайныхъ и саксаульныхъ пастбищахъ имѣла громадное значеніе.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, Директоръ Лѣснаго Департамента убѣдился въ необходимости значительнаго сокращенія площади даже уже отграниченныхъ до того времени лѣсныхъ дачъ и измѣненія направленія лѣсоустроительныхъ работъ въ такомъ смыслѣ, чтобы подъ лѣсныя дачи отграничивались лишь мѣста, имѣющія дѣйствительное лѣсохозяйственное значеніе [2]). Признавая затѣмъ необходимымъ принять дальнѣйшія мѣры къ упорядоченію пользованія населенія въ лѣсныхъ пространствахъ и—въ частности—въ пескахъ, т. с. Никитинъ констатировалъ, однако, что «окончательное изъятіе этихъ песковъ изъ пользованія населенія и повсемѣстное воспрещеніе пастьбы было бы непрактичнымъ, такъ какъ лишеніе права пастьбы на многихъ сотняхъ тысячъ десятинъ сильно отразится на уменьшеніи туземнаго скотоводства»,—и что умѣренная пастьба, если она не производится изъ года въ годъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ, не можетъ приносить особаго серьезнаго вреда хорошо задернѣлымъ пескамъ [3]).

---

[1]) Стр 12, 17, 49.
[2]) Стр 49.
[3]) Стр 37

Имѣя слишкомъ мало времени даже для выполненія моей прямой задачи, я совершенно не имѣлъ возможности, да и не былъ уполномоченъ, входить въ разсмотрѣніе вопроса о современномъ состояніи въ Туркестанскомъ краѣ лѣсного дѣла. Изъ бесѣдъ съ различными представителями мѣстной администраціи я вынесъ, однако, то убѣжденіе, что со времени поѣздки въ Туркестанскій край Директора Лѣсного Департамента и назначенія на должность Начальника Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ нынѣ занимающаго эту должность лица, очень многое измѣнилось въ этомъ отношеніи къ лучшему. Тѣмъ не менѣе, дѣло упорядоченія лѣсного хозяйства въ краѣ, въ указанномъ въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента направленіи, далеко не доведено еще до конца. Проѣзжая по степямъ Ауліеатинскаго уѣзда и по прибрежной полосѣ по Сыръ-Дарьѣ, я лично видѣлъ не мало площадей, которыя продолжаютъ состоять въ завѣдываніи казеннаго управленія и подлежатъ, повидимому, дѣйствію тѣхъ самыхъ ограниченій пользованія кочевого населенія, какія существовали и до поѣздки Директора Лѣсного Департамента,—и которыя несомнѣнно подлежали бы, съ точки зрѣнія высказанныхъ въ отчетѣ т. с. Никитина принциповъ, исключенію изъ казеннаго управленія и возвращенію въ свободное пользованіе населенія. Эти мои наблюденія, конечно, слишкомъ бѣглы и недостаточно обоснованы. Но по одному, правда частному случаю, въ этихъ матеріалахъ имѣются и документальныя данныя, которыя позволяютъ думать, что въ данномъ отношеніи устранены еще далеко не всѣ тѣ «увлеченія», которыя были отмѣчены Директоромъ Лѣсного Департамента, и мѣстному Управленію предстоитъ сдѣлать еще не мало, чтобы ввести лѣсоохранительную дѣятельность въ разумные предѣлы. Я имѣю въ виду уже неоднократно использованныя мною записки чиновника о с.-х. и оброчной частямъ г. Шкапскаго по осмотру горныхъ лѣтнихъ пастбищъ Ташкентскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, прямой задачей г. Шкапскаго при его поѣздкахъ было изученіе условій и порядка пользованія пастбищами, лѣсного же вопроса онъ касается лишь мимоходомъ. Но изъ приводимыхъ имъ свѣдѣній видно, что лѣсныя дачи, въ составъ которыхъ входятъ осмотрѣнныя г. Шкапскимъ пастбища, «представляютъ собою большія площади пастбищъ, среди которыхъ разбросаны небольшіе участки лѣса и отдѣльно стоящія деревья»; въ нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ г. Шкапскимъ мѣстностей въ предѣлахъ казенныхъ дачъ все на-

сажденіе состоитъ изъ отдѣльно стоящихъ арчей,—въ Актауской же дачѣ, выше извѣстнаго уровня, лѣсъ совершенно исчезаетъ и въ составѣ дачи оказываются, просто, обширные и тучные луга, продолжающіеся до самого источника рч. Актау. А неподалеку отъ одного туземнаго селенія,—опять-таки въ границахъ лѣсной дачи,—г. Шкапскій видѣлъ «во многихъ мѣстахъ деревья, отдѣльно стоящія среди люцерновыхъ полей и другихъ пахатныхъ земель». Возможность выпасать скотъ имѣетъ весьма важное значеніе какъ для пользующихся горными лѣтовками кочевниковъ, такъ отчасти и для осѣдлаго населенія,—для жителей нѣкоторыхъ, поименованныхъ въ запискѣ г. Шкапскаго, селеній «запрещеніе пастьбы скота было бы равносильно запрещенію имѣть скотъ, ибо названныя селенія, особенно Богустанъ и Нанай, расположены въ лѣсу», т. е. другими словами—въ границахъ лѣсной дачи. А между тѣмъ, изъ приводимыхъ г. Шкапскимъ данныхъ видно, что состояніе значительной части этихъ дачъ въ казенномъ завѣдываніи, не имѣя за себя, конечно, никакого основанія съ точки зрѣнія лѣсохозяйственной, въ то-же время не оправдывается даже и защитными соображеніями: рѣдкія насажденія арчи, а тѣмъ болѣе отдѣльно стоящіе представители этой древесной породы, нисколько не предотвращаютъ оползней, тогда какъ, напротивъ, травяной покровъ, растущій на совершенно открытыхъ площадяхъ, благодаря развитой корневой системѣ, прекрасно связываетъ горную почву и предупреждаетъ оползни. Что пастьба въ подобнаго рода мѣстахъ скота, сама по себѣ, не грозитъ никакими вредными послѣдствіями, видно хотя бы изъ того обстоятельства, что казенное управленіе, стремясь ограничить въ лѣсныхъ дачахъ пастьбу мѣстнаго населенія, въ то-же время, повидимому, обратило эти дачи въ пастбищныя оброчныя статьи, гдѣ за плату пасутся гурты ташкентскихъ и другихъ торговцевъ скотомъ.

Если дѣло обстоитъ такимъ образомъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Ташкента, то, конечно, оно обстоитъ такимъ-же образомъ въ болѣе отдаленныхъ отъ него мѣстностяхъ Сыръ-Дарьинской области,—и только отсутствіе дѣйствительнаго фактическаго надзоре ослабляетъ здѣсь тѣ вредныя послѣдствія, къ какимъ привело бы для населенія дѣйствительное прекращеніе возможности выпаса скота въ предѣлахъ тѣхъ обширныхъ пространствъ, которыя зачислены въ составъ лѣсныхъ дачъ,—послѣдствія тѣмъ болѣе вредныя, что, напримѣръ, саксаульныя дачи тянутся широ-

кими полосами параллельно берегамъ Сыра и, слѣдовательно, по самому своему мѣстоположенію не могутъ не быть—въ случаѣ уничтоженія возможности пастьбы въ нихъ—особенно стѣснительными для всего того многочисленнаго киргизскаго населенія, землепользованіе котораго тяготѣетъ къ побережью Дарьи.

Сказанное имѣетъ, какъ я уже упоминалъ, весьма серьезное значеніе въ интересахъ землеотводнаго дѣла, а слѣдовательно,— и будущей русской колонизаціи края. Саксаульныя и горныя дачи располагаются въ такихъ мѣстностяхъ, которыя, вообще говоря, сами по себѣ непригодны для осѣдлой и въ частности русской колонизаціи; довольно сомнительно въ этомъ отношеніи, какъ я старался показать во 2-ой главѣ настоящаго отчета, и значеніе очень, по всей вѣроятности, большой части тугайныхъ пространствъ. Но если у конечниковъ будетъ отнята возможность выпасать свой скотъ въ «лѣсныхъ дачахъ» этого рода, то въ пользованіи ихъ придется неизбѣжно оставить, чтобы не причинить имъ непоправимаго ущерба, соотвѣтствующія по площади и кормовому значенію пространства угодій въ другихъ мѣстахъ, имѣющихъ гораздо бо̀льшее значеніе съ точки зрѣнія русской колонизаціи, и тѣмъ значительно сократить возможность этой послѣдней. Чтобы устранить столь нежелательное осложненіе въ колонизаціонномъ дѣлѣ, мнѣ казалось бы необходимымъ возможно скорѣе и возможно полнѣе провести въ жизнь тѣ принципы, которые авторитетно высказаны въ отчетѣ Директора Лѣсного Департамента, а именно, съ одной стороны, пересмотрѣть границы лѣсныхъ дачъ и исключить изъ нихъ всѣ̀ тѣ пространства, которыя включены были въ ихъ составъ единственно только въ цѣляхъ округленія границъ и т. п.,— а съ другой—пересмотрѣть и самыя правила, ограничивающія пастьбу скота въ лѣсныхъ дачахъ; въ частности, по отношенію къ саксаульнымъ дачамъ слѣдовало бы при этомъ принять во вниманіе указанія опыта послѣднихъ лѣтъ, который заставляетъ многихъ мѣстныхъ людей думать, что саксаульныя заросли вовсе не требуютъ, ради своего сохраненія, такой строгой охраны, какъ считаютъ необходимымъ нѣкоторые представители лѣсного вѣдомства, и что, напротивъ, онѣ способны прекрасно сохраняться и весьма быстро возстановляться при соблюденіи нѣкоторыхъ весьма мало стѣснительныхъ ограниченій пастьбы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такой пересмотръ потребовалъ бы нѣкоторыхъ расходовъ какъ единовременныхъ, собственно на

производство необходимыхъ таксаціонныхъ работъ, такъ и текущихъ, на значительное усиленіе лѣсного надзора и лѣсной стражи,— такъ какъ, конечно, только при этомъ условіи возможно нынѣ существующую систему обширныхъ лѣсныхъ дачъ, въ которыя, ради устраненія черезполосности и облегченія надзора, включаются, вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ лѣсомъ, весьма обширныя совершенно безлѣсныя пространства,—замѣнить болѣе правильною системою выдѣла въ лѣсныя дачи однихъ только дѣйствительно имѣющихъ лѣсной характеръ площадей. Но расходы эти должны быть признаны, мнѣ кажется, совершенно необходимыми какъ въ интересахъ туземнаго населенія, которое только при этомъ условіи будетъ избавлено отъ безполезныхъ стѣсненій, такъ и русской колонизаціи края, доступныя для которой площади, и безъ того не слишкомъ обширныя, могутъ иначе для многихъ мѣстностей свестись окончательно къ нулю.

Переходъ кочевниковъ въ осѣдлое состояніе.

Нѣкоторою опасностью для правильнаго хода землеотводныхъ работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и для русской колонизаціи края можетъ, какъ отмѣчено, мимоходомъ, въ журналѣ подготовительной при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммиссіи по дѣлу объ изслѣдованіи Туркестанскаго края (журн. № 126), угрожать переходъ киргизъ къ осѣдлому быту,—условія и послѣдствія каковаго перехода опредѣляются введенною въ Туркестанское положеніе, на основаніи Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, ст. 279[1].

Какъ я имѣлъ случай неоднократно высказывать въ настоящей главѣ отчета, работы по выдѣлу земель подъ русскія поселенія ведутся въ настоящее время въ Степныхъ областяхъ и должны вестись въ Туркестанскомъ краѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставить открытою передъ кочевымъ, въ настоящее время, или полукочевымъ туземнымъ населеніемъ возможность перехода, когда придетъ время, къ осѣдлому быту и земледѣльческому хозяйству. Казалось бы, при такомъ положеніи вещей, что случаи перехода киргизъ къ осѣдлости не только не могутъ создать для землеотводнаго дѣла какихъ-либо особыхъ затрудненій, но наоборотъ, даже облегчаютъ дѣло, такъ какъ устраняютъ необходимость считаться съ какими-то будущими измѣненіями въ характерѣ землепользованія и хозяйства кочевниковъ и позволяютъ брать для колонизаціонныхъ цѣлей то, что въ настоящее время не состоитъ въ

пользованіи осѣвшихъ туземцевъ. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ не такъ.

Необходимо прежде всего замѣтить, что текстъ ст. 279^{1} оставляетъ просторъ для довольно разнообразныхъ толкованій. Согласно этой статьѣ, съ переходомъ кочевниковъ къ осѣдлому быту, *обрабатываемыя ими земли* подлежатъ утвержденію за ними примѣнительно къ ст. 255 и другимъ того-же положенія. Между тѣмъ, по ст. 255, какъ она разъяснена раздѣломъ I-мъ Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, за осѣдлымъ населеніемъ укрѣпляются, при наличности постояннаго потомственнаго владѣнія, пользованія и распоряженія, наряду съ орошаемыми и богарными, также и *необрабатываемыя* земли. Нѣкоторые мѣстные дѣятели, съ которыми мнѣ приходилось говорить по данному вопросу, склонны понимать постановленія ст. 279^{1} распространительно и думаютъ, что укрѣпленію за кочевниками, въ случаѣ ихъ перехода къ осѣдлому быту, подлежатъ и состоящія въ ихъ постоянномъ и т. д., владѣніи необрабатываемыя земли. Господствующимъ является, однако, иной, какъ мнѣ лично представляется, болѣе правильный взглядъ, опредѣленно выраженный, между прочимъ, въ отзывѣ г. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора на имя г. Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ отъ 18 Февраля с. г. за № 2027,—именно взглядъ, что за кочевниками укрѣпляются только *обрабатываемыя* земли,—ссылка же на 255 статью касается только тѣхъ условій, при наличности которыхъ эти земли за ними укрѣпляются (постоянное владѣніе и т. д.).

Такое пониманіе закона, конечно, сильно съуживаетъ, но все же далеко не устраняетъ тѣ вредныя послѣдствія, которыми грозило бы широкое примѣненіе ст. 279^{1} для землеотводнаго дѣла. Обрабатываемыя земли кочевниковъ, особенно если къ нимъ присоединить богарныя пашни, сѣнокосы въ камышахъ, по озерамъ и т. п.,—не велики по площади, и конечно и по укрѣпленіи ихъ за осѣдающими кочевниками, для надобностей русской колонизаціи останется гораздо больше земли, чѣмъ окажется возможно использовать по естественнымъ условіямъ. Но подлежащія укрѣпленію угодья окажутся, въ видѣ правила, разбросанными черезполосно съ тѣми болѣе или менѣе удобными для колонизаціи землями, которыя останутся въ распоряженіи Правительства, и эта черезполосность до крайности затруднитъ, во многихъ случаяхъ, использованіе свободныхъ земель для колонизаціонныхъ цѣлей. Вмѣстѣ съ

тѣмъ, однако, примѣненіе ст. 279[1]—въ вышеуказанномъ ея болѣе узкомъ пониманіи было бы крайне стѣснительно и для самихъ киргизъ: оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о «потомственномъ» и «постоянномъ» владѣніи, котораго у только еще переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ можетъ и вовсе не оказаться въ наличности или оказаться чрезвычайно мало,—по смыслу ст. 279[1]—за ними были бы укрѣплены *одинъ только* обрабатываемыя земли, и переходъ въ осѣдлое состояніе былъ бы такимъ образомъ связанъ для кочевниковъ съ утратою права на выгоны и пастбища, а также на свободную, какъ нынѣ, распашку богарныхъ и иныхъ земель. Оффиціально санкціонированный переходъ къ осѣдлому быту съ послѣдствіями по ст. 279[1]Турк. полож., являясь опаснымъ для землеотводнаго дѣла, грозилъ бы, поэтому, и самимъ кочевникамъ такимъ ущербомъ, какого ни въ какомъ случаѣ не могутъ причинить имъ работы по образованію переселенческихъ участковъ, веденныя согласно дѣйствующимъ нынѣ въ Степномъ краѣ принципамъ съ поправками, вытекающими изъ мѣстныхъ особенностей Туркестанскаго края. При этихъ работахъ будетъ, съ одной стороны, производиться, въ предѣлахъ необходимости, сведеніе черезполосности, при которомъ, нерѣдко, только и возможно будетъ использовать для колонизаціонныхъ цѣлей извѣстныя площади съ вкрапленнымъ среди нихъ киргизскимъ пользованіемъ, — съ другой же стороны, киргизы сохранятъ не только достаточное количество культурныхъ угодій и пригодныхъ для разработки въ таковыя земель, но и право пользованія для всякихъ хозяйственныхъ цѣлей, и въ особенности—для пастьбы скота, всѣми тѣми необъятными пространствами, которыя не поступятъ подъ русскую колонизацію. Между тѣмъ, весьма возможно ожидать, что разъ начнутся въ краѣ систематическія землеотводныя работы, то киргизы, не зная точно правилъ закона, касающихся послѣдствій перехода къ осѣдлому быту, будутъ массами возбуждать ходатайства о перечисленіи въ осѣдлые, разсчитывая этимъ путемъ обезопасить себя отъ угрожающихъ имъ отрѣзокъ.

Указывая на могущую проистечь изъ изложеннаго опасность, какъ для дѣла русской колонизаціи, такъ и для интересовъ самого кочеваго населенія,—я считаю, однако, долгомъ оговориться, что, при существующемъ нынѣ въ краѣ положеніи дѣлъ, эти опасенія являются въ значительной мѣрѣ теоретическими. По ст. 279[1]Турк. полож. и ст. 5 положенія объ уѣздныхъ поземельно-податныхъ при-

сутствіяхъ утвержденію за желающими перейти къ осѣдлости кочевниками обработанныхъ ими земель предшествуетъ подробное, по каждому аульному обществу, изслѣдованіе, насколько земледѣльческій быть такого общества или аула можетъ считаться упроченнымъ; изслѣдованіе это поступаетъ на заключеніе Областнаго Правленія, самый же переходъ санкціонируется Главною въ краѣ Властью. Конечно, «изслѣдованія» присутствій не могутъ не имѣть въ значительной мѣрѣ субъективнаго характера. Какъ видно, между прочимъ изъ нѣсколькихъ приведенныхъ выше фактовъ, работавшая въ Ташкентскомъ уѣздѣ поземельно-податная коммисія, которая дѣйствовала также на основаніи тѣхъ или иныхъ «изслѣдованій», перевела въ осѣдлое состояніе и подвергла поземельно-податному устройству цѣлыя общества и даже волости киргизъ, которые и по настоящее время не могутъ считаться, въ дѣйствительности, перешедшими къ осѣдлому быту,—оставивъ въ то-же время на кочевомъ положеніи другихъ киргизъ, проявлявшихъ не меньшіе, а иногда даже и большіе признаки перехода къ осѣдлому быту. Но нынѣшній Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ, Ген.-Лейт. Ивановъ, въ виду указанныхъ выше опасностей, съ которыми связано для самихъ киргизъ перечисленіе въ осѣдлое состояніе и земельное устройство по ст. 279$^{1}_{1}$, относится къ данному вопросу съ чрезвычайною осторожностью. За все время управленія краемъ. Его Высокопревосходительствомъ былъ утвержденъ голько одинъ случай перехода въ осѣдлое состояніе, и то—совершенно исключительный, такъ какъ рѣчь шла о возвращеніи въ осѣдлое состояніе общества, которое еще при ханахъ было обложено на основаніяхъ, существовавшихъ для осѣдлаго населенія и явно ошибочно было зачислено организаціонною коммисіею въ кочевники. Въ другихъ же случаяхъ постановленія поземельно-податныхъ присутствій о перечисленіи кочевниковъ въ осѣдлое состояніе не были утверждены Главнымъ Начальникомъ края, который нашелъ фактъ перехода къ осѣдлому быту не достаточно установленнымъ произведенными изслѣдованіями. При такомъ осторожномъ отношеніи къ дѣлу Высшей Власти края постановленія ст. 279$^{1}_{1}$ не будутъ, конечно, угрожать никакими осложненіями для землеотводнаго дѣла и колонизаціи края.

Значеніе дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ

Въ областяхъ Самаркандской и Ферганской возможность образованія изъ оставшихся внѣ отводовъ туземнаго осѣдлаго населенія земель переселенческихъ участковъ всецѣло зависитъ отъ хода

поземельно-податныхъ работъ. Собственно говоря, въ значительной части названныхъ областей основныя поземельно-податныя работы и въ частности—работы по укрѣпленію за населеніемъ, по ст. 255 Турк. пол., земель, состоящихъ въ постоянномъ, потомственномъ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи, совершенно закончены и результаты ихъ утверждены подлежащею властью. Но за воспослѣдованіемъ Высочайше утвержденнаго 10 Іюня 1900 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ I-мъ раздѣлѣ коего между прочимъ разъяснено, что утвержденію за осѣдлымъ населеніемъ, по 255 ст. Турк. пол., подлежитъ не только искусственно орошаемыя земли, но и земли, орошаемыя атмосферною влагой (богарныя), а равно и земли необрабатываемыя, — оказалось необходимымъ предпринять дополнительныя поземельно-податныя работы во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по принятому ранѣе порядку, за осѣдлымъ населеніемъ были закрѣплены однѣ только искусственно орошаемыя земли. Въ настоящее время положеніе какъ этихъ дополнительныхъ, такъ и основныхъ поземельно-податныхъ работъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: по Самаркандскому и Каттыкурганскому уѣздамъ, Самаркандской области, результаты дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ ко времени моей бытности въ Туркестанскомъ краѣ были уже разсмотрѣны Совѣтомъ Генералъ-Губернатора и представлены на утвержденіе Главнаго Начальника края. То-же ожидалось въ самомъ близкомъ будущемъ по Кокандскому уѣзду, Ферганской области. Въ производствѣ находились дополнительныя поземельно-податныя работы въ уѣздахъ Андижанскомъ, Наманганскомъ и Маргеланскомъ, Ферганской области,—въ уѣздахъ же Ошскомъ, той же области, и Ходжентскомъ и Джизакскомъ, Самаркандской области, ведутся одновременно и основныя, и дополнительныя поземельно-податныя работы; наконецъ, предстоятъ дополнительныя работы и по значительной части Ташкентскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области.

Въ мою задачу совершенно не входило и не могло входить ознакомленіе съ положеніемъ и постановкою поземельно-податныхъ работъ,—все, что я знаю по этому вопросу, основывается на сообщеніяхъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, лично работавшихъ по поземельно-податному дѣлу или участвующихъ въ разсмотрѣніи, въ высшихъ инстанціяхъ, результатовъ поземельно-податныхъ работъ. Изъ сообщеній этихъ лицъ я вынесъ, однако, убѣжденіе, что чрезвычайно льготное для туземцевъ разъясненіе ст. 255-й, данное

вышеупомянутымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, понимается исполнителями поземельно-податныхъ работъ—коммисарами и коммисіями—еще гораздо болѣе льготнымъ образомъ, нежели имѣлъ въ виду законодатель, преподавая вышесказанное разъясненіе. Въ силу этого послѣдняго дополнительно укрѣпляются за осѣдлымъ населеніемъ по преимуществу двоякаго рода угодья: богарныя пашни и выгонныя земли. Первыя, въ видѣ правила, незнающаго, повидимому, исключенія, послѣ небольшого числа посѣвовъ забрасываются въ залежь,—и посѣвы съ залежами разбрасываются черезполосно съ землями вовсе некультурными. Насколько я могу вѣрить полученнымъ мною отъ мѣстныхъ дѣятелей сообщеніямъ, при дополнительныхъ поземельно-податныхъ работахъ одною общею межею обходится вся площадь, по которой разбросаны посѣвы и залежи даннаго общества вмѣстѣ съ черезполосными съ ними некультурными землями, и вся эта площадь укрѣпляется за соотвѣтствующимъ обществомъ. Затѣмъ, по отношенію какъ къ богарнымъ, такъ и въ особенности къ выгоннымъ землямъ, рѣшающее значеніе при выясненіи вопроса о постоянномъ владѣніи и т. д. признается за показаніями мѣстнаго населенія. Если заинтересованное общество заявляетъ, что извѣстная площадь состояла въ его постоянномъ и т. д. владѣніи, и если это подтверждается показаніями сосѣднихъ обществъ, то вопросъ считается окончательно рѣшеннымъ, и границы проводятся согласно указанію населенія,—причемъ при работахъ на мѣстѣ, по закону, не участвуетъ даже представитель вѣдомства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, который, можетъ быть, нашелъ бы основаніе сдѣлать здѣсь же, на мѣстѣ, какія-либо возраженія и опровергнуть заявленія туземцевъ. Между тѣмъ, какъ разъясняли мнѣ компетентные мѣстные дѣятели, повѣрка заявленій заинтересованныхъ обществъ показаніями сосѣднихъ обществъ имѣетъ совершенно фиктивное значеніе: разъ только между сосѣдними обществами нѣтъ спора, они совершенно не заинтересованы опровергать хотя-бы явно ложныя заявленія, дѣлаемыя поземельно-податнымъ коммисарамъ и, напротивъ, одно общество, поддерживая заявленія другого, со своей стороны разсчитываетъ на поддержку своихъ заявленій со стороны этого послѣдняго. Такимъ образомъ, *фактически за осѣдлымъ населеніемъ закрѣпляется* при дополнительныхъ поземельно-податныхъ работахъ *все то, на что оно только заявитъ свои права*,—и въ распоряженіи Правительства, по окончаніи дополнительныхъ работъ, останутся

лишь такія пространства, на которыя никто изъ осѣдлаго населенія не пожелалъ заявить никакихъ притязаній. Ясно, какъ неблагопріятно такого рода постановка дѣла должна отразиться на состояніи тѣхъ и безъ того небольшихъ земельныхъ запасовъ Ферганской и Самаркандской областей, которые, по своему характеру, могли бы быть пригодны для отвода подъ заселеніе, а по своему мѣстоположенію имѣли бы особо важное значеніе для дѣла русской колонизаціи. Въ видѣ примѣра укажу на такія въ высшей степени цѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ земли, какъ «адыры» или предгорные лессовые холмы Ферганской области, которые, по мнѣнію чиновъ мѣстнаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, при существующей постановкѣ дополнительныхъ поземельно-податныхъ работъ будутъ цѣликомъ укрѣплены за осѣдлыми туземцами и изъ которыхъ, вѣроятнѣе всего, ни одна пядь не поступитъ въ распоряженіе государства для надобностей русской колонизаціи края.

Охарактеризованное въ краткихъ чертахъ направленіе поземельно-податныхъ работъ едва ли можетъ быть признано соотвѣтствующимъ мысли законодателя. Прежде всего, трудно вообще допустить, чтобы богарныя земли, въ значительной своей части впервые распаханныя въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ лѣтъ и либо уже оставленныя въ залежь, либо имѣющія быть заброшенными черезъ немного лѣтъ, могли быть признаны состоящими въ постоянномъ и потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи; весьма характернымъ въ данномъ отношеніи является сообщенный мнѣ Управляющимъ Туркестанскою Казенною Палатой г. Ивашкевичемъ фактъ, что богара въ районѣ извѣстнаго селенія, сплошь и рядомъ, распахивается пришлымъ осѣдлымъ населеніемъ или кочевниками. Но если бы и допустить, что подобнаго рода земли могутъ удовлетворять условіямъ, перечисленнымъ въ 255 ст. Турк. пол., то это во всякомъ случаѣ не могло бы служить основаніемъ для укрѣпленія за населеніемъ тѣхъ никогда не распахивавшихся земель, которыя располагаются черезполосно съ посѣвами и залежами. Равнымъ образомъ, едва ли можно найти въ законѣ или въ мѣстномъ обычаѣ основаніе для того, чтобы укрѣплять за осѣдлымъ населеніемъ необработанныя земли на основаніи голословныхъ заявленій заинтересованныхъ обществъ и завѣдомо для всѣхъ недостовѣрныхъ показаній ихъ сосѣдей. По мысли закона, укрѣплять за населеніемъ имѣлось въ виду лишь тѣ именно земли, ко-

торыя состояли въ его владѣніи, пользованіи и распоряженіи, на мильковомъ правѣ, въ эпоху присоединенія края, а никакъ не всѣ тѣ земли, которыя населеніе пожелаетъ взять въ свое владѣніе и распоряженіе. Въ частности, по отношенію къ необработаннымъ землямъ, если онѣ дѣйствительно издавна находились *въ пользованіи* населенія, не можетъ, по моему мнѣнію, не быть на-лицо какихъ либо объективныхъ признаковъ, которые дѣйствительно доказывали бы наличность подобнаго рода пользованія. Такимъ пользованіемъ не можетъ, конечно, быть признанъ случайный проходъ, время отъ времени, принадлежащаго данному обществу скота; если же необработанныя земли служатъ постояннымъ выгономъ, то этотъ фактъ, несомнѣнно, можетъ быть установленъ по присущимъ всякому постоянному выгону объективнымъ признакамъ. Изъ отсутствія подобнаго рода признаковъ и невозможности для населенія привести несомнѣнныя *доказательства* постояннаго потомственнаго владѣнія, пользованія и распоряженія я, конечно, не дѣлаю вывода, что всѣ земли, на которыя у туземцевъ нѣтъ подобнаго рода доказательствъ, должны быть непремѣнно изъяты изъ его пользованія и обращены, напримѣръ, подъ русскія поселенія. Я думаю только, что при такихъ обстоятельствахъ населеніе не имѣетъ права на *укрѣпленіе* за нимъ подобныхъ земель, а таковыя могутъ быть *предоставляемы* ему въ пользованіе подъ выпасъ, въ случаѣ надобности, по ст. 258 Турк. пол., или отводимы ему въ срочное или безсрочное пользованіе распоряженіемъ той власти, которая вѣдаетъ, вообще, казенными землями въ краѣ.

Въ виду изложенныхъ соображеній мнѣ казалось, въ интересахъ упорядоченія землеотводнаго дѣла вообще и огражденія интересовъ русской колонизаціи въ частности, необходимымъ преподать въ инструкціонномъ порядкѣ указанія, направленныя къ тому, чтобы привести дополнительныя поземельно-податныя работы въ большее соотвѣтствіе съ дѣйствительною, какъ я ее понимаю, мыслью закона. Мнѣ казалось необходимымъ для этой цѣли, прежде всего, привлечь къ непосредственному участію въ работѣ на мѣстахъ представителя казеннаго земельнаго управленія, который принималъ бы непосредственное участіе въ повѣркѣ заявленій населенія о состоящихъ въ его владѣніи и т. п. угодьяхъ; затѣмъ, я считалъ соотвѣтственнымъ установить извѣстныя правила относительно укрѣпленія черезполосныхъ съ необработанными богарныхъ земель, — а именно укрѣплять за населеніемъ лишь пространство, соотвѣтствующее

дѣйствительной площади посѣвовъ и залежей, съ замѣною черезполосныхъ клочковъ отводомъ удобной для распашки земли въ одномъ отрубѣ; наконецъ, по отношенію къ необработаннымъ землямъ я считалъ умѣстнымъ требовать болѣе опредѣленныхъ доказательствъ постояннаго владѣнія и пользованія, нежели какими поземельно-податныя учрежденія довольствуются въ настоящее время. Однако, на совѣщаніи, состоявшемся подъ личнымъ предсѣдательствомъ г. Туркестантскаго Генералъ-Губернатора, изложенныя мои соображенія не встрѣтили никакой поддержки. Такимъ образомъ, повидимому, придется мириться съ существующимъ нынѣ направленіемъ поземельно-податныхъ работъ, что̀, надо думать, равносильно болѣе или менѣе полному закрытію возможности отвода земель подъ заселеніе въ Ферганской и Самаркандской областяхъ, а въ значительной мѣрѣ—и въ Ташкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области.

5 ноября 1903 года.

Библіотека